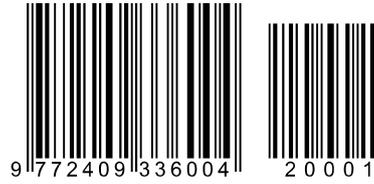

ISSN 2409-336X

В Е С Н І К

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта
імя А. А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя А. ГУМАНІТАРНЫЯ НАВУКІ
(гісторыя, філасофія, філалогія)

Выходзіць два разы ў год

1(55)
2020

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р гіст. навук прафесар Д.С. Лаўрыновіч (галоўны рэдактар)
д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (нам. галоўнага рэдактара)
д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (старшыня рэдакцыйнага савета серыі А)
Л.І. Будкова (адказны сакратар)

Гісторыя:

д-р гіст. навук прафесар Д.У. Дук (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар К.М. Бандарэнка (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар І.А. Марзалюк (Мінск)

Філасофія:

д-р філас. навук прафесар П.С. Карака (Мінск)
д-р філас. навук прафесар А.П. Пунчанка (Адэса, Украіна)
д-р філас. навук М.С. Конах (Каменскае, Украіна)
канд. філас. навук дацэнт В.У. Старасценка (Магілёў)
канд. філас. навук дацэнт А.В. Дзячэнка (Магілёў)

Філалогія:

д-р філал. навук дацэнт А.М. Макарэвіч (Магілёў)
д-р філал. навук прафесар Т.М. Вальнец (Мінск)
канд. філал. навук дацэнт Т.Р. Міхальчук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт М.М. Караткоў (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А.С. Лаўшук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А.В. Доўгаль (Магілёў)

*Навукова-метадычны часопіс “Веснік Магілёўскага дзяржаўнага
універсітэта імя А.А. Куляшова” ўключаны ў РІНЦ
(Расійскі індэкс навуковага цытавання),
ліцэнзійны дагавор № 811-12/2014*

АДРАС РЭДАКЦЫІ:

212022, Магілёў, вул. Касманаўтаў, 1,
пакой 223, т. (8-0222) 28-31-51

ЗМЕСТ

<i>ДУК Д. В.</i> Актовая печать епископа Константина из Керамоса (из археологического собрания средневекового Полоцка).....	4
<i>ЛАВРИНОВИЧ Д. С.</i> Депутаты Государственной думы первого и второго созывов от Могилевской губернии: социальные и политические характеристики.....	9
<i>ТАБУНОВ В. В.</i> Религиозное движение мариавитов во внутренней политике российского правительства на белорусских землях в конце XIX – начале XX в.	15
<i>ПУШКИН І. А.</i> Роля замежных спецыялістаў пры фарміраванні прамысловага патэнцыялу ўсходніх рэгіёнаў БССР (1970–1980-я гг.)	19
<i>КОВАЛЕВА Л. А.</i> Становление белорусско-российских межгосударственных отношений в начале XX в.	25
<i>МОТОРОВА Н. С.</i> Основные тенденции развития общественного признания на территории белорусских губерний в 1861–1914 гг.	30
<i>ЧЕРНЯВСКИЙ И. В.</i> Особое соединение партизанских отрядов на территории Западной Беларуси (1942–1943 гг.).....	38
<i>АНДРЭЙЧЫК К. В.</i> Дзейнасць міжведамаснага каардынацыйнага савета па ахове матэрыяльнай і духоўнай спадчыны Брэсцкага абласнога выканаўчага камітэта (1997–2001 гг.).....	46
<i>ХУДАЙБЕРДИЕВА Н. Х.</i> Энергетическая политика Турции в 1990-е гг. и место в ней Туркменистана	53
<i>ЧЕРЕПАНОВ О. А.</i> Идеи реформирования подготовки педагогических кадров в проектах директора Могилевского учительского института В.Н. Тычинина (1915–1917 гг.).....	60
<i>КОРСАК А. И.</i> Государственная политика увековечения памяти погибших в 1941–1944 гг. на территории Могилевской области на примере Чаусского района.....	68
<i>ВИШНЕВСКИЙ М. И.</i> Философские и образовательные аспекты новой рациональности....	75
<i>СТАРОСТЕНКО В. В.</i> Динамика развития и особенности структуры Христиан веры евангельской в восточной Беларуси в 2000-е гг.	81
<i>БАНЬКОВСКАЯ Ю. Л.</i> Методологические основания социально-философского анализа сетевых структур.....	87
<i>СОЛОДОВНИКОВА Т. В.</i> Фейк: атрибут рекламного дискурса или современный механизм рекламного коммуникативно-информационного пространства?.....	93
<i>КУСКОВСКАЯ В. С.</i> Общие принципы и приемы изображения гражданской войны в США в романе “Алый знак доблести” и сборнике рассказов “Маленький полк” С. Крейна	99
<i>ЛАБОВКИН Д. А.</i> Специфика изображения ухода и бегства в белорусской и американской прозе XX века.....	113
<i>ДЕРЮЖИН Р. В.</i> Развитие прессы органов управления народным хозяйством БССР (1920–1980-е гг.).....	125
<i>БАГАРАДАВА Т. Р.</i> Тэма ваеннага палону ў аповесцях К. Вараб’ёва “Гэта мы, госпадзі!” (1943, 1986) і М. Аўрамчыка “Палон”(1991)	129

ІСТОРЫЯ, ФІЛАСОФІЯ, ФІЛАЛОГІЯ

УДК 902(476.5):736.31

АКТОВАЯ ПЕЧАТЬ ЕПИСКОПА КОНСТАНТИНА ИЗ КЕРАМОСА (из археологического собрания средневекового Полоцка)

Д. В. Дук

доктор исторических наук, профессор
ректор Могилевского государственного
университета имени А. А. Кулешова

Впервые представлена атрибуция вислой свинцовой актовой печати (буллы), найденной во время археологических раскопок в Полоцке в 2005 г. в стратиграфическом слое XI–XII вв. Печать датируется первой половиной XII в., она принадлежала епископу Константину из византийского города Керамоса на побережье Керамического залива Средиземного моря. Константин из Керамоса был наместником епископа из Афродисиаса (викарием), поскольку город Керамос (современный город Орэн на юго-западе Турции) в VII–XII вв. входил в состав епархии города Афродисиаса / Стаурополиса (историческое название – Город Креста). Данная находка указывает на наличие внешних связей Полоцка с развитыми провинциями Византии и значительно расширяет наши представления о географии коммуникаций определенной части населения Полоцка в эпоху расцвета княжеской династии Рогволодовичей.

Ключевые слова: актовая свинцовая печать (булла), епископ, викарий, епархия, князь, император, Византийская империя, Русь, деловая переписка.

Введение

Обнаружение печати. В 2005 г. во время археологических раскопок на территории Великого посада Полоцка нами была найдена великолепная по сохранности и уникальная для полоцкой сфрагистической коллекции свинцовая актовая печать (рисунок). Печать найдена в стратиграфическом слое XI–XII вв. [1]. Данный стратиграфический слой был небольшим по мощности (в среднем 0,2–0,3 м) и достаточно однородным по структуре. По этой причине стратиграфическая дата определяет достаточно широкий диапазон в пределах XI–XII вв.

Территория, на которой была обнаружена печать, входила в зону расположения статусных построек полоцких ремесленников, в частности, полоцких ювелиров XII–XVII вв. В непосредственной близости от раскопа 2005 г. располагалась огромная по меркам XII в. усадьба ювелира, которая могла принадлежать известному в Полоцкой земле и далеко за ее пределами “золотарю” Лазарю Богше [2].

Свинцовая печать (булла) с изображением Богоматери “Знамение” (лицевая сторона) и надписью “KON|STANTIN|EPI|SCOP|US” (оборотная сторона). Полоцк. Раскопки Д.В. Дука (2005 г.)

В данной статье впервые предлагается атрибуция найденной печати, а также возможные обстоятельства ее появления в Полоцке. Печать хранится в собрании археологической коллекции Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника.

Основная часть

Описание, аналоги и датировка полоцкой находки. В историографии нами обнаружены сведения о пяти аналогичных печатях. Три из них происходят из частной коллекции Олексея Шереметьева, место их обнаружения не указано, четвертая хранится в частной коллекции К.Д. Смычкова в Беловодске, пятая печать происходит из Новгорода и упоминается В.Л. Яниным в Своде печатей [3, р. 86]. Таким образом, только одна аналогичная печать за пределами Полоцка имеет географическую привязку к месту находки – к Новгороду.

Во всех обнаруженных за пределами Полоцка печатях металл был меньший по диаметру, чем штамп булатирия (булатирий – приспособления для оттиска печатей). По этой причине изображение получилось неполным. На лицевой стороне печатей расположено поясное изображение Богоматери “Знамение” и сигнатура “MP” (Мария). На рассматриваемом нами артефакте из Полоцка присутствует полноформатное изображение Богоматери. Композиция на лицевой и оборотной сторонах помещена в рамку из слитных пунктиров. Оттиск печати получился правильный и расположен по центру заготовки. В изображении Богоматери очень четко читаются складки мафория, а на правом плече угадываются очертания восьмиконечной звезды – Богородичного символа Вечного Девства. В окружности головы Марии расположен нимб, положение правой руки Богоматери с открытой ладонью. По иконографии данное изображение соответствует византийским канонам второй половины XI в. [4, с. 229, табл. 74, № 363].

На оборотной стороне печати размещена легенда относительно большими буквами:

Κ Θ Ν [Ο] Κ Ε Ρ Α | Μ Ε Σ

Κων(σταντίνος) [ό] Κεράμης [3, р. 86].

Общая датировка печатей австрийским исследователем Вернером Зайбтом (Werner Seibt) предлагается в диапазоне “позднего XI века либо первой половины XII века” [3, р. 86]. Полоцкая печать имеет диаметр 18 мм, размер новгородской печати аналогичный, размер остальных печатей не указан.

В.Л. Янин ставит под сомнение русское происхождение печати и относит ее к типу “греко-русских”, но может оказаться и “чисто греческим” [4, с. 154, 229]. После 1113 г. (вхождение на Киевский стол Владимира Мономаха) изображение Богоматери, согласно В.Л. Янину, становится “типической особенностью церковных булл”, в том числе епископских [4, с. 156]. Хронология данных печатей, согласно В.Л. Янину и В. Зайбту, не противоречит хронологии стратиграфического контекста полоцкой находки 2005 г.

Греческое слово “Керамос” означает “земля гончара, глина гончара, керамика” [3, р. 86]. В. Зайбт трактует надпись “Константин Керамос” как имя. На наш взгляд, более точная интерпретация надписи – “Константин из Керамоса”. Керамос (Керамус) – это современный город Орен на юго-западе Турции, на северном берегу Керамического залива Средиземного моря. Керамос во времена Византийской империи входил в состав епархии города Афродисиаса / Стауруполиса, он же – Город Креста. Афродисиас являлся столицей епископата с VII до XII в. Епископы Керамуса упоминаются в *Notisiae Episcopatum* (список епископий) до XII или XIII в. как наместники епископов Афродисиаса или Стауруполиса, т. е., по существу, они являлись викариями – епископами, не имеющими своей епархии и помогающими в управлении епархиальному *episcopo*. Известны три епископа Керамоса: Спудасий, присутствовавший на Первом соборе Эфеса в 431 г.; Мауриан, который присутствовал на Никейском соборе в 787 г.; Симеон, присутствовавший на соборе в Константинополе и восстановивший Фотия в 879 г. Имя Константин среди епископов Керамоса, таким образом, встречается только на вислых актовых печатях. Следует указать также, что известна еще одна булла, принадлежавшая некоему Теодору, епископу из Керамоса. Она хранится в Художественном музее

Гарварда (Harvard Art Museums / Arthur M. Sackler Museum). На данной печати сохранилась надпись “Keramos Theodo...”, подобный тип печатей датируется VII–VIII вв. [5, с. 187; 6].

Несомненно, епископские буллы из Керамоса были прикреплены к письменным документам и удостоверяли их подлинность. Еще раз отметим, что в отличие от всех упомянутых выше вислых печатей полоцкая булла имеет прекрасную сохранность. Количество металла (свинца) полностью хватило для создания полноформатного оттиска. Можно предположить, что печать была сорвана сразу же после получения верифицируемого ею документа адресату и за ненадобностью утеряна (утилизирована), став, таким образом, ценным историческим источником.

Контекст социально-экономического развития Византии и Полоцкой земли, сопутствующего времени бытования печати. Политическая обстановка во времена бытования данного типа печатей была относительно стабильна как в Византийской империи, так и на территории Полоцкой земли. После потрясений и почти что анархии 1070-х гг. политическая стабильность в Византийской империи была восстановлена. На престоле утвердилась новая императорская династия – Комнины. Византийская империя процветала. Западные провинции, когда-то с трудом восстанавливавшиеся после нашествий славян и болгар, теперь благоденствовали. Города, такие как Афины, Фивы и Коринф, стали ремесленными и торговыми центрами и быстро развивались. Порты – Фессалоники и Диррахий – переживали торговый бум. Кроме того, империя вернула себе большую часть территории в Малой Азии, которая была утрачена в последние десятилетия XI в. Никея, Смирна и Аморион вновь оказались под властью Византии, как и большая часть малоазиатского побережья, самая плодородная и развитая часть региона [7, с. 245; 8, с. 121–122].

В Полоцке в первой половине XII века активно развиваются ремесла, главными из них было ювелирное дело, процветает церковная жизнь, строятся монастыри. Полоцк в XII в. является центром крупнейшей

на территории Руси епархии. Около 1127–1128 гг. Евфросиния, дочь князя Святослава Георгия из рода полоцких князей Роговолодовичей, становится игуменией Спасского монастыря в княжеском местечке Сельцо под Полоцком. Под ее патронажем происходит расцвет и возвышение статуса Спасской обители [9, с. 52–61]. По заказу Евфросинии полоцким ювелиром Лазарем Богшей создан знаменитый Крест-реликварий Евфросинии Полоцкой (1161 г.), для которого потребовались христианские реликвии, собранные в Святой земле (Палестине) и Византии. Перед уходом в Константинополь и Святую Землю Евфросиния основала мужской Богородицкий монастырь (вероятно, в местечке Бельчицы) [10]. Имеются исторические свидетельства контактов Евфросинии Полоцкой с первыми лицами Византийской империи – с патриархом Лукой ХризOVERгом и византийским императором Мануилом I Комниным [9, с. 59]. Расширение нашего представления о способах коммуникаций, социальном статусе личности в средневековой истории вполне очевидно дают две вислые актовые печати, которые принадлежали Евфросинии и были найдены во время археологического изучения Спасской церкви [11; 12]. Одна печать была монастырской (парадной), другая – личной, что свидетельствует о ведении преподобной широких и разноплановых коммуникаций с внешним миром. В этом же контексте следует рассматривать изучаемую нами печать.

К вопросу об адресате документа, скрепленного печатью. По данному вопросу можно говорить лишь о *возможном* адресате, поскольку археологического контекста по принадлежности к *закрытому* археологическому комплексу у нас не имеется. Тем не менее сам факт обнаружения печати в датированном стратиграфическом пласте и на территории, где длительное время располагались усадьбы полоцких ювелиров, позволяет высказать определенное предположение. Так, кроме привозного сырья в виде металлов полоцкие ювелирные мастерские XII в. нуждались в христианских реликвиях. Такие реликвии применялись, например, в составе крестов-энколпионов, которые активно использовались

на территории Руси и были найдены в том числе и в Полоцке. Главным крестом-реликварием всей Полоцкой земли, безусловно, являлся Крест Евфросинии, который был изготовлен Лазарем Богшей. По глубокому убеждению автора данных строк, Лазарь Богша изготавливал Крест в непосредственном контакте с заказчицей – игуменьей Евфросинией, и происходило это в одной из полоцких ювелирных мастерских. Самой крупной из усадеб полоцких ювелиров в XII в. была именно та, возле которой нами найдена була из Керамоса. Таким образом, не исключено, что находка епископской печати вне монастырских стен не случайна и адресатом Константина из Керамоса был не кто иной, как известный на всей территории Руси полоцкий ювелир Лазарь Богша.

Заключение

Обнаруженная в Полоцке епископская печать Константина из византийского города Керамоса подтверждает наличие широких коммуникаций у определенной части населения Полоцка первой половины XII в. с епархией Афродисиаса. Учитывая, что, по крайней мере, еще одна аналогичная печать происходит из Новгорода, можно утверждать, что данные связи были в целом характерны для двух крупнейших городских центров первой половины XII в. на территории Руси – Полоцка и Новгорода. Свинцовая актовая печать викария Константина из Керамоса была найдена в Полоцке во время археологических раскопок на территории проживания статусного торгово-ремесленного населения. Данная находка свидетельствует о наличии прямых связей определенной части населения Полоцка с отдаленными от Константинополя византийскими епархиями и значительно расширяет наши представления о географии внешних связей Полоцка в эпоху расцвета княжеской династии Рогволодовичей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дук, Д. У. Справаздача аб археалагічных раскопках і наглядзе ў горадзе Полацку ў 2005 годзе / Д. У. Дук // *Архіў Інстытута гісторыі Нацыянальнай*

акадэміі навук Беларусі. *Вопіс* 1. – № 2284.

2. Тарасаў, С. В. Сядзіба полацкіх ювеліраў XII–XIII стст. / С. В. Тарасаў // *Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы IV Міжнароднай навуковай канферэнцыі*. – Полацк: НППКМЗ, 2003. – С. 267–272.
3. Seibt, Werner. Some Interesting Byzantine Seals with Surnames in the Collection of Oleksii Sheremetiev / Werner Seibt // *Byzantine and Rus' Seals*, edited by Hlib Ivakin, Nikita Khapunov, Werner Seibt. – Kyiv 2015. – P. 83–95.
4. Янин, В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв.: в 2 т. / В. Л. Янин. – М.: Наука, 1970. – Т. 1: Печати X – начала XIII в. – 327 с.: ил.
5. Catalogue of Byzantine seals at Dumbarton Oaks and in the the Fogg Museum of Art. Volume 2. South of the Balkans, the Islands, South of Asia Minor / Edited by John Nesbitt and Nicolas Oikonomides. – Washington, D. C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1994. – 236 p.
6. Dumbarton Oaks Research Library and Collection [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.doaks.org/resources/seals/byzantine-seals/BZS.1951.31.5.1921>. – Дата доступа: 09.01.2020.
7. Дашков, С. Б. Императоры Византии / С. Б. Дашков. – М.: Издательский дом “Красная площадь”, “АПС-книги”, 1996. – 368 с.: ил.
8. Харрис, Джонатан. Византия: История исчезнувшей империи / Джонатан Харрис. – М.: АНО, 2017. – 198 с.: ил.
9. Алексеев, Л. В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры: в 2 кн. / Л. В. Алексеев; Ин-т археологии РАН. – М.: Наука, 2006. – Кн. 2. – 167 с.
10. Дук, Д. У. Таямніца зніклай святыні: манастыр Святой Багародзіцы ў Полацку / Д. У. Дук // *Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў: зб. навук. арт. III Міжнар. навук.-практ. канф.*, Полацк, 14–15 крас. 2016 г.: у 2 ч. / Полацкі дзярж. ун-т; пад агул. рэд. Д. У. Дука, У. А. Лобача, А. І. Корсак. – Наваполацк, 2016. – Ч. 1. – С. 11–13.
11. Парадная пячатка Еўфрасінні Полацкай / Д. Дук [і інш.] // *Беларускі*

гістарычны часопіс. – 2017. – № 9. – С. 4–8.

12. Дук, Д. Пячатка Еўфрасінні Полацкай / Д. Дук, І. Калечыц, А. Коц // Беларускі гістарычны часопіс. – 2015. – № 7. – С. 13–18.

Поступила в редакцию 24.12.2019 г.

Контакты: +375 222 28 41 67

(Дук Денис Владимирович)

Duk D. THE SEAL OF BISHOP CONSTANTINE OF KERAMES (from the archeological collection of medieval Polotsk)

For the first time the article presents the attribution of a hanging lead seal (bulla) which was found in the stratigraphic layer of the XI–XII centuries during the archaeological excavations in Polotsk in 2005. The seal dates from the first

half of the XXII century; it belonged to Bishop Constantine of the Byzantine city of Kerames located on the coast of the Ceramic Gulf of the Mediterranean Sea. Constantine from Kerames was the governor (Vicar) of the bishop of Aphrodisias, since the city of Kerames (the modern city of Oren in southwestern Turkey) in the VII–XXII centuries was the part of the diocese of the city of Aphrodisias / Staupolis (with the historical name “City of the Cross”). This finding indicates the presence of external relations of Polotsk with the developed provinces of Byzantium and significantly expands our understanding of the geography of communications of a certain part of the population of Polotsk in the heyday of the princely dynasty of the Rogvolodovichi.

Keywords: act lead seal (bulla), bishop, vicar, diocese, prince, emperor, Byzantine Empire, Kievan Rus, business correspondence.

УДК 329.12(=161.1)(476)“1906/1907”

**ДЕПУТАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ДУМЫ ПЕРВОГО И ВТОРОГО
СОЗЫВОВ ОТ МОГИЛЕВСКОЙ
ГУБЕРНИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ**

Д. С. Лавринович

доктор исторических наук, профессор
Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова

В статье раскрываются социальные характеристики депутатов Государственной думы (крестьян, помещиков, представителей духовенства и служащих). Автор показывает, что, несмотря на цензовый характер избирательного закона от 11 декабря 1905 г., состав депутатского корпуса в целом отражал социальный состав населения Могилевской губернии. По политическим представлениям среди депутатов Думы первого созыва преобладали сторонники либеральных и левых партий, особенно активно действовали конституционные демократы. Депутаты II Думы были более пассивны, но принимали посильное участие в политической и законотворческой деятельности.

Ключевые слова: Государственная дума, Могилевская губерния, депутаты, социальный статус, конституционные демократы, трудовики, “Союз 17 октября”.

Введение

В истории российского государства представительный строй принимал различные формы, но только в начале XX в. сложились условия для законодательного ограничения монархической власти. Согласно Основным законам от 23 апреля 1906 г. ни один закон не мог вступить в силу без одобрения Государственной думы. Император, сохранив большинство из своих прерогатив, вынужден был прислушиваться к голосу депутатов, во многом определявших формирование общественного мнения в стране. Впервые ответственность за деятельность законодательной власти разделили и представители Могилевской губернии.

© Лавринович Д. С., 2020

Основная часть

Первыми депутатами, избранными местным населением в Государственную думу в марте – апреле 1906 г., стали Федор Ефимович Буслов, Василий Афанасьевич Кореньков, Марк Иванович Овсянников, Митрофан Емельянович Семенов, Антон Ильич Соколовский, Георгий Николаевич Твердый, Александр Яковлевич Хоментовский. Они отличались происхождением, имущественным положением, уровнем образования, жизненным опытом, придерживались разных политических взглядов.

Четверо депутатов были крестьянами. В.А. Кореньков проживал в деревне Высокое Оршанского уезда и помимо сельского хозяйства занимался портняжным ремеслом. М.И. Овсянников являлся крестьянином села Рипки Рогачевского уезда, а М.Е. Семенов – деревни Пырковщина Сенненского уезда. А.И. Соколовский исполнял обязанности сельского старосты в деревне Соприковичи Мстиславского уезда. Все они были православными, имели начальное образование, а М.Е. Семенов еще и отслужил в армии, получив чин старшего унтер-офицера [1, с. 291, 423, 554, 569].

Ф.Е. Буслов также происходил из крестьян Быховского уезда и исповедовал православие, но он рано порвал со своим сословием, окончив Гомельское техническое железнодорожное училище и устроившись помощником машиниста на маневровом паровозе. Затем он работал чертежником в Управлении Рязанско-Уральской железной дороги в Саратове, принимал участие в строительстве Рижско-Орловской и Круго-Байкальской железных дорог [2]. На момент избрания депутатом Буслов служил на частной железной дороге в Быхове [1, с. 73].

А.Я. Хоментовский был землевладельцем имения Кривое Могилевского уезда и принадлежал к известному дворянскому роду. Он окончил Витебскую гимназию и физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, занимался общественной работой, получил звание почетного мирового судьи [1, с. 685].

Г.Н. Твердый являлся уроженцем Могилева, окончил гимназию и юридический факультет Санкт-Петербургского универ-

ситета по 1-му разряду со званием кандидата прав. Работал податным инспектором и был помощником присяжного поверенного в Могилеве. В октябре 1905 г. он вышел в отставку из-за участия в митинге, на котором была принята резолюция, осуждавшая могилевского губернатора Н.М. Клингенберга. Но, поскольку Г.Н. Твердый пользовался большой популярностью среди горожан, 14 декабря того же года его избрали городским головой Могилева. Правда, управлять городским хозяйством Григорию Николаевичу не пришлось, т. к. результаты выборов не были утверждены министром внутренних дел П.Н. Дурново [3]. После этого Г.Н. Твердый продолжил карьеру помощника присяжного поверенного. Жил он на собственные средства и владел домом в Могилеве [1, с. 607].

Таким образом, вопреки цензовому характеру избирательного закона от 11 декабря 1905 г. социальные характеристики депутатов в целом отражали социальный состав населения Могилевской губернии: из семи выборных представителей только один был дворянином-помещиком, пятеро (включая Ф.Е. Буслова) принадлежали к крестьянскому сословию, один – к горожанам. Шесть депутатов были православными белорусами (русскими), один – католиком с польской самоидентификацией. Правда, от еврейского населения, которое составляло в те времена значительную часть жителей городов и местечек, ни один представитель в “народное представительство” не прошел.

Во II Государственную думу в начале 1907 г. были избраны Михаил Иванович Гашкевич, Леонид Емельянович Емельянов, Петр Аггевич Казаков, Лев Францевич Лубенский, Иван Петрович Созонович, Сергей Александрович Шидловский, Денис Кондратьевич Щербенок. Трое из вновь избранных депутатов были крестьянами, трое – дворянами, помещиками, один – православным священником.

Крестьянин Л.Е. Емельянов проживал в селе Надейковичи Климовичского уезда, являлся волостным старшиной. Д.К. Щербенок жил в селе Палуж Чериковского уезда, из-за малоземелья с 12 лет работал сначала рабочим в Юзовке, а затем на КВЖД

в Маньчжурии. К моменту выборов в Думу он, как и Емельянов, был волостным старшиной. П.А. Казаков занимался сельским хозяйством в деревне Усушки Быховского уезда. Все они, как и крестьяне, избранные в I Государственную думу, были православными и имели только начальное образование [1, с.194, 240, 742].

Лицом духовного звания в “народном представительстве” второго созыва от Могилевской губернии был М.И. Гашкевич. Он родился в деревне Шерстин Рогачевского уезда в семье священника, окончил духовную семинарию в Могилеве, работал учителем в Мстиславском духовном училище. На момент избрания был священником села Ануфриево Чериковского уезда, т. е. представлял небогатую часть духовенства, близкую к простому народу, хорошо знавшему крестьянскую жизнь [1, с. 122].

Депутаты-помещики, наоборот, принадлежали к высшему и наиболее состоятельному слою российского дворянства. Л.Ф. Лубенский принадлежал к польской аристократии, имел титул графа, владел имением Межево в Оршанском уезде Могилевской губернии (700 десятин), а также поместьями Казимежа-Велька и Белз в Келецкой губернии. Он окончил Технологический институт в Граце (Австро-Венгрия), активно занимался хозяйством в своих имениях, был избран в состав советов Могилевского и Минского обществ сельского хозяйства [1, с. 334; 4, s. 125; 5, s. 488]. И.П. Созонович был сыном чиновника, но благодаря жене стал крупным помещиком Могилевской губернии, владевшим примерно 1300 десятин земли. Карьеру он сделал в сфере образования. Окончив историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, Созонович защитил диссертацию и получил ученую степень доктора наук по русской словесности, работал профессором Варшавского университета и попечителем Варшавского учебного округа [1, с. 589]. С.А. Шидловский проявил себя в административно-управленческом аппарате Российской империи. Он владел имением Шипы Сенненского уезда, получил среднее образование, окончив Константиновское артиллерийское училище, служил

в армии. После отставки Шидловский делал карьеру в сфере местного управления, стал сенненским уездным предводителем дворянства. Его продвижение по административной лестнице продолжилось, и после роспуска II Государственной думы он последовательно работал на должностях вице-губернаторов в Могилевской, Воронежской и Эстляндской губерниях, в 1917 г. был губернатором Лифляндии [1, с. 699].

Все депутаты от Могилевской губернии были сравнительно молоды: восемь (более половины) из них входили в возрастную группу 30–35 лет, четверо – 40–45 лет, А.Я. Хоментовский приближался к 50-летнему юбилею, и только И.П. Созонович перешагнул этот рубеж.

В Государственной думе посланцы Могилевской губернии вошли в многочисленные комиссии (как постоянные, так и временные). Г.Н. Твердый был членом бюджетной комиссии, А.Я. Хоментовский входил в комиссии о нуждах сельскохозяйственной промышленности и по преобразованию крестьянских законоположений. Ф.Е. Буслов записался сразу в четыре комиссии: бюджетную, аграрную, издательскую и по составлению адреса (обращения) к Николаю II, М.И. Гашкевич – по делам православной церкви [1, с. 73, 122, 607, 660].

Политические воззрения депутатов были различны. С самого начала функционирования Конституционно-демократической партии (КДП) с ней был связан А.Я. Хоментовский. В частности, он участвовал в учредительном съезде партии 12–18 октября 1905 г. в Москве. По его предложению, 17 октября, в день подписания Николаем II Манифеста о гражданских свободах, собравшиеся почтили вставанием память всех “погибших за народное дело” [6, с. 31]. На следующий день Хоментовский принял участие и в первом заседании ЦК КДП [7, с. 32]. Спустя месяц, 11–12 декабря 1905 г., в Могилеве состоялось организационное собрание конституционных демократов. Был избран постоянный губернский комитет, в который вошел в том числе А.Я. Хоментовский [8, л. 1]. Помимо губернского центра А.Я. Хоментовский руководил группой кадетов в Толочине [8, л. 17 об.].

Ф.Е. Буслов в 1905 г. поддерживал РСДРП и принимал участие в создании Всероссийского железнодорожного союза и Всероссийского крестьянского союза. Впоследствии он разошелся с социал-демократами из-за тактики борьбы с правительством и принципов решения аграрного вопроса [1, с. 73]. В ходе избирательной кампании в Думу Ф.Е. Буслов объявил себя сторонником Конституционно-демократической партии [8, л. 9]. Также поступили М.Е. Семенов и А.И. Соколовский [9, с. 175; 10, с. 82, 83]. Но, попав в Таврический дворец, Ф.Е. Буслов снова сближается с левыми и принимает участие в создании фракции трудовиков, войдя даже в состав ее временного комитета [11]. Трудовиком стал и М.Е. Семенов [1, с. 554]. А.И. Соколовский вошел в группу беспартийных депутатов. В нее же вступили В.А. Кореньков и М.И. Овсянников [1, с. 291, 423, 569].

Депутаты активно участвовали в законотворческой работе Думы, начавшей свои заседания 27 апреля 1906 г., особенно когда обсуждались вопросы, связанные с землей, народным образованием, или проблемы, затрагивавшие население Могилевской губернии. В.А. Кореньков следующим образом озвучил суть требований депутатов-крестьян: “Первая наша нужда – земля, вторая – образование” [1, с. 291]. А.И. Соколовский объявил себя сторонником национализации земли [1, с. 569]. В прениях по аграрному вопросу принимали участие М.Е. Семенов и Ф.Е. Буслов, подписавшие земельный проект фракции трудовиков (“проект 104-х”). Ф.Е. Буслов поддерживал постоянные связи со своими избирателями, крестьянами Быховского уезда, делая на основе их наказов и жалоб запросы в Государственной думе [11]. Его статьи, наряду со статьями Г.Н. Твердого, печатались в кадетской газете “Могилевский голос” [11].

А.Я. Хоментовский, Г.Н. Твердый и Ф.Е. Буслов подписали и приняли участие в лоббировании законопроекта “О гражданском равенстве”, направленном на улучшение правового положения населения [1, с. 73, 607, 660].

Активная политическая деятельность депутатов нашла отклик на местах. 22 мая

1906 г. собрание могилевских кадетов, на котором присутствовало 254 человека, решило отправить приветствие I Думе. Но подписали его всего 118 конституционных демократов, остальные отказались, настаивая на более решительных действиях депутатов-кадетов по отношению к правительству [12, с. 4]. 15 июня Могилев по поручению ЦК КДП посетил депутат от Черниговской губернии И.Л. Шраг, прочитавший публичную лекцию. На нее собралось около 600 человек [13]. Затем под председательством редактора “Могилевского голоса” Ю.Ю. Бехли было устроено совещание с представителями могилевской интеллигенции, посвященное обсуждению думских аграрных законопроектов. На совещании кадеты решительно защищали аграрный проект КДП и выступали против проектов трудовиков и эсеров [14].

Г.Н. Твердый законотворческую деятельность сочетал с пропагандистской. В письмах, публиковавшихся в “Могилевском голосе”, он разъяснял кадетский земельный проект и критиковал деятельность царского правительства, пытавшегося парализовать работу “народного представительства”. “Мысль о том, что Государственная дума... начнет свою работу с рассмотрения опекунского, вотчинного и тому подобных уставов, могла родиться только в архивной пыли петербургских канцелярий, этом рассаднике вредных для блага народа бактерий”, – писал Г.Н. Твердый [15]. В конце мая 1906 г. он совместно с А.Я. Хоментовским послал телеграмму могилевскому губернатору с предупреждением о подготовке еврейского погрома в Гомеле [16].

Местные власти попытались воспрепятствовать дальнейшим контактам конституционных демократов с избирателями. 30 июня 1906 г. гомельский полицмейстер вызвал к себе представителей еврейской общины и заявил им, что ввиду намерения Г.Н. Твердого читать в Гомеле реферат о деятельности Государственной думы, местные черносотенцы решили взорвать бомбу во время собрания и убить депутата. Также полицмейстер намекнул на возможность погрома в случае приезда Г.Н. Твердого. При этом представитель власти ут-

верждал, что полиция не сможет защитить евреев [17].

Противостояние Государственной думы и правительства привело 8 июля 1906 г. к роспуску “народного представительства”. В ответ через два дня в Выборге депутаты подписали воззвание с призывом к народу не давать “ни копейки в казну, ни одного солдата в армию”. Свои подписи под возванием поставили Г.Н. Твердый, А.Я. Хоментовский, Ф.Е. Буслов [1, с. 73, 607, 660].

Местные власти на повышенную активность оппозиционных депутатов ответили репрессиями. Так, в Могилеве при встрече на вокзале Г.Н. Твердого и А.Я. Хоментовского, возвратившихся из Санкт-Петербурга, полицейские записывали имена всех лиц, которые подносили бывшим членам законодательной палаты цветы [18]. Вечером 20 июля 1906 г. после семейного ужина в квартире кадета И.Ф. Фуровича, на котором присутствовали 20 человек, в т. ч. Г.Н. Твердый, полицейский наряд переписал всех вышедших из квартиры [18]. На следующий день в редакцию “Могилевского голоса” явился помощник пристава Сыч с двумя городскими и заявил редактору, что по предписанию высших властей он обязан конфисковать очередной номер, а в конце августа 1906 г. выпуск газеты вообще прекратился [19]. Г.Н. Твердый, А.Я. Хоментовский и Ф.Е. Буслов впоследствии отбыли 3-месячное тюремное заключение по делу о распространении Выборгского возвания и были лишены избирательных прав [1, с. 73, 607, 660].

Депутатский корпус от Могилевской губернии во II Государственной думе, работавшей с 20 февраля по 3 июня 1907 г., придерживался более правых политических взглядов. Кадетам симпатизировали только священник М.И. Гашкевич и крестьянин по происхождению, а фактически уже скорее представлявший рабочий класс Д.К. Щербенок [1, с. 122, 713].

Л.Ф. Лубенский еще в марте 1905 г. входил в делегацию Минского общества сельского хозяйства, которая представила в Санкт-Петербург петицию, содержавшую требования устранения всех национальных

и религиозных ограничений, введения выборных земств, всеобщего начального образования на родном языке, устранения административно-полицейской опеки над крестьянами и уравнения их в правах с другими группами населения. В Государственной думе Лубенский вступил в Коло польских депутатов-конституционалистов Литвы и Руси [4, с. 125].

Трое депутатов от Могилевской губернии (профессор И.П. Созонович, крестьянин П.А. Казаков и предводитель дворянства Сенненского уезда С.А. Шидловский) относились к сторонникам партии октябристов [9, с. 92]. В Думе, однако, только С.А. Шидловский вступил в октябристскую фракцию.

Самым активным из депутатов был И.П. Созонович, который надолго задержался в Государственной думе. Осенью 1907 г. он был избран депутатом во второй раз, вошел во фракцию правых, исполнял обязанности секретаря Думы и возглавлял ее канцелярию. Созонович сотрудничал с рядом монархических партий и организаций, являлся членом “Русского собрания”, а в 1908 г. стал одним из учредителей Русского крайнего общества. Делегатами Пятого Всероссийского съезда русских людей в мае 1912 г. он был избран в комиссию по организации Общества русского языка имени Ломоносова [1, с. 589; 20, с. 16].

Заклучение

Подводя итоги, можно отметить, что вопреки цензовому характеру избирательного закона от 11 декабря 1905 г. социальные характеристики депутатов в целом отражали социальный состав населения Могилевской губернии: из четырнадцати выборных представителей четверо были дворянами-помещиками, семеро крестьянами, один священником, один происходил из крестьянской семьи, но к моменту избрания работал служащим на частной железной дороге, один являлся домовладельцем в Могилеве и исполнял обязанности помощника присяжного поверенного. Большинство депутатов были православными, двое – католиками.

Депутаты I Государственной думы в политическом плане не скрывали своей оппозиционности и действовали активно, не

боясь обращаться за поддержкой к выборщикам. Среди них наиболее заметны были Г.Н. Твердый (конституционный демократ) и Ф.Е. Буслов (трудолик). Депутаты II Думы были более пассивны, но принимали сильное участие в политической и законодательской деятельности. Посредством Государственной думы они впервые оказывали влияние на развитие общественно-политической и социально-экономической ситуации, как на территории Могилевской губернии, так и в целом Российской империи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Государственная дума России : энциклопедия : в 2 т. – М., 2006. – Т. 1 : Государственная дума Российской империи. 1906–1917 / отв. ред. В. В. Шелохаев, А. Н. Аринин, В. В. Журавлев, Н. И. Канищева. – М. : РОССПЭН, 2006. – 768 с.
2. *Буслов, А.Е.* Автобиография (воспоминания) // Васильева Наталья Алексеевна [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: http://www.na-vasilieva.ru/na_rubezhe_xix_i_xx_vekov_ded_natali_alekseevny_prodolzhaet_vspominat/. – Дата доступа: 20.09.2019.
3. *Brzoza, C.* Poświęcie Polscy w parlamencie Rosyjskim 1906–1917. Słownik biograficzny / C. Brzoza, K. Stepan. – Warszawa, 2001. – 220 s.
4. *Jurkowski, R.* Sukcesy i porażki. Ziemiaństwo polskie Ziemi Zabraných w wyborach do Dumy Państwowej i Rady Państwa 1906–1913 / R. Jurkowski. – Olsztyn, 2009. – 550 s.
5. С. В. К вопросу о выборах городского головы / С. В. // Могилевский голос. – 1906. – 8 июня. – С. 3.
6. Съезды и конференции конституционно-демократической партии : в 3 т. – М. : РОССПЭН, 1997. – Т. 1 : 1905–1907 гг. – 744 с.
7. Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. 1905 – середина 1930-х гг. : в 6 т. – М. : Прогресс-Академия, 1994. – Т. 1 : Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. 1905–1911 гг. – 528 с.

8. Переписка ЦК КДП с кадетами Могилевской губернии (1905–1909 гг.) // ГАРФ. – Фонд 523. Оп. 1. Д. 244.
9. **Забайскі, М. М.** Расійская Дзяржаўная дума ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі (1906–1917 гг.) / М. М. Забайскі – Мінск : БДПУ імя М. Танка, 1999. – 212 с.
10. **Марцюхова, М. А.** На переломе революции: Общественно-политическое движение в Белоруссии в связи с учреждением Государственной думы в России (август 1905 – июль 1906 г.) / М. А. Марцюхова. – Минск : Наука и техника, 1986. – 141 с.
11. **Марцюхова, М. А.** Буслаў Фёдар Яфімавіч / М. А. Марцюхова // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / БелЭн ; рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1994. – С. 140.
12. По краю // Свободное слово. – 1906. – 26 мая. – С. 3–4.
13. Местная хроника // Могилевский голос. – 1906. – 17 июня. – С. 4.
14. Доклад И.Л. Шпрага // Могилевский голос. – 1906. – 22 июня. – С. 3–4.
15. **Г. Т. [Г. Н. Твердый].** Приемы борьбы / Г. Т. [Г. Н. Твердый] // Могилевский голос. – 1906. – 12 апреля. – С. 2.
16. Местная хроника // Могилевский голос. – 1906. – 27 мая. – С. 4.
17. Провинциальный отдел. Гомель // Вестник Партии народной свободы. – 1906. – 20 июля. – С. 1273.
18. По краю // Свободное слово. – 1906. – 28 июля. – С. 3.
19. Арест редактора “Могилевского голоса” // Могилевский голос. – 1906. – 22 августа. – С. 3.
20. 3-й созыв Государственной Думы. Портреты. Биографии. Автографы / Издание Н. Н. Ольшанского. – СПб., 1910. – 124 с.

Поступила в редакцию 24.09.2019 г.

Контакты: +375 222 28 35 75

(Лавринович Дмитрий Сергеевич)

Lavrionovich D. DEPUTIES OF THE FIRST AND SECOND STATE DUMA FROM MOGILEV PROVINCE: SOCIAL AND POLITICAL CHARACTERISTICS.

The article reveals social characteristics of the deputies of the State Duma (peasants, landowners, clergy and employees). The author shows that despite the censorship nature of the electoral law of December 11, 1905 the composition of the Deputy corps reflected the social composition of the population of the Mogilev province. According to the political views, among the deputies of the First Duma supporters of liberal and left-wing parties prevailed. Especially active were the Constitutional Democrats. The deputies of the Second Duma were more passive being involved in political and legislative activities.

Keywords: State Duma, Mogilev province, deputies, social status, Constitutional Democrats, Labour group, “Union of October 17”.

УДК 282 (476) (091) “18/19”

**РЕЛИГИОЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ
МАРИАВИТОВ
ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ
РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

В. В. Табунов

кандидат исторических наук, доцент
Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова

В статье анализируется деятельность религиозного движения мариавитов на белорусских землях в конце XIX – начале XX ст. В своем вероучении мариавиты проповедовали идею о следовании библейским заветам бедности и нестяжательства земных благ при одновременном следовании принципу сохранения лояльности существовавшей власти и невмешательства в вопросы политики. Такая позиция вызвала интерес к мариавитам со стороны правящих кругов Российской империи, рассчитывавших при их помощи ослабить позиции костела на территории белорусских земель. В начале XX в. при поддержке властей деятельность мариавитов была легализована. В дальнейшем в целях сохранения полученного статуса законодательно признанной религиозной организации на фоне усиливавшегося противоборства с костелом мариавиты в 1909 г. объединились со старокатоликами.

Ключевые слова: белорусские земли, Российская империя, мариавиты, Римско-католический костел, духовенство, верующие.

Введение

Религиозная составляющая, всегда игравшая существенную роль в жизнедеятельности белорусов, сохранила свою актуальность и на рубеже XIX–XX стст. Специфика конфессиональной ситуации на белорусских землях на протяжении многих веков определялась поочередным доминированием православия и римо-католицизма, Изучение взаимоотношений государства с Римско-католическим костелом, и в особенности проблемы сохранения его внутрицерковного единства, позволяет

систематизировать и расширить знания о характере политики царизма в отношении данного христианского вероисповедания, проводившейся на белорусских землях в конце XIX – начале XX ст., а также правильно осмыслить сущность положения и осуществления основных направлений деятельности костела в Республике Беларусь на современном этапе.

Главной целью всех исключительных мер, принятых в отношении деятельности римско-католического духовенства после восстания 1863–1864 гг., было укрепление на белорусских землях позиций православной церкви. Однако означенная цель к началу XX в. не была окончательно достигнута. Желая ослабить влияние Римско-католического костела в крае, власти Российской империи обращают пристальное внимание на религиозное движение мариавитов, получившее распространение на территории белорусских земель в конце XIX ст.

Проблема изучения развития общин мариавитов на белорусских землях в конце XIX – начале XX вв. в отечественной исторической науке является малоисследованной. Интерес ученых к данному вопросу обусловлен, прежде всего, стремлением установить причины появления и распространения данного явления.

По исследуемой проблеме следует выделить коллективный труд отечественных ученых В.В. Яновской (Григорьевой), В.В. Завальнюка, В.И. Новицкого и Е.Н. Филатовой “Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.)” [1]. Главным достижением данной работы стало то, что она активизировала дальнейшее изучение государственно-конфессиональных отношений в более узком хронологическом плане.

Вопросы изучения деятельности мариавитов на белорусских землях в конце XIX – начале XX ст. нашли отражение в монографиях А.И. Гончара [2; 3]. Автор на основе богатого фактографического материала показал ту непростую ситуацию, в которой находились представители данного религиозного движения в Беларуси в указанный промежуток времени.

Проблема взаимоотношений мариавитов с представителями гражданской ад-

министрации, а также с Римско-католическим духовенством на белорусских землях в начале XX ст. нашла отражение в работах отечественных исследователей В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко [4] и В.В. Яновской (Григорьевой) [5]. Приводимые авторами данные свидетельствуют, с одной стороны, о том, что мариавиты представляли существенный интерес для правящих кругов Российского государства (главным образом в деле ослабления позиций костела на белорусских землях), а с другой стороны, римско-католический епископат предпринимал доступные ему в рамках действующего законодательства меры по ограничению распространения идей мариавитства среди духовенства и верующих.

Основная часть

Религиозное движение мариавитов (от латинского *Mariae vita* – жизнь Марии), вызвавшее по внутривосточным причинам интерес в Петербурге, возникло в 1887 г. на территории Царства Польского. Лидерами движения являлись М. Козловская, а также ксендзы Р. Прухневский, Л. Голомбиевский и Я. Ковальский. Последний при поддержке властей в 1909 г. стал епископом, а через год – администратором “всех мариавитских общин России”. Центры движения мариавитов находились в Плоцке и Соботце Калишской губернии [6, л. 12].

Главными особенностями вероучения мариавитов были следующие: они не признавали непогрешимость Римского папы, полагая, что папство заботится лишь о себе, а не о Христе, а церковная иерархия Римско-католической церкви, погрязшая в заботе о материальных благах, отступает от евангельских заветов простоты и бедности; также они считали излишней существовавшую строго централизованную управленческую структуру костела; требовали разрешить римско-католическим священникам вступать в брак; ратовали за введение выборного начала при назначении кандидатов на священнические должности и отмену внесения платы мирянами за требоисполнения; пропагандировали отказ от вмешательства церкви в дела политики при одновременном сохранении лояльности по отношению

к гражданской власти, считая, что всякая власть исходит от Бога [6, л. 12 об.].

Главный принцип вероучения мариавитов составлял культ Божьей Матери. Они отрицали существование свободной человеческой воли, признавая только Божье благословение и воздействие Святого Духа, всякое участие в общественно-политических собраниях считали вредным, поскольку оно отвлекало верующих от молитвы. Каждый мариавит при вступлении в общину давал обет убожества, нравственной чистоты, воздержания и повиновения “матушке” М. Козловской и “отцам”-священникам [6, л. 5–5 об.].

Средства движения комплектовались из ежемесячных взносов и обязательных еженедельных богослужений, заказываемых верующими путем складчины в размере 25 рублей. Определенный доход приносила им и торговля разными религиозными принадлежностями [6, л. 5 об.].

Мариавиты отличались особой набожностью и бедностью, чем находили себе немало сторонников среди верующих. Бескорыстие мариавитов выражалось главным образом в том, что они брали за исполнение треб деньги только по усмотрению прихожан или вообще не брали материального вознаграждения, совершая религиозные службы безвозмездно [6, л. 12 об.].

Изначально религиозное движение мариавитов получило распространение среди части римско-католического духовенства, которое затем стало вести пропаганду данного вероучения среди населения. В скором времени деятельность мариавитов была легализована. Правительству явно импонировала позиция невмешательства в дела политики при одновременном сохранении лояльности правящим кругам государства. К тому же официальным признанием религиозного движения мариавитов власти ослабляли влияние костела на белорусских землях, в чем также были заинтересованы в Петербурге, особенно после провозглашения религиозных свобод указом “Об укреплении начал веротерпимости” от 17 апреля 1905 г., вызвавшего переход части населения из православия в римо-католицизм: “Принимая во внимание большую распространенность вероучения мариави-

тов и занимая нейтралитет в их отношениях с римско-католическим духовенством, только наблюдая, чтобы не было посягательств на признанные права Римско-католической церкви, находим, что общество мариавитов имеет неотъемлемое право на законное существование". На основании "отдельных для каждой общины уставов, утвержденных министром внутренних дел по согласованию с министром юстиции", разрешалось образование общин мариавитов [6, л. 35–35 об.].

28 ноября 1906 г. Николай II утвердил соответствующее положение Совета министров, по которому мариавиты признавались "законно существующей и пользующейся охраной закона сектой". Им предоставлялось право "беспрепятственно исповедовать свои законы, исполнять свои обряды веры по принятым обычаям и правилам". В принадлежащих им храмах и молитвенных домах разрешалось совершать богослужения. С разрешения губернаторов в Северо-Западном крае мариавитам разрешалось строить церкви и "устраивать отдельные кладбища". Священникам-мариавитам после утверждения в духовном звании дозволялось произносить проповеди, совершать богослужения и исполнять требы. Обязанность по ведению метрических книг возлагалась на местные органы власти [6, л. 36 об.–37].

Поддержка со стороны гражданской администрации в скором времени привела к постепенному увеличению численности мариавитов. Так, если в начале XX в. в Царстве Польском и соседних с ним Виленской и Гродненской губерниях насчитывалось до 70 священников-мариавитов и 163 250 верующих [7, с. 3], то после закрепления за ними статуса законно действующей религиозной организации за 1907–1909 гг. было образовано 96 приходов с 67 общинами мариавитов, которые объединяли более 200 тысяч человек. В Лодзи была создана типография, где было налажено издание двух журналов [8, л. 46–46 об.].

После официальной легализации оформилась структура религиозного движения. Первоначально мариавиты управлялись учрежденным в 1907 г. Генеральным си-

нодом, находившимся в Варшаве. Низовой структурной единицей являлся приход. Несколько приходов объединялись в кустодии, а кустодии – в провинции. Во главе кустодий стояли кустоши. Провинции возглавляли провинциальные министры, при которых действовали провинциальные капитулы, а во главе всей религиозной структуры – генеральный министр, при котором действовал генеральный капитул [6, л. 47]. После 1909 г. для большего удобства управления религиозным движением мариавитов было введено его епископальное устройство.

Деятельность мариавитов вызывала недовольство у римско-католического духовенства, стремившегося к сохранению единства церкви и, по мере возможности, укреплению ее позиций на белорусских землях. В 1896 г. мариавиты были приравнены к противникам костела со всеми вытекающими отсюда последствиями. Для противодействия их деятельности на территории Беларуси в начале XX в. виленским епископом К. Михалькевичем был учрежден епархиальный трибунал, но существенных успехов в своей деятельности он не добился [6, л. 51].

В скором времени произошел разрыв мариавитов с римско-католическим костелом. Поводом для прекращения отношений послужило отклонение папской курией ходатайства данного религиозного движения о признании М. Козловской святой. В феврале 1906 г. мариавиты отказались подчиняться римско-католическому епископату [6, л. 57].

Осознавая необходимость поиска единомышленников для защиты своих интересов, мариавиты обратились с просьбой о посредничестве в переговорах со старокатоликами к генералу А. Кирееву, симпатизировавшему данному религиозному движению. При его деятельной поддержке в 1909 г. в Вене произошло объединение мариавитов со старокатоликами [6, л. 46].

Заклучение

Таким образом, возникновение и распространение религиозного движения мариавитов на белорусских землях в конце XIX – начале XX ст. было обусловлено сле-

дующими причинами: во-первых, наличие пропольских настроений, сочетавшихся с мечтой части римско-католического духовенства о восстановлении Речи Посполитой, вызывало оппозицию тех священников и верующих, которые предпочитали не заниматься политическими вопросами, а сосредоточенно трудиться сугубо на религиозном поприще; во-вторых, власти Российской империи, заинтересованные в ослаблении позиций костела на территории белорусских земель, поддержали мариавитов, предоставив им право легальной деятельности. Стремление мариавитов к сохранению своего положения на фоне усиления конфликтности с костелом в конечном счете обусловили их сближение со старокатоликами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.) / навук. рэд. У. І. Навіцкі. – Мінск : ВП “Экаперспектыва”, 1998. – 340 с.
2. **Гончар, А. И.** Римско-католический костел в Беларуси (1864–1905 гг.) / А. И. Гончар. – Гродно : ГГАУ, 2008. – 276 с.
3. **Гончар, А. И.** Римско-католическая церковь в Беларуси: общественное сознание и религиозная практика (вторая половина XIX – начало XX вв.) / А. И. Гончар. – Минск : Медисонт, 2015. – 582 с.
4. **Старостенко, В. В.** Католицизм на современном этапе развития белорусского общества (религиоведческий анализ) / В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2018. – 168 с.
5. **Яноўская, В. В.** Хрысціянская царква ў Беларусі. 1863–1914 гг. / В. В. Яноўская. – Мінск : БДУ, 2002. – 199 с.
6. ГАРФ. – Ф. 102. Оп. 236. Д. 12. Ч. 2. Мариавиты 1906 г.
7. **Надбужный.** Ересь мариавитов / Надбужный // Витебский голос. – 1906. – 15 февр. – С. 3.
8. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47850. Дело по отношению Департамента духовных дел о предоставлении сведений о лютеранах, реформатах и протестантах 1910–1914 гг.

Поступила в редакцию 26.09.2019 г.

Контакты: +375 29 325 98 30

(Табунов Василий Васильевич)

Tabunov V.V. RELIGIOUS MOVEMENT OF MARIAVITES IN THE DOMESTIC POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE GOVERNMENT IN THE BELARUSIAN LANDS IN THE LATE XIX AND EARLY XX CENTURIES

The article analyzes the activities of the religious movement of mariavites in the Belarusian lands in the late XIX and early XX centuries. In their doctrine, the mariavites preached the idea of following the biblical covenants of poverty and non-possessiveness of earthly goods, at the same time adhering to the principle of maintaining the loyalty of the existing government and non-interference in political issues. This position aroused interest in the mariavites on the part of the ruling circles of the Russian Empire, who hoped with their help to weaken the position of the church on the territory of the Belarusian lands. At the beginning of the XX century, with the support of the authorities, the activities of the mariavites were legalized. Subsequently, in order to maintain the status of a legally recognized religious organization against the backdrop of increasing confrontation with the church, in 1909 the mariavites merged with the Old Catholics.

Keywords: Belorussian lands, Russian Empire, mariavites, Roman Catholic church, clergy, believers.

УДК 94(476):331.108

**РОЛЯ ЗАМЕЖНЫХ
СПЕЦЫЯЛІСТАЎ ПРЫ
ФАРМІРАВАННІ
ПРАМЫСЛОВАГА
ПАТЭНЦЫЯЛУ ЎСХОДНІХ
РЭГІЁНАЎ БССР (1970–1980-я гг.)**

І. А. Пушкін

кандыдат гістарычных навук, дацэнт
дактарант, Інстытут гісторыі
НАН Беларусі
Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
харчавання

У артыкуле прааналізаваны выкарыстанне імпартага абсталявання, удзел і роля спецыялістаў з розных краін у фарміраванні прамысловага патэнцыялу ва ўсходніх рэгіёнах БССР. Адзначана, што на працягу 1970–1980-х гг. на шэрагу прадпрыемстваў БССР шэфмантажныя і пусканаладчыныя работы ажыццяўлялі спецыялісты з ФРГ, Англіі, Галандыі, Японіі, Італіі. Тэхналагічны вопыт і абсталяванне гэтых краін дазволілі беларускім спецыялістам пазнаёміцца з перадавымі тэхналогіямі, павысіць сваю кваліфікацыю, умацаваць кадравы патэнцыял савецкай Беларусі. Шэраг прамысловых прадпрыемстваў выйшлі на ўзровень, які адпавядаў тагачасным дасягненням навукі і тэхнікі і занялі вядучыя пазіцыі ў эканоміцы рэспублікі, СССР і Еўропы.

Ключавыя словы: БССР, Магілёўская вобласць, замежныя спецыялісты, прамысловасць, эканамічнае развіццё, кадры.

Уводзіны

Актуальнасць артыкула вызначаецца важнасцю для сучаснага развіцця эканомікі Рэспублікі Беларусь фарміравання канкурэнтаздольнага інавацыйнага прамысловага комплексу, арыентаванага на стварэнне высокавытворчых працоўных месцаў і рост прадукцыйнасці працы, што немагчыма дасягнуць без аналізу і ўсебаковага вывучэння шляхоў эканамічнага развіцця Беларусі ў розныя гістарычныя перыяды. У прыватнасці, у 1970–1980-я гг., калі ў Савецкай Беларусі дынамічна і паспяхо-

ва развівалася прамысловасць. Наша мэта – прааналізаваць удзел і вызначыць ролю замежных спецыялістаў пры фарміраванні прамысловага патэнцыялу ўсходніх рэгіёнаў БССР.

У беларускай савецкай [1–4] і сучаснай гістарыяграфіі [5–10], у кантэксце пашырэння эканамічных, грамадска-палітычных і культурных сувязей БССР з рэспублікамі СССР і замежнымі краінамі, адзначана, што на прадпрыемствах хімічнай і нафтахімічнай, лёгкай і харчовай, лясной і дрэваапрацоўчай прамысловасці рэспублікі, машынабудаванні выкарыстоўваўся тэхналагічны вопыт і абсталяванне краін Заходняй Еўропы, а таксама сацыялістычных дзяржаў, якія аб'ядноўваліся ў рамках Савета Эканамічнай Узаемадапамогі (СЭУ). У навуковых публікацыях не ў поўным аб'ёме раскрыта роля замежных спецыялістаў, толькі ўзгадваецца, што яны ажыццяўлялі мантаж абсталявання і для вывучэння тэхналагічных працэсаў за мяжу выяжджалі беларускія спецыялісты [6, с. 227]. У артыкуле выкарыстаны архіўныя матэрыялы, якія ўпершыню ўводзяцца ў навуковы зварот.

Асноўная частка

Дынамічна і паспяхова развіваўся прамысловы патэнцыял усходніх рэгіёнаў БССР у гады дзявятай – дванацатай пяцігодак (1971–1990), калі апераджальнымі тэмпамі развіваліся хімічная, нафтахімічная прамысловасць, машынабудаванне і металаапрацоўка, павялічваліся аб'ём прамысловай вытворчасці. Так, у Магілёўскай вобласці толькі ў першай палове 1970-х гг. было ўведзена ў дзеянне 18 прамысловых прадпрыемстваў, больш за 100 буйных вытворчых аб'ектаў. Адбылося асваенне 180 новых відаў машын, абсталявання, апаратаў, прыбораў, укараненне 417 механізаваных паточных і аўтаматычных ліній. У Віцебскай вобласці пабудавалі буйныя заводы: каляровых тэлевізараў, бялковавітамінных канцэнтратаў, “Эвістар”, “Шкловалакно”, керамзітавага жвіру, Віцебскі домабудаўнічы камбінат, вытворчыя аб'яднанні (ВА) “Нафтан”, “Палімір”, “Маналіт”, “Электравымяральнік”, “Орша-

будматэрыялы”, Аршанскі інструментальны завод і інш. З’явіліся такія ўнікальныя прадпрыемствы, як Магілёўскае вытворчае аб’яднанне (МВА) “Хімвалакно”, Магілёўскі камбінат шаўковых тканін (КШТ), кардонна-руберайдавы завод у Асіповічах, Бабруйскі завод масавых шын ВА “Бабруйскшына” і інш. [11, с. 25–27]. На пабудаваных або мадэрнізаваных прадпрыемствах выкарыстоўваўся тэхналагічны вопыт спецыялістаў з розных краін і імпартае абсталяванне.

На працягу 1970–1980-х гг. у адпаведнасці з падпісанымі кантрактамі на шэрагу прадпрыемстваў БССР шэфмантажныя (выкананне работ па мантажы, падключэнні і наладцы абсталявання персаналам заказчыка пад кіраўніцтвам персаналу пастаўшчыка) і пусканаладачныя работы ажыццяўлялі замежныя спецыялісты з ФРГ, Англіі, Галандыі, Японіі, Італіі, Югаславіі і іншых краін. Згодна з кантрактамі з замежнымі фірмамі агульны кошт работ па будаўніцтве і рэканструкцыі вытворчасці хімічнай, шыннай і тэкстыльнай прамысловасці толькі для Магілёўскай вобласці складаў каля 1 млрд заходнегерманскіх марак (1 долар ЗША – 2 маркі ФРГ (1978), 1,82 маркі (1980), 2,55 маркі (1983); у сярэдзіне 1980-х гг. адзін савецкі рубель – тры маркі ФРГ, курс 1986 г.: 100 марак ФРГ – 33,92 руб.).

На МВА “Хімвалакно” і ВА “Бабруйскшына” ў мантажы і пуску асобных вытворчасцей прымалі ўдзел прадстаўнікі фірмаў ФРГ “Хэхст”, “Круп-Коперс”, “Фр. Удэ” і “Бюлер-Міаг”, японскай “Міцуі-Торэ”, англійскай “Сайман-Карлз”, італьянскіх “Фата” і “Пірэллі”. Мантаж і наладку імпартага абсталявання на КШТ рабілі спецыялісты галандскіх фірмаў “Шторк” і “Сайтэкс”, японскай “Вакаяма-Тэко”, заходнегерманскіх “Хэхст” і “Унан Матэкс”. Так, у 1981–1982 гг. на МВА “Хімвалакно” з дапамогай замежных фірмаў ажыццяўляліся шэфмантажныя і пуска-наладачныя работы на трох вытворчасцях: атрыманне дыметылтэрэфталата-4 (фірма “Круп-Коперс”, ФРГ), поліэтылентэрэфталату (фірмы “Фр. Удэ” і “Хэхст”, ФРГ), поліэфірных тэкстыльных нітак (фірма “Міцуі-Торэ”, Японія).

У 1975–1980 гг. у Магілёўскай вобласці працавала звыш 700 замежных спецыялістаў з 26 фірмаў 10 капіталістычных краін тэрмінам ад некалькіх дзён да 2–3 гадоў. У 1979 г. знешнегандлёвае аб’яднанне (ЗГА) “Тэхмашімпарт” падпісала кантракт з японскімі фірмамі “Макаява”, “Міцубісі” і “Тае Рабер” аб будаўніцтве ў г. Бабруйску заводу звышбуйнагабарытных шын. Пастаўка абсталявання рабілася ў другім паўгоддзі 1981 г., мантаж – у 1982 г. Штогод колькасць шэфмантажнікаў з ФРГ і Японіі склала ў сярэднім 120 чалавек [12, арк. 34, 44].

Агульная колькасць прадстаўнікоў фірмаў, якія знаходзіліся на шэфмантажы, у цэлым адпавядала аб’ёмам выкананых ім па кантрактах работ. Часам колькасць замежных спецыялістаў перавышала плановае з-за павелічэння тэрмінаў мантажу і пуску, наяўнасці асобных непаладак як з боку субпадрадных арганізацый СССР і БССР, так і пастаўшчыкоў.

Замежныя спецыялісты, у сваёй большасці, валодалі дастатковай кваліфікацыяй і ведамі па ўстаноўцы і наладцы абсталявання, але былі спецыялісты з нізкім узроўнем прафесійнай падрыхтоўкі. Падчас правядзення работ былі выяўлены і задакументаваны факты парушэнняў тэхнічных умоў і якасці ўстаноўкі імпартага абсталявання з боку шэфмантажнікаў. На падставе прадстаўленых кіраўніцтву замежных фірмаў рэкламацый былі прад’яўлены патрабаванні аб кампенсацыі дадатковых выдаткаў, звязаных з выпраўленнем дапушчанага браку. Толькі за памылкі пры мантажы абсталявання на вытворчасцях “Дыметылтэрэфталата-4” і “Штапель-3” (ВА “Хімвалакно”) фірмы “Круп” і “Фр. Удэ” выдаткавалі 300 тыс. заходнегерманскіх марак. Прычынай названых недахопаў, нароўні са слабай кваліфікацыяй замежных спецыялістаў, з’яўляліся недакладнасці ў праектнай дакументацыі [12, арк. 35].

На прадпрыемствы БССР у значных памерах паступала камплектнае абсталяванне [5, с. 416; 6, с. 527]. Упраўленнем КДБ па Магілёўскай вобласці было ўстаноўлена, што з боку заходніх фірмаў “Круп-Коперс”, “Хэхст-Удэ”, “Бюлер-Міаг”, “Шторк” і іншых мелі месца выпадкі паставак на ВА

“Хімвалакно”, “Бабруйшына” і КШТ дэфектнага і маральна састарэлага імпартнага абсталявання і тэхналогій. Эксплуатацыя і ўжыванне іх была эканамічна невыгадная, прыводзіла да забруджвання навакольнага асяроддзя. Часам адсутнічалі рабочыя чарцяжы і схемы асобных вузлоў і апаратаў. Для ліквідацыі дэфектаў заходнія фірмы дадаткова паставілі за свой кошт імпартнае абсталяванне і запчасткі на суму амаль 2,5 млн марак ФРГ [13, арк. 24–25].

У пэўных выпадках адбывалася зацягванне тэрмінаў здачы ў эксплуатацыю вытворчых магутнасцей. Замежныя спецыялісты абгрунтавалі гэта неабходнасцю замены дэфектных вузлоў і пастаўкі запчастак, якія выйшлі са строю падчас мантажу, правядзеннем дадатковых выпрабаванняў абсталявання. Прычым гэта супадала па часе з перыядамі ўскладнення міжнароднай абстаноўкі. Так, для асвятлення пульту аўтаматызаванага гумазмешвання электронныя блокі пастаўляліся кансорцыуму “Дэкорфа” амерыканскай фірмай “Дыжыталь”. Мантаж не пачынаўся ў сувязі з тым, што амерыканцы не дазволілі прадстаўнікам “Дэкорфы” ўсталяваць камп’ютар, матывуючы забарону падзеямі ў Афганістане. У той жа час з савецкага боку парушаліся тэрміны гатоўнасці будаўнічых пляцовак на 8–10 месяцаў [12, арк. 37]. Гэта давала падставу кіраўніцтву замежных фірмаў затрымліваць мантаж, здымаць гарантыйныя абавязацельствы.

Да недахопаў таксама адносілася не-своечасовае прадастаўленне неабходнай колькасці айчынных спецыялістаў у рас-параджэнне прадстаўнікоў фірмаў, якія кіравалі мантажом. У выніку будаўніцтва аб’ектаў па вытворчасці поліэфірных тэхнічных нітак на імпартным абсталяванні ў ВА “Хімвалакно” ажыццяўлялася вельмі нізкімі тэмпамі. Будоўля не была ўкамплектавана неабходнымі працоўнымі і мантажна-тэхнічнымі рэсурсамі. У студзені 1985 г. на аб’ектах працавала 220 чалавек пры патрэбнасці 1200–1300. Для выпраўлення становішча з працоўнымі кадрамі МУС СССР да 01.06.1985 г. на будаўніцтва накіравала 400 чалавек з ліку ўмоўна асуджаных асоб, а затым дадаткова

вылучыла яшчэ 600 умоўна асуджаных [14, арк. 2, 4].

Замаруджванне працэсаў здачы аб’ектаў у эксплуатацыю і мадэрнізацыі прадпрыемстваў прыводзілі да павелічэння колькасці неўстаноўленага абсталявання і ўмоў яго захоўвання. Пастанена 01.01.1984 г. у Магілёўскай вобласці неўстаноўленага імпартнага абсталявання мелася на суму 77,2 млн руб., якое пастаўлялася ў 1981–1983 гг. Пераважная большасць яго знаходзілася на складах ВА “Хімвалакно” (на суму 13 млн 809 тыс. руб.) і “Бабруйскшына” (61 млн 869 тыс. 700 руб.) [15, арк. 51, 52]. Падобнае было і ў іншых гарадах. Напрыклад, на 1.01.1971 г. на прадпрыемствах г. Оршы мелася неўстаноўленага абсталявання 928 адзінак на суму 1,3 млн руб., у тым ліку на ільнокамбінаце – 294 адзінкі на суму 227,8 тыс. руб., на заводзе “Легмаш” – 114 адзінак на суму 327,3 тыс. руб. [16, арк. 22]. У 1980-я гг. вялікая колькасць неўстаноўленага імпартнага абсталявання знаходзілася на складах Аршанскіх заводаў (прыбораў аўтаматычнага кантролю, “Чырвоны барацьбіт”, інструментальнага, “Металіст”, ільно- і мясакамбінатаў) [17, арк. 117, 120].

Адсутнасць або недахоп складскіх памяшканняў на прадпрыемствах прыводзілі да таго, што значная частка абсталявання доўгі час захоўвалася на адкрытых пляцоўках. Там абсталяванне прыходзіла ў непрагоднасць. У 1980 г. на адкрытых пляцоўках ВА “Хімвалакно” захоўвалася імпартнае абсталяванне фірмы “Удэ” на агульную суму 175 млн 500 тыс. марак ФРГ [12, арк. 38]. Парушаліся ўмовы захоўвання згодна з маркіроўкай упакоўкі, дапускалася змешванне абсталявання, якое прыйшло па розных кантрактах, не вёўся належны ўлік. Толькі пры мантажы вытворчасці “Штапель-3” (ВА “Хімвалакно”) кіраўніцтвам фірмы “Фр. Удэ” былі накіраваны ў адрас адміністрацыі аб’яднання 68 рэклам-цый. Месцы складзіравання практычна не ахоўваліся. У выніку былі шматлікія выпадкі крадзяжоў, асабліва электроннай апаратуры. Так, на ВА “Бабруйскшына” ў 1979 г. былі разукамплектаваны і ўкрадзены электронныя блокі трох камп’ютараў на

агульную суму звыш 500 тыс. руб. [12, арк. 37]. Неналежнае захоўванне імпартнага абсталювання на ВА “Бабруйскшына” адзначалася і ў 1980-я гг. [18, арк. 18].

Пры будаўніцтве прамысловых аб’ектаў разам з замежнымі спецыялістамі працавала вялікая колькасць мясцовых рабочых і інжынерна-тэхнічнага персаналу. Як правіла, з савецкага боку для гэтага падбіраліся палітычна падрыхтаваныя і прафесійна адукаваныя спецыялісты. У той жа час за амаральныя ўчынкi быў адхілены ад працы з замежнікамі памочнік генеральнага дырэктара ВА “Хімвалакно”. Перыядычна наладжваліся банкетныя з прадстаўнікамі фірмаў, падчас якіх асобныя савецкія грамадзяне вялі сябе не належным чынам.

Фіксаваліся неаднаразовыя выпадкі ўжывання спіртных напояў на вытворчасці за кошт замежнікаў. Таму некаторыя службовыя асобы не прад’яўлялі замежным фірмам патрабаванні наконт кампенсацыі дадатковых выдаткаў за няяснае выкананне работ. Так, працаёмкасць выпраўлення адной з памылкаў, дапушчанай спецыялістамі фірмы “Круп” пры мантажы падмурка, склала 2 250 марак ФРГ. Але ў сувязі з тым, што кіраўніком замежных спецыялістаў было выдзелена 50 руб. на пачастунак рабочых, майстрам ВА “Хімвалакно” адпаведны пратакол складзены не быў, а дадатковыя працы былі зроблены за кошт аб’яднання. Мелі месца выпадкі нядбайнага стаўлення асобных адказных асоб да прыёмкі прамысловых устаноў. На заводзе масавых шын ВА “Бабруйскшына” быў падпісаны пратакол аб прыёмцы 15-й транспартнай лініі, якую манціравалі спецыялісты італьянскай фірмы “Фата”. Пры гэтым мантаж не быў завершаны [12, арк. 38–39].

Рэспубліканскімі і рэгіянальнымі ўладамі, адміністрацыяй прадпрыемстваў для замежных спецыялістаў ствараліся належныя культурна-бытавыя ўмовы, арганізаваліся паездкі ў Маскву, Ленінград, Мінск, Кіеў, наведванне святочных дэманстрацый, школ, дзіцячых устаноў, лепшых калгасаў. У Магілёве для замежнікаў у цэнтры горада была пабудавана гасцініца з басейнам. У той жа час былі праблемы з забеспячэннем транспартам, прадуктамі харчавання.

Падчас знаходжання ў БССР асобныя замежныя спецыялісты ўсхвалялі лад жыцця за мяжой, распаўсюджвалі парнаграфічную і рэлігійную літаратуру сярод моладзі, уцягвалі савецкіх грамадзян у валютныя і спекулятыўныя здзелкі. Некаторыя спрабавалі збіраць інфармацыю разведвальнага характару. Заходнегерманскія шэфмантажнікі спрабавалі высветліць прызначэнне і характар выпускаемай прадукцыі асобарэжымнага завода “Зеніт” у Магілёве. Бразільскія спецыялісты спрабавалі атрымаць звесткі пра колькасць і магутнасць гідролізных заводаў, размяшчэнне іх на тэрыторыі СССР, тэхналогію атрымання спірту з драўніны. Югаславы праяўлялі павышаную цікавасць да метадыкі разліку радыяльных шын, рэцэптуры гумы, распрацаванай у СССР і інш. Адзначаліся факты прысылання ў кантэйнерах з імпартным абсталюваннем ідэалагічна шкоднай літаратуры, правозу кантрабандных тавараў. За варожыя і правакацыйныя дзеянні, хуліганскія ўчынкi былі датэрмінова адкамандзіраваны з СССР 11 замежных спецыялістаў, якія працавалі ў Магілёўскай вобласці [12, арк. 39, 43].

У ходзе аператыўных дзеянняў упраўленнем КДБ па Магілёўскай вобласці ад прадстаўнікоў фірмаў з ФРГ і Галандыі была атрымана каштоўная навукова-тэхнічная інфармацыя: інструкцыі па вытворчасці і эксплуатацыі прамысловых кандыцыянераў, распрацаваныя фірмай “Кранц”, па хімічным складзе зварачных стрыжняў для зваркі экструдзерных шнэкаў, па абслугоўванні абсталювання на фірме “Хэхст”; рабочыя чарцяжы гумамяшалнікаў для струмянёвай лініі фірмы “Бюлер-Міаг”, аўтаклава і выпускной фільтры; схемы высокапрадукцыйнай машыны для нанясення фарбавальнікаў на тканіну метадам плоскага друку галандскай фірмы “Шторк”; тэхнічныя рэкамендацыі фірмы “Круп” па праблемах павелічэння даўгавечнасці і трываласці шын; разгорнутыя тэхналагічныя схемы вытворчасці бутандыёла з расшыфроўкай скарачэнняў па КППіА; рэцэптура некаторых прадуктаў, якія выкарыстоўваліся пры вытворчасці магнітафонных стужак, тонкіх плёнак і

сінтэтычных нітак; матэрыялы сімпозіума па зварцы ў Манхайме (ФРГ); вынікі выпрабаванняў гумамяшалнікаў, праведзеных кансорцыямам “Дэкорфа”; дакументацыя па прыборах сродкаў аўтаматыкі ў хімічнай прамысловасці амерыканскай фірмы “Фоксбара” і інш. [12, арк. 42–43; 13, арк. 25–26].

Па заключэнні аўтарытэтных спецыялістаў атрыманая інфармацыя ўяўляла цікавасць не толькі для прадпрыемстваў Магілёўскай вобласці, але і для савецкай прамысловасці ў цэлым. Здабытыя матэрыялы былі перададзеныя для рэалізацыі на прадпрыемствах СССР і БССР.

Заклучэнне

Такім чынам, стварэнне ва ўсходніх рэгіёнах БССР буйнога прамысловага комплексу адбывалася з выкарыстаннем тэхналагічнага вопыту вядучых краін свету і імпартага абсталявання, якое на той час з’яўлялася інавацыйным для айчынай вытворчасці.

Сумесная праца з замежнымі спецыялістамі дазволіла беларускім рабочым і інжынерна-тэхнічным работнікам глыбей пазнаёміцца з перадавымі тэхналогіямі, павысіць сваю кваліфікацыю, умацаваць кадравы патэнцыял Савецкай Беларусі. Шэраг прамысловых прадпрыемстваў выйшлі на ўзровень, які адпавядаў тагачасным дасягненням навукі і тэхнікі і занялі вядучыя пазіцыі ў эканоміцы рэспублікі, а таксама СССР і Еўропы.

На эфектыўнасць выкарыстання імпартага абсталявання і замежных спецыялістаў уплывала не толькі эканамічная кан’юнктура, але і знешнепалітычныя фактары, а таксама наяўнасць вялікай колькасці непаладак і недахопаў, характэрных для савецкага перыяду айчынай гісторыі.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Воробей, Н. С.** Участие Белорусской ССР в отношениях Советского Союза с капиталистическими странами (50–70-е годы) / Н. С. Воробей. – Минск : Наука и техника, 1981. – 248 с.
2. **Войтович, С. Д.** БССР в экономических отношениях СССР с зарубежными странами (1945–1987) / С. Д. Во-

йтович. – Минск : Наука и техника, 1989. – 184 с.

3. Народное хозяйство Белорусской ССР. 1975 г.: стат. ежегод. / ЦСУ БССР. – Минск : Беларусь, 1975. – 336 с.
4. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1987 г.: стат. ежегодник / Госкомстат БССР. – Минск : Беларусь, 1988. – 296 с.
5. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. / А. П. Касцюк, І. М. Ігнаценка, У. І. Вышыньскі і інш. ; Інстытут гісторыі АНБ. – Мінск : Беларусь, 1995. – Ч. 2. – 560 с.
6. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / Л. Лыч [і інш.] ; рэд. калегія: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Современная школа, Экоперспектива, 2011. – Т. 6 : Беларусь у 1946–2009 гг. – 728 с.
7. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку ХХІ ст. : у 2 кн. / М. У. Смяховіч і інш. ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – Кн. 2. – 654 с.
8. **Шадурскай, В. Г.** Культурные связи Беларуси со странами Центральной и Западной Европы (1945–1990-е гг.) / В. Г. Шадурскай. – Минск : БГУ, 2000. – 285 с.
9. **Несцяровіч, М. Б.** Эканоміка Беларусі ў кантэксце развіцця савецкай і сучаснай эканомікі (1951–1990 гг.) / М. Б. Несцяровіч // Весці НАНБ. Серыя гуманітарных навук. – 2007. – № 4. – С. 43–50.
10. **Несцяровіч, М.** Эканамічнае становішча Беларусі (1970-я – першая палова 1980-х гг.) / М. Несцяровіч // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск : Бел. навука, 2014. – Вып. 29. – С. 201–208.
11. **Пушкін, І. А.** Кадровая палітыка партыйна-дзяржаўнага кіраўніцтва БССР у 1970-я гг. (на прыкладзе Віцебскай і Магілёўскай абласцей) / І. А. Пушкін // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі. – 2018. – № 2. – С. 25–30.
12. Сообщение Управления КГБ по Могилевской области от 17.12.1980 г. “Об эффективности использования иностранных специалистов на промышленных объектах области” // Дзяржаўны архіў

грамадскіх аб'яднанняў Магілёўскай вобласці (ДАГАМаг). – Ф. 9. Воп. 165. Спр. 73. Арк. 34–45.

13. Сообщение Управления КГБ по Могилевской области от 17.07.1980 г. // ДАГАМаг. – Ф. 9. Воп. 165. Спр. 73. Арк. 24–26.
14. Выписка из протокола заседания комиссии президиума СМ СССР по внешнеэкономическим вопросам от 15.02.1985 г. // ДАГАМаг. – Ф. 9. Воп. 178. Спр. 81. Арк. 2–3.
15. Информация о неустановленном импортном оборудовании на предприятиях Могилевской области от 21.03.1984 г. // ДАГАМаг. – Ф. 9. Воп. 175. Спр. 72. Арк. 51–53.
16. Резервы и возможности для успешного выполнения пятилетнего плана на 1971–1975 гг. промышленностью г. Орша Витебской области // Занальны дзяржаўны архіў у г. Орша (ЗДАОрш). – Ф. 86. Воп. 3. Спр. 23. Арк. 22.
17. Об итогах переписи неустановленного оборудования на предприятиях и в организациях г. Орша // ЗДАОрш. – Ф. 86. Воп. 7. Спр. 120. Арк. 116–121.
18. Справка о рассмотрении Бобруйским горкомом КПБ докладной записки УВД Могилевского облисполкома от 17.06.1980 г. “О состоянии сохранности социалистической собственности

в ПО “Бобруйскшина” // ДАГАМаг. – Ф. 9. Воп. 178. Спр. 121. Арк. 17–20.

Паступіў у рэдакцыю 01.11.2019 г.
 Кантакты: ihar.pushkin.st@gmail.com
 (Пушкін Ігар Аляксандравіч)

Pushkin I. THE ROLE OF FOREIGN EXPERTS IN THE FORMATION OF THE INDUSTRIAL POTENTIAL OF THE EASTERN REGIONS OF THE BSSR (1970–1980s).

The author analyzes the use of imported equipment, the participation and role of foreign specialists in shaping the industrial potential of the eastern regions of the BSSR. It is noted that during the 1970–1980s at a number of enterprises of the BSSR installation and commissioning work was carried out by specialists from Germany, England, Holland, Japan, Italy. The technological experience and equipment of these countries allowed Belarusian specialists to get acquainted with advanced technologies, improve their skills, and strengthen the personnel potential of Soviet Belarus. A number of industrial enterprises reached a level that corresponded to the best achievements of science and technology at that time and took leading positions in the economy of the republic, the USSR and Europe.

Keywords: BSSR, Mogilev region, foreign specialists, industry, economic development, human resources.

УДК 94(476)“1920/1929”

СТАНОВЛЕНИЕ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКИХ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ XX В.

Л. А. Ковалева

кандидат исторических наук,
старший преподаватель
Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова

Статья посвящена рассмотрению взаимоотношений между двумя внешнеполитическими ведомствами, РСФСР – с одной стороны и БССР – с другой, в контексте возникновения и формирования советской государственности в Беларуси. В исследовании рассмотрены отдельные вопросы становления договорных связей в области военного и хозяйственного союза двух государств, международных отношений с целью создания “революционного авангарда” на западных границах Советского государства.

Ключевые слова: государство, международные связи, комиссариат, республика.

Введение

Актуальность темы заключается в том, что развитие международных контактов между Республикой Беларусь и Российской Федерацией в современных условиях переходит на качественно новый уровень. Белорусско-российские отношения прошли серьезные испытания временем, и именно исторический аспект этих отношений может быть интересен в наше время. Контакты Беларуси и России перешли в новое качество, когда государства, возникшие на постсоветском пространстве, изменили свои геополитические и стратегические приоритеты. В жизни двух государств появился новый праздник – День единения народов Беларуси и России, наличие которого доказывает, что на протяжении веков белорусский и российский народы стремились к единству. Мы помним, что в числе четырех учредителей СССР в 1922 г. были и Россия, и Белоруссия. Вся история XX в. свидетельствует о необходимости и эффективности

теснейшего взаимодействия двух народов. Очевидно, что только вместе наши народы в союзе с остальными Советскими республиками смогли победить страшнейшую беду XX в. – фашизм.

Начало широкомасштабной интеграции двух суверенных государств было положено 2 апреля 1996 г., когда президенты Республики Беларусь и России подписали в Москве Договор о Сообществе Беларуси и России.

Через год, 2 апреля 1997 г., Республика Беларусь и Российская Федерация подписали Договор о Союзе Беларуси и России, а 25 декабря 1998 г. Декларацию о дальнейшем единении Беларуси и России, Договор о равных правах граждан, Соглашение о создании равных условий субъектам хозяйствования и Протокол к нему.

8 декабря 1999 г., Президенты подписали Договор о создании Союзного государства и программу действий Республики Беларусь и Российской Федерации по реализации положений Договора о создании Союзного государства. Однако начало этому пути было положено в 20-х гг. XX в., после победы Октябрьской революции.

Основная часть

Еще на I Съезде Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Белоруссии были одобрены декларации о признании независимой ССРБ и декларация о необходимости установления федеративной связи между Белоруссией и РСФСР. На этом же съезде была признана и необходимость объединения Советской Белоруссии и Советской Литвы и неотложного присоединения к Российской Советской Федерации, причем были определены границы Белорусской Республики. В ее состав вошла незначительная часть белорусской этнической территории – Минская, Гродненская и часть Виленской губернии. Вместе с тем ВЦИК РСФСР постановлением от 5 февраля 1919 г., приуроченным к I Белорусскому съезду Советов, признал независимую Белоруссию.

Декларация о независимости Белоруссии, в частности, гласила: “Съезд уверен в том, что независимая Социалистическая Бе-

лорусская Советская республика будет признана всеми народами, как она уже признана братской Российской Республикой. Съезд призывает все народы и их правительства неотложно начать прямые дипломатические отношения с БССР". Что касается федеративных связей, то на I Всебелорусском Съезде Советов отмечалось: "Начать переговоры с Российской Советской Республикой о налаживании федеративной связи между ней и Советской Белоруссией и избрать для этой цели комиссию. Вместе с тем, принимая во внимание тесную связь и зависимость, которая существует между рабочими и крестьянами всех частей бывшей Российской империи, съезд считает, что только свободный добровольный союз всех, в настоящий момент независимых Советских Республик, обеспечит победу рабочих и крестьян в их борьбе с остальным капиталистическим миром. Для этого съезд обращается ко всем братским независимым республикам с предложением: по примеру рабочих и крестьян Белоруссии начать переговоры об установлении федеративных отношений между Советской Россией и между собой" [1, с. 223].

Естественно, что провозглашенная 6 февраля 1919 г. I Всебелорусским Съездом Советов Конституция Белоруссии отражала по форме и содержанию влияние конституции РСФСР, принятой 11 июля 1918 г. Однако в ней не было положений, регламентирующих отношения с Россией.

В резолюции III съезда КП(б)Б (22–26 ноября 1920 г.) по вопросу организации советской власти было отмечено: "Белоруссия, являясь Социалистической Советской Республикой, одновременно является составной частью РСФСР, и все органы в области общих мероприятий должны быть подчинены соответствующим комиссариатам РСФСР, но иметь определенную свободу в области разрешения вопросов местной жизни.

На предстоящем съезде Советов Белоруссии избирается ЦИК, который, в свою очередь, выделяет СНК с комиссариатами, с добавлением Комиссариата по иностранным делам" [2, с. 77].

Договор, закрепивший отношения между ССРБ и РСФСР, был подписан 16 ян-

варя 1921 г. В качестве важнейших положений можно отметить следующие:

"1. ССРБ и РСФСР вступают в военный и хозяйственный союз;

2. ... то, что территория ССРБ принадлежала бывшей Российской империи, не возлагает на ССРБ никаких обязательств в отношении кого бы то ни было;

3. ... оба правительства провозглашают объединенными следующие комиссариаты: а) военных и морских дел; б) высший Совет Народного Хозяйства; в) внешней торговли; г) финансов; д) труда; е) путей сообщения и ж) почт и телеграфов.

4. Объединенные народные комиссариаты обеих республик входят в состав СНК РСФСР и имеют в СНК ССРБ своих уполномоченных" [1, с. 226].

Таким образом, вышеприведенный договор положил начало окончательному закреплению федеративных отношений между ССРБ и РСФСР, последним штрихом которых станет декларация о создании СССР от 30 декабря 1922 г.

Комиссариат иностранных дел Белоруссии был образован 21 августа 1921 г., но это не значит, что до этого момента правительство республики не принимало участия во внешнеполитической деятельности. Хронологически период с 1919 по 1922 г. можно условно разделить на два этапа: примерно с середины 1918 до 1921 г. и 1921–1922 гг. Для первого характерен военно-политический союз республик, на втором этапе он дополняется хозяйственным и дипломатическим сотрудничеством.

Для молодого, еще не окрепшего пролетарского государства очень важно было предотвратить столкновение с международным капиталом в невыгодных условиях и обеспечить свое существование и развитие в интересах революции и социализма [3, с. 9].

Практическое решение задач Советского государства в области его международных отношений возлагалось на правительство Российской республики, тем более что только Россия располагала дипломатическим аппаратом. Уже в конце 1917 г. – начале 1918 г. НКВД РСФСР в своем составе насчитывал до 200 сотрудников и имел ряд отделов [3, с. 64].

После захвата польскими войсками Вильно Совет Оборона Литвы и Белоруссии обратился 31 мая 1919 г. во Всероссийский ЦИК с предложением “установить всем Советским Республикам тесный военный союз с единым командованием и делением всех объединенных военных сил на армии по оперативным заданиям, а не по национально-государственному принципу”. Уже 1 июня ВЦИК принял положительное решение по этому вопросу [4, т. 2, с. 179–180]. Быстрота реакции свидетельствует как о насущности подобного рода союза, так и о тесных связях двух правительств.

С распадом Литовско-Белорусской республики распалось и ее правительство. В условиях активных военных действий было не до создания отдельных советских правительств в Литве и Белоруссии, так как их территории были оккупированы. А к лету 1920 г., когда ситуация стабилизировалась, большевики обнаружили растущую активность деятелей БНР и, как факт, уже существующую буржуазную Литву, с которой пришлось заключить договор. В этой ситуации было абсолютно логично со стороны России 30 июля 1920 г. вновь провозгласить БССР, а 1 августа 1920 г. декларировать ее независимость [4, т. 3, с. 73].

В Декларации отмечалось следующее: “ССРБ, находясь во взаимоотношениях с Советской Россией как равная с равной, передает на все время революционных войн все свои вооруженные силы в распоряжение единого командования вооруженных сил всех советских республик, а также заявляет, что все дипломатические выступления ССРБ будут согласованы с выступлениями РСФСР и будут иметь в виду общие интересы всех советских республик, построенных на принципе диктатуры пролетариата” [4, т. 3, с. 74]. 10 сентября 1920 г. белорусское правительство передало все внешнеполитические функции НКВД РСФСР. Именно поэтому заключение Рижского мира и вся подготовка к нему шла без участия белорусской стороны.

Таким образом, первый этап в установлении отношений между Белоруссией и Россией характеризуется политической и экономической нестабильностью, в полной

мере отразившейся и в международной деятельности.

Следующим этапом в установлении более тесных отношений между Россией и Белоруссией было подписание 16 января 1921 г. Союзного рабоче-крестьянского договора, по которому законодательно закреплялось вступление республик в военный и хозяйственный союз и определялся круг объединенных комиссариатов [4, т. 3, с. 475].

1921–1922 гг. – это годы перехода от войны и блокады к мирным отношениям, к торговле и нормальным дипломатическим связям, годы коренного перелома в международном положении Советского государства, когда закладывались основы советской внешней политики мирного периода, когда перед лицом капиталистического окружения складывался единый дипломатический фронт советских республик.

С образования НКВД БССР внешнеполитическая деятельность республики стала расширяться, хотя и находилась под непосредственным контролем НКВД РСФСР, о чем свидетельствует, например, телеграмма, отправленная из Минска 28 июля 1921 г. в НКВД России на имя Г.В. Чичерина: “Советское правительство Белоруссии просит правительство РСФСР обратить внимание Польского правительства на недопустимость глумления над населением Западной Белоруссии” [5]. Очевидно, что Россия дала согласие на прямой выход НКВД БССР на МИД Польши, так как 21 августа 1921 г., судя по всему, в Польшу ушла первая нота НКВД Белоруссии за подписью А.Г. Червякова о нарушении Польской стороной ст. 7 Рижского договора (закрытие белорусских школ, отрицание права на свободное развитие языка и культуры) в Западной Белоруссии [4, т. 4, с. 289].

К лету 1921 г. относится и подписание в Минске Протокола о Согласительных комиссиях по ликвидации пограничных инцидентов между Уполномоченными Правительств РСФСР, УССР и БССР, с одной стороны, и Польши – с другой [4, т. 4, с. 150]. Согласно этому Протоколу вся граница между Россией, Белоруссией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой, делилась на 5 участков, соответствующих

участкам пограничных подкомиссий, в работе которых принимали участие и белорусские представители.

Экономическая и политическая деятельность Белоруссии в этот период времени находилась в тесной взаимосвязи с указаниями НКВД РСФСР. Хотя необходимо отметить, что 1921 год был успешным для дипломатии России: установлены дипломатические отношения с Ираном и Афганистаном, заключены торговые отношения с Великобританией, Германией, Норвегией, Австрией, Италией; подписаны союзные договоры с Грузией и Арменией; подписан договор о дружбе и братстве с Турцией, мирный договор с Польшей.

Единый фронт Советских республик на международной арене стал складываться по мере роста их дипломатической активности и международного авторитета. Формы дипломатического сотрудничества республик были разнообразны. В основном имели место совместные выступления нескольких советских республик, но ведущая роль принадлежала РСФСР.

Итогом 1922 г. стало объединение РСФСР, УССР, ЗСФСР и БССР в единый союз – Союз Советских Социалистических Республик. В Постановлении X Всероссийского Съезда Советов по докладу об образовании СССР от 26 декабря 1922 г. было, в частности, сказано: “Уполномочить делегацию на основе одобрения ВЦИК условий объединения заключить договор РСФСР с социалистическими советскими республиками об образовании СССР” [4, т. 6, с. 113]. По условиям договора ведению СССР в лице его верховных органов подлежало:

- представительство Союза в международных сношениях;
- объявление войны и заключение мира;
- заключение внешних государственных займов;
- ратификация международных договоров;
- отмена нарушающих союзный договор постановлений Съездов Советов, ЦИК и СНК союзных республик [4, т. 6, с. 118].

Характерно, что республики еще до подписания союзного договора пытались сохранить хотя бы формально свое пред-

ставительство при союзных полпредствах и торгпредствах. Однако это вызвало активное неприятие со стороны Г.В. Чичерина. В записке И.В. Сталину от 31 октября 1922 г. нарком, не стесняясь в выражениях, выступил против того, чтобы назначить представителей республик “при союзных полпредах и торгпредах”. Особенно он возражал против создания в качестве постоянного органа при НКВД совета из представителей союзных республик. “Если бы коллегия НКВД была превращена в нечто вроде национального совета при Наркомнаца, НКВД сделался бы абсолютно неповоротливым учреждением”. М.М. Литвинов поддержал эту позицию. “Я считаю, – писал он И.В. Сталину, – нужно решительным образом протестовать против каких бы то ни было отдельных представительств республик” [6, с. 108–109]. Так закончилась последняя попытка республик, в том числе БССР, сохранить свой суверенитет в области международных отношений.

Тем не менее в 1919–1923 гг. БССР поддерживала отношения, основанные на признании де-факто с Латвией, Литвой, Эстонией, Австрией, Чехословакией, Турцией, Италией [7, с. 45].

Проанализировав документы, можно сделать вывод, что вся внешнеполитическая деятельность Белоруссии находилась в тесной связи и под контролем НКВД РСФСР. Трудно предположить, была бы она более успешной, имей БССР полную самостоятельность в этой области. За 1919–1922 гг. действиями Российской дипломатии был заключен Рижский мирный договор, подписаны ряд торговых и экономических соглашений. Беларусь делала первые самостоятельные шаги на международной арене в совместных выступлениях с РСФСР.

Заключение

Таким образом, развитие международных связей Беларуси и России имеет длительную историю, которая включает в себя различные периоды, отличающиеся по влиянию на дальнейшую жизнь этих государств.

Сложный и противоречивый характер взаимоотношений позволяет определить

беспорные приоритетные направления, по которым наши страны движутся вместе в течение многих десятилетий.

Середина 90-х гг. XX в. определила начало нового периода в международных контактах Республики Беларусь и Российской Федерации. К 20-м гг. XXI в. мы подходим с твердым убеждением, что Союз наших государств жизненно необходим двум народам.

Как и 100 лет назад, внешнеполитическая ситуация в мире достаточно сложная, и это диктует необходимость военно-политического союза.

Нарастающая в мире глобализация вызывает необходимость сближения экономических потенциалов стран, унификации законодательства на различных уровнях правовых структур и т. д. Это требует ежедневной, кропотливой работы руководства Союзного государства, Высшего Государственного Совета, Совета Министров и Постоянного Комитета Союзного государства, однако столетний опыт дружеских, добрососедских и стабильных отношений дает основания полагать, что Союзное Государство в конечном счете пройдет необходимый путь интеграции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Гуткоўскі, М.* Утварэнне Савецкае Сацыялістычнае Рэспублікі Беларусі і формы фактычнае сувязі яе з РСФСР / М. Гуткоўскі. – Отдельный оттиск из сборника “Беларусь”. – Мн., 1924.
2. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. – Мн., 1983. – Т. 1.
3. *Блинов, С. И.* Внешняя политика Советской России: первый год диктатуры / С. И. Блинов. – М. : Мысль, 1973.
4. Документы внешней политики СССР : в 21 т. – М. : Госполитизд, 1961.
5. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 9 (ч. 4). Л. 283.
6. *Белевич, С.* Наркоминдел Г. Чичерин / С. Белевич, В. Соколов // Международная жизнь. – 1991. – № 2.
7. *Бровка, Ю. П.* Белорусская ССР – суверенный участник международного общения / Ю. П. Бровка. – Мн., 1974.

Поступила в редакцию 13.12.2019 г.

Контакты: +375 222 25 30 13

(Ковалева Лариса Аркадьевна)

Kovaleva L. FORMATION OF BELARUSIAN-RUSSIAN INTERSTATE RELATIONS IN EARLY XX CENTURY.

The article concerns the relationships between two foreign ministries – of the RSFSR on the one hand and the BSSR on the other hand – in the context of the emergence and formation of Soviet statehood in Belarus. The issues of establishing agreement-based cooperation in the field of military and economic union of the two states, state-to-state relations aimed at creating “the revolutionary avant-garde” on the eastern borders of the Soviet state are under consideration.

Keywords: state, state-to-state relations, commissariat, republic.

УДК 94.476:364“1861/1914”

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В 1861–1914 гг.

Н. С. Моторова

кандидат исторических наук, доцент,
докторант
Белорусский государственный
университет

В статье охарактеризованы основные тенденции развития общественного призрения на территории белорусских губерний в пореформенный период. Указано, что оно регулировалось устаревшими нормами Устава общественного призрения и не имело устойчивых источников финансирования. Работы по изменению соответствующего законодательства оказались безуспешными. Сделан вывод о том, что благодаря инициативе религиозных институтов, губернской администрации, благотворительных организаций и сословных обществ наиболее активно развивалась сеть богаделен. В то же время сеть детских приютов расширялась более медленно, преимущественно за счет ресурсов Попечительства о детских приютах.

Ключевые слова: общественное призрение, устав, детские приюты, богадельни, белорусские губернии.

Введение

В Российской империи общественное призрение представляло собой вид благотворительной помощи, который отличался от подачи милостыни бедным целенаправленным и организованным характером. Его основная задача заключалась в оказании помощи нетрудоспособным лицам (старикам, детям, инвалидам), которая была ориентирована на “разумное обеспечение нуждающегося и предупреждение нищеты” [1, с. 165]. Основы общественного призрения были заложены еще во время правления Екатерины II. Первоначально оно строилось на сословных принципах и было ориентировано на оказание помощи представителям

свободных сословий. Однако после отмены крепостного права в развитии общественного призрения наметились новые тенденции. Они были обусловлены изменившимися условиями социально-экономического развития: разложением традиционной социальной структуры и постепенной деформацией сложившейся ранее системы связей внутри социальных групп.

Необходимо отметить, что в историографии вопросы развития общественного призрения на территории Беларуси после отмены крепостного права рассмотрены косвенно. Отдельные аспекты данной проблемы были проанализированы в монографиях А.Д. Григорьева [2] и С.Ф. Шимукевича [3]. В этой связи цель данной статьи заключается в определении основных направлений развития общественного призрения на территории белорусских губерний в пореформенный период. Данное исследование проведено на основании анализа правовых актов, делопроизводственных и статистических материалов.

Основная часть

На территории белорусских губерний основные функции по организации общественного призрения относились к компетенции приказов общественного призрения, созданных в структуре губернской администрации в ходе реформы 1775 г. В их подчинении находились различные социальные объекты: больницы, богадельни, сиротские и воспитательные дома [4, с. 271]. В соответствии с Уставом общественного призрения помощь в таких заведениях должна была оказываться исключительно представителям свободных сословий и лицам, которые не принадлежали к конкретным обществам [5, с. 73, 122]. Данные нормы продолжали действовать в пореформенный период, правда, в них вносились отдельные коррективы.

После отмены крепостного права обязанности заботиться о нетрудоспособных лицах были законодательно закреплены в отношении крестьянских обществ. Соответствующие нормы содержались в статьях 10 и 179 Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости.

Естественно, речь шла исключительно о призрении “престарелых, дряхлых и увечных членов общества, не могущих трудом приобретать пропитание, у которых нет родственников или у которых родственники не в состоянии содержать их; призрении круглых сирот” [6, с. 143, 166].

Однако законодательно не были конкретизированы формы и механизмы оказания такой помощи. Их выбор зависел исключительно от внутренних потребностей сельских обществ. Ее финансирование в неземских регионах обеспечивалось исключительно за счет мирских средств. Вплоть до начала XX в. расходы на эти цели по пяти белорусским губерниям были незначительны. Так, по данным за 1881 г. совокупная сумма мирских расходов волостей превысила 1,7 млн руб., из которых на благотворительные цели было направлено всего 1 236 руб., или 0,07% [подсчитано по: 7, Таблицы, с. 2–3, 234–235]. К 1905 г. мирские расходы составили 3,5 млн руб. Однако в их структуре на благотворительность и общественное призрение было затрачено 29 645 руб., или 0,8% [подсчитано по: 8, с. 398–401]. Во многом это объяснялось тем, что сами крестьяне воспринимали расходы на содержание нетрудоспособных членов сельских обществ как дополнительные обременительные затраты.

В отношении городских обществ соответствующие обязанности были обозначены косвенно. В статье 200 Устава общественного призрения отмечалось, что они обязаны вносить плату за лечение своих несостоятельных членов в больницах, подведомственных приказам общественного призрения [9, с. 31]. Какие-либо дополнительные указания по организации общественного призрения в городах отсутствовали.

Предполагалось, что частично это проблема будет решена в ходе реформирования системы местного самоуправления. Действительно, в Городовое положение 1870 г., а затем и в его новую редакцию 1892 г. вошли статьи, в соответствии с которыми органы городского самоуправления должны были заботиться о нетрудоспособном населении и бороться с нищенством, открывать собственные благотворительные учрежде-

ния. Однако, расходы на эти цели не носили обязательного характера [10, с. 823, 837–838; 11, с. 433–434, 454–455]. В структуре городских бюджетов по пяти белорусским губерниям на их долю в первой половине 1880-х гг. приходилось 2,5% от общей суммы расходов, а в 1912 г. – 1,4% [подсчитано по: 12, с. 298–299; 13, с. 118–119, 126–127, 142–143, 174–175].

По мнению Н.К. де Сеньи, утверждение Земского, а затем и Городового положений привело к тому, что “законодательная регламентация дела общественного призрения была окончательно подорвана” [14, с. 123]. Устав общественного призрения, разработанный в дореформенную эпоху, не мог обеспечить эффективное регулирование деятельности органов местного самоуправления в данной сфере. В этой связи на правительственном уровне были предприняты попытки по его пересмотру. Сответствующие поручения были даны специальной комиссии, созданной при МВД в 1872 г. Однако ее деятельность ограничилась лишь сбором исторических материалов об организации общественного призрения. В 1892 г. была создана комиссия под председательством К.К. Грота. Ей было поручено разработать проект законодательных мер, регулировавших организацию общественного призрения. В ходе ее работы было подготовлено четыре проекта, однако после смерти К.К. Грота в 1897 г. ее деятельность была прекращена [14, с. 124–126]. Материалы комиссии были переданы в МВД, которое уже в 1898 г. разослало новый проект Устава общественного призрения для ознакомления на места. Он представлял собой не новый и цельный закон, а совокупность поправок к действовавшему Уставу. Кроме того, в новом проекте сохранялся принцип сословности в организации общественного призрения, хотя и в ограниченном виде [1, с. 176]. Однако и в этом случае работы по пересмотру Устава общественного призрения не привели к положительным результатам. В 1906 г. по поручению Главного управления по делам местного хозяйства Е.Д. Максимов подготовил Устав попечения о нуждающихся, однако и он не получил силу закона. В целом ни один из проектов

по пересмотру базовых принципов организации общественного призрения, подготовленных в конце XIX – начале XX вв., не был представлен на обсуждение Государственного совета [14, с. 126].

В итоге организация общественного призрения и его финансовое обеспечение как в целом по Российской империи, так и в белорусских губерниях в частности продолжали регулироваться нормами дореформенного законодательства. В соответствии с ним обязанность поддерживать нетрудоспособных лиц возлагалась на ближайших родственников либо на общества в целом. Однако правовые и финансовые условия ее реализации не были четко обозначены. Это являлось серьезным препятствием для повышения ее эффективности. Для оказания помощи нетрудоспособным лицам, которые утратили связи со своими сословными группами или не имели родственников, были предназначены специальные заведения закрытого призрения: богадельни, сиротские приюты, воспитательные дома. На протяжении пореформенного периода их количество постоянно увеличивалось.

Наиболее широко были представлены различные богадельни. Собственно приказных богаделен было немного. К началу XX в. на территории белорусских губерний всего 5, а помощь в них получало около 500 человек [подсчитано по: 15–18]. Они содержались исключительно за счет средств приказов.

Либерализация условий создания благотворительных обществ способствовала расширению их сети и, как следствие, созданию подведомственных им благотворительных учреждений. На территории белорусских губерний в их ведении находились различные заведения, в том числе и богадельни, которых к началу XX в. насчитывалось 13. Помощь в них получало 860 человек [подсчитано по: 15–19].

Функции сословного призрения выполняли мещанские богадельни. Они предназначались как для христиан, так и для евреев, причем последний тип благотворительных заведений численно доминировал. Христианских богаделен насчитывалось всего три. Помощь в них в начале XX в. получало 65

человек. В то же время еврейских богаделен было 25, в них по неполным данным призревалась 1 402 человека [подсчитано по: 15–19]. Они содержались за счет сумм коробочного сбора, а также за счет средств еврейских благотворительных организаций. Исключением являлась еврейская богадельня в Минске, которая находилась в ведении местного Приказа.

Собственные богадельни содержали и две крупнейшие христианские конфессии на территории белорусских губерний – православная церковь и католический костел. Общими чертами для них являлось то, что богадельни размещались не только в городах, но и в местечках и крупных селах. Как правило, благотворительные заведения были небольшими. В ряде случаев допускалась возможность сбора средств для призреваемых через подавание, что свидетельствовало об отсутствии устойчивого источника финансирования подобных заведений. К началу XX в. на территории белорусских губерний функционировало 15 католических богаделен, в которых, по неполным данным, призревало 113 человек, и 71 православная богадельня, где помощь получало 294 человека [подсчитано по: 15–19]. Однако некоторые из них способствовали сохранению нищенства и поощрению подачи милостыни, так как предоставляли своим подопечным помещения, а средства для пропитания они должны были добывать самостоятельно. Такая практика была характерна для ряда благотворительных заведений при церквях и костелах, расположенных в сельской местности. Например, на таких условиях оказывали помощь нуждавшимся богадельни при православных церквях в местечках Беница и Крево, селе Михаловщина Ошмянского уезда, деревне Старинки Минского уезда, местечках Дубровно и Романово, селах Святошинцы и Шишево Горецкого уезда, селе Вледневицы Чаусского уезда, а также при католическом костеле в Пинске [15, с. 11–12; 18, с. 11–12, 18; 19, с. 5, 14].

Потребность в подобных заведениях в сельской местности была очень высокой. В этом отношении интересна инициатива, которая была реализована на территории

Могилевской губернии при активном участии местного губернатора А.С. Дембовецкого. В своем всеподданнейшем отчете за 1890 г. он указывал, что на сельские обществу в законодательном порядке была возложена обязанность призрения своих дряхлых, увечных и престарелых членов. Однако формулировки соответствующего закона были расплывчаты, а его применение на практике зависело от воли сельской администрации. В этой связи предлагалось упорядочить данную сферу. Для этого в каждой волости для призрения лиц, которые не имели своего жилья и родственников, нуждались в особом уходе и медицинской помощи, было решено возвести специальные дома призрения. Здания для их размещения должны быть недорогими и прочными. Дома призрения должны были содержаться за счет волостных сумм и были рассчитаны на 10–16 человек. Кроме того, по решению сельских обществ допускалась выплата пособий нуждавшимся лицам, у которых был приют. Планировалось, что к осени 1892 г. дома призрения будут открыты в 8 уездах Могилевской губернии, в 1893 г. – в оставшихся трех (Чериковском, Климовичском, Мстиславском). В результате реализации данного плана предполагалось создать 145 благотворительных заведений (по числу волостей), в которых могли призреваться примерно 1 500 человек [20, с. 7–11]. После отставки А.С. Дембовецкого новый губернатор Н.А. Зиновьев в своем рапорте подверг критике идею создания домов призрения в сельской местности. В частности, он отметил формализм при осуществлении данной меры на местах: местные исполнители, желая угодить губернскому начальству, заставляли крестьян возводить дома призрения в большем количестве, чем это реально требовалось, при этом постройки возводились по единому плану, который не был удобен для деревень. В итоге крестьяне затратили значительные средства на возведение этих благотворительных заведений, а многие из них пустовали [21, с. 6].

Несмотря на эту критику, по состоянию на начало XX в. в Могилевской губернии дома призрения функционировали, однако в меньшем объеме, чем это планиро-

валось А.С. Дембовецким. Действовало 60 таких учреждений, в которых помощь получали более 500 человек [подсчитано по: 18]. В принципе сама идея упорядочения призрения в сельской местности была рациональной и необходимой, о чем свидетельствовали отзывы с мест. Так, Совецание предводителей дворянства и мировых посредников Гродненской губернии в 1899 г. высказалось за устройство сельских богаделен. Правда, в отличие от проекта А.С. Дембовецкого, в этом случае говорилось, что одна богадельня могла бы обслуживать 4–6 волостей [22, с. 37].

Приведенные выше данные свидетельствовали о том, что в развитии общественного призрения к концу XIX в. наметилась новая тенденция, которая выразилась в его упорядочении и расширении в сельской местности. Однако она проявилась лишь в одной из пяти белорусских губерний – в Могилевской. Существенная проблема при создании домов призрения заключалась в том, что за их деятельностью отсутствовал контроль, не были четко регламентированы источники финансирования. В то же время в целом богадельни оставались наиболее распространенным типом благотворительных учреждений. В развитии их сети принимали участие сословия, благотворительные организации, частные лица, а также православная церковь и католический костел. Здесь практически не наблюдалось каких-либо ограничений, наоборот, государство приветствовало проявление любых инициатив со стороны различных слоев общества.

Сеть учреждений для призрения детей на территории белорусских губерний была представлена в меньших размерах. В основном функционировали приюты, входившие в структуру приказов общественного призрения и губернских попечительств о детских приютах ВУИМ, благотворительных обществах. Расширение сети подобных учреждений происходило более медленными темпами.

В пореформенный период в структуре приказов общественного призрения белорусских губерний функционировало только одно заведение данного типа – приют в Могилеве, открытый в 1840 г. Согласно ут-

вержденным штатам он был рассчитан на 40 мест [23, с. 299]. В остальных губерниях из средств приказов выделялись деньги на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей, у частных лиц. Например, по данным на 1895 г. в Минский приказ на эти цели затратил 723 руб. 63 коп., Гродненский – 2 099 руб. 72 коп. [24, л. 22 об. – 23; 25, л. 3 об. – 4].

Существенный вклад в организацию помощи детям вносило Ведомство учреждений императрицы Марии. Ему подчинялись губернские попечительства о детских приютах. Собственно, такие приюты функционировали во всех крупных губернских центрах – Вильне, Витебске, Гродно, Минске и Могилеве. К концу XIX в. в них воспитывалось 235 детей [подсчитано по: 23, с. 32, 41, 149, 288, 299]. Постепенно их сеть расширилась. В 1899 г. было создано Минское уездное попечительство, при котором начал работать детский приют. В 1909 г. было открыто Быховское уездное попечительство, а приют при нем – в 1910 г. [26, с. 132].

Вклад в развитие сети детских приютов вносили благотворительные общества. Например, в Вильне в ведении общества “Доброхотная копейка” находились сиротские отделения для мальчиков на 11 человек и для девочек на 15 мест, Ольгинский детский приют трудолюбия на 40 человек [15, с. 3–4]. Благотворительное общество в Витебске содержало приют для девочек. В ведении Общества попечения о детях, открытого в 1899 г., находилось 2 собственных убежища, а также приют для бедных мальчиков, открытый в 1870-х гг. местным городским самоуправлением [16, с. 1–2]. Аналогичные учреждения функционировали в Гродно, Минске, Могилеве [17, с. 1–2; 18, с. 3; 19, с. 2].

Однако наиболее остро на территории белорусских губерний стояла проблема призрения подкидышей. Для них существовало лишь одно специализированное заведение – воспитательный дом “Иисус Младенец”, основанный в Вильне еще в 1791 г. и подчинявшийся местному Приказу общественного призрения. В него поступали подкидыши, обнаруженные полицией. Мальчиков воспитывали в этом заведении до достижения 18 лет, а девочек – до 16 лет [15, с. 7].

К сожалению, в деятельности воспитательного дома проявился основной недостаток, свойственный подобным заведениям: высокий уровень смертности детей. На протяжении 1897–1912 гг. он колебался в пределах 18–30%. При этом количество детей, которые поступали в это учреждение, постоянно увеличивалось. Если в 1897 г. в нем воспитывалось 686 человек, то в 1912 г. – 1 058 [подсчитано по: 27, с. 64; 28, с. 75].

Кроме того, в конце XIX в. к организации призрения подкидышей подключались представители частной благотворительности. В 1894 г. в Минске начало свою деятельность общество “Милосердие”, устав которого был утвержден в 1891 г. Оно было ориентировано на оказание помощи подкидышам и сиротам. В его заведении находился бесплатный приют, открытый в 1894 г. Кроме того, общество устраивало своих питомцев в семьи [19, с. 1]. Несмотря на гуманные цели, которое преследовали члены общества, для его повседневной деятельности были характерны основные недостатки, свойственные воспитательным домам в целом. Просто катастрофическим был уровень смертности среди питомцев приюта: в 1906 г. он составил 50%, в 1907 г. – 54%, в 1908 г. – 49,7%, в 1909 г. – 63%, в 1910 г. – 56,5%. Этому способствовали бытовые условия (помещений приюта было недостаточно, чтобы раздельно поместить больных и здоровых детей), дети часто поступали очень слабыми и больными. В приюте практиковалось искусственное вскармливание коровьим молоком, разбавленным водой, искусственными смесями. Это способствовало повышению смертности среди детей, что признавалось в одном из отчетов общества за 1906 г. В этой связи начали привлекать кормилиц, но их постоянно не хватало. Для решения этой проблемы детей старались как можно скорее отдавать частным лицам. Эффект от этой меры был низким. В отчете за 1910 г. отмечалось, что частным лицам отдавались самые здоровые дети, а между тем из 108 умерло 68 [29, л. 5 об., 32 об., 39 об., 40 об.].

Еще одной серьезной проблемой для общества “Милосердие” являлся постоянный дефицит средств. Оно было вынуждено

искать дополнительные источники финансирования. Так, Минский губернский комитет по делам земского хозяйства в 1906 г. назначил ему единовременное пособие в размере 2 600 руб. В 1907 г. от Минской губернской управы поступило 4 413 руб. 84 коп., в 1908 г. – 7 547 руб. 50 коп., в 1909 г. – 7 200 руб., в 1910 г. – 8 126 руб. В то же время небольшие пособия в размере 330–360 руб. поступали от городских властей Минска [29, л. 3 об., 15 об., 23 об., 33 об., 43 об.].

Приведенные выше данные свидетельствуют о низкой эффективности организации помощи подкидышам. Ни приказы общественного призрения, ни благотворительные общества не могли решить главную проблему воспитательных домов – высокую смертность детей.

В целом, сеть учреждений, предназначенных для оказания помощи детям, развивалась более медленно, чем взрослым. Это происходило преимущественно за счет привлечения ресурсов частной благотворительности и Попечительства о детских приютах.

Новый импульс развитие общественное призрение получило после введения на территории Витебской, Минской и Могилевской губерний управлений по делам земского хозяйства в 1903 г., которым были переподчинены учреждения ликвидированных приказов общественного призрения. Новые органы самоуправления приступили к их благоустройству, в первую очередь это коснулось богаделен. В 1908 г. Минский губернский комитет принял решение разместить губернскую богадельню в Ново-Борисове в казармах, ранее занятых кавалерийскими частями [30, с. 73, 77]. Могилевский комитет в связи с проектом создания психиатрической лечебницы принял решение перевести губернскую богадельню из Печерска в Сеньково [31, с. 14]. Однако после проведения земской реформы новые органы самоуправления в декабре 1913 г. приняли решение закрыть губернскую богадельню, заменив ее небольшими благотворительными учреждениями в уездах [32, с. 7, 11, 15]. Одновременно Губернское земство начало разрабатывать проект создания специализированного учреждения для сирот, в котором

воспитание сочеталось бы с сельскохозяйственным обучением. Для этих целей предполагалось использовать имение Чурилово, на оборудование которого потребовалось бы до 10 тыс. руб. [32, с. 49, 71]. Кроме того, в 1913 г. было решено построить новое здание для размещения сиротского приюта [32, с. 77–79, 110]. К сожалению, в связи с началом Первой мировой войны эти планы так и не были реализованы.

Несмотря на довольно активное участие новых органов самоуправления в развитии общественного призрения, в целом расходы на эти цели в структуре их бюджетов были небольшими. Так, по данным на 1912 г. соответствующие затраты земств Витебской, Минской и Могилевской губернии составляли менее 2% [подсчитано по: 33, с. 432–433].

Заключение

Для развития общественного призрения на территории белорусских губерний были характерны следующие тенденции. Во-первых, на протяжении всего пореформенного периода для повышения его эффективности и адаптации к новым социально-экономическим условиям с учетом региональной специфики требовалось пересмотреть правовые нормы, регулировавшие его организацию. Этот вопрос мог быть разрешен лишь в законодательном порядке на общегосударственном уровне. Однако работы по пересмотру Устава общественного призрения оказались безуспешными. Во-вторых, происходило постепенное расширение финансовой базы общественно-го призрения через привлечение дополнительных источников финансирования. В-третьих, сеть благотворительных учреждений развивалась при активном участии благотворительных организаций, православной церкви и католического костела, сословных групп, губернской администрации, органов местного самоуправления. При этом численно в ее структуре доминировали богадельни различных типов. Организация помощи детям развивалась более медленными темпами, преимущественно за счет финансовых и организационных ресурсов частной благотворительности и Попечительства о детских приютах.

**СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ
ИСТОЧНИКОВ**

1. *Герье, В. И.* Призрение общественно / В. И. Герье // Энциклопедический словарь : [в 82 т., 4 доп. т.] / издатели: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. – Санкт-Петербург : Семеновская типо-лит. (И. А. Ефрона) : Тип. Акц. об-ва Брокгауз-Ефрон, 1890–1907. – Т. XXV : Праяга – Просрочка отпуска. – 1898. – С. 165–177.
2. *Григорьев, А. Д.* Становление и развитие социальной работы на Беларуси (X–XX вв.) : монография / А. Д. Григорьев. – Минск : БГПУ им. М. Танка, 2000. – 218 с.
3. *Шимукович, С. Ф.* Благотворительность в Беларуси в конце XIX – начале XX века / С. Ф. Шимукович. – Минск : Академия управления при Президенте РБ, 2006. – 188 с.
4. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). [Собрание 1]. Том XX : 1775–1780. [От № 14233 до 15105]. – Санкт-Петербург : Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. – 1034, 7, [3] с.
5. Устав о общественном призрении // Свод законов Российской империи повелением государя императора Николая Первого составленный : [в 15 т.]. Издание 1857 год. – Санкт-Петербург : Тип. Второго Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1857. – Т. 13 : Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные. – С. 1–294.
6. ПСЗ РИ. Собрание 2. Том XXXVI : 1861. Отделение 1. От № 36490–37190. – Санкт-Петербург : Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1863. – 1057 с.
7. Статистический временник Российской империи. Серия III / Центр. стат. ком-т Мин-ва внутр. дел. – Санкт-Петербург, 1884–1890. – Выпуск 13 : Мирские расходы крестьян за 1881 год / разработано П. В. Охочинским. – Санкт-Петербург : Тип. Д. Шеметкина и К°, 1886. – [2], 38, 263 с. разд. паг.
8. Мирские доходы и расходы за 1905 год по 50 губерниям Европейской России / сост. Стат. отд-нием; Мин-во финансов, Деп-т окладных сборов. – Санкт-Петербург : Тип. Тов-ва п. ф. “Электро-тип. Н. Я. Стойковой”, 1909. – 4, XL, 401 с. ; 3 л. диагр.
9. Общественное и частное призрение в России : сборник статей. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. Академии наук, 1907. – [4], 296 с.
10. ПСЗ РИ. Собрание 2. Том XLV : 1870. Отделение 1. От № 47862–48529. – Санкт-Петербург : Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1874. – 896 с.
11. ПСЗ РИ. Собрание 3. Том XII : 1892. От № 8215–9216 и дополнения. – Санкт-Петербург : Гос. тип., 1895. – 1353 с. разд. паг. ; 37 л. ил.
12. Статистический временник Российской империи. Серия III / Центр. стат. ком-т Мин-ва внутр. дел. – Санкт-Петербург, 1884–1890. – Выпуск 22 : Статистика доходов и расходов городов Европейской России с Привислянскими губерниями с 1880 по 1884 гг. – Санкт-Петербург : Тип. М. Степанова, 1887. – 4, XLVII, 345 с.
13. Доходы, расходы, специальные капиталы и задолженности городских поселений на 1912 год / сост. Стат. отд-нием. Мин-во финансов. Деп-т окладн. сборов. – Петроград : Тип. Т-ва п. ф. “Электро-Тип. Н. Я. Стойковой”, 1917. – LXXX, 532 с.
14. Труды Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г. – Санкт-Петербург : Тип. И. В. Леонтьева, 1910. – 885 с. разд. паг.
15. Виленская губерния // Благотворительность в России : [в 2 т.]. – Санкт-Петербург : [Типо-лит. Н. Л. Ныркина, 1907]. – Т. 2, ч. 1 : Губернии : Архангельская – Новгородская. – С. 1–14.
16. Витебская губерния // Благотворительность в России : [в 2 т.]. – Санкт-Петербург : [Типо-лит. Н. Л. Ныркина, 1907]. – Т. 2, ч. 1 : Губернии : Архангельская – Новгородская. – С. 1–16.
17. Гродненская губерния // Благотворительность в России : [в 2 т.]. – Санкт-Петербург : [Типо-лит. Н. Л. Ныркина, 1907]. – Т. 2, ч. 1 : Губернии : Архангельская – Новгородская. – С. 1–14.
18. Могилевская губерния // Благотворительность в России : [в 2 т.]. – Санкт-

- Петербург : [Типо-лит. Н.Л. Ныркіна, 1907]. – Т. 2, ч. 1 : Губернии : Архангельская – Новгородская. – С. 1–22.
19. Минская губерния // Благотворительность в России : [в 2 т.]. – Санкт-Петербург : [Типо-лит. Н.Л. Ныркіна, 1907]. – Т. 2, ч. 1 : Губернии : Архангельская – Новгородская. – С. 1–18.
 20. [Всеподданнейший отчет моголевского губернатора за 1890 год]. – Без тит. л. – 27 с.
 21. [Рапорт моголевского губернатора за 1893 год]. – Без тит. л. – 11 с.
 22. Крестьянское дело в Гродненской губернии. Свод заключений по вопросам, рассмотренным Совещанием предводителей дворянства и мировых посредников в 1899 году. – Гродно : Губ. тип., 1900. – 105 с.
 23. Благотворительные учреждения Российской империи : [в 3 т.]. – Санкт-Петербург : Тип. Санкт-Петербург акц. об печ. дела в России Е. Евдокимов, 1900. – Т. II. – [4], 314 с.
 24. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1287. Оп. 19. Д. 1780. Отчет о действиях Минского приказа общественного призрения за 1895 г.
 25. РГИА. – Ф. 1287. Оп. 19. Д. 1784. Отчет о действиях Гродненского приказа общественного призрения за 1895 г.
 26. Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным высочайшим их императорских величеств покровительством за 1913 год. – Петроград : Тип. В. Ф. Киршбаума (отделение), 1915. – XV, 150, 159 с.
 27. Обзор Виленской губернии за 1897 год. – Вильна : Губ. тип., 1898. – [2], 98 с. ; 10 табл.
 28. Обзор Виленской губернии за 1912 год. – Вильна : Губ. тип., 1911. – [4], 97 с. ; 12 табл.
 29. РГИА. – Ф. 1288. Оп. 14 (1911 г.). Д. 122. Материалы о подкидышах по Минской губернии.
 30. Сборник постановлений Минского губернского комитета по делам земского хозяйства за 1908 год. – Минск : Паровая типо-лит. В. и И. Тасьман, 1909. – 10, 110 с.
 31. Краткий обзор деятельности земского управления Моголевской губернии за 1903–1911 годы. – Моголев губ. : Губ. тип., 1911. – 31 с.
 32. Третье очередное [Моголевское] Губернское земское собрание (сессия 12–19 декабря 1913 г.). Журналы заседания Земского собрания / Моголевское губернское земство. – Моголев-на-Днепре : Типо-лит. Я. Н. Подземского, б/г. – 138, 4, 9 с.
 33. Доходы и расходы земств 40 губерний по сметам на 1912 год / разраб. Стат. отд-нием Деп-та окладн. сборов. – Санкт-Петербург : Тип. Т-ва п. ф. “Электро-Тип. Н. Я. Стойковой”, 1914. – LXXXV, 433 с.

Поступила в редакцию 04.06.2019 г.

Контакты: +375 29 711 54 46

(Моторова Надежда Сергеевна)

Motorova N.S. MAIN TENDENCIES IN THE DEVELOPMENT OF PUBLIC CHARITY IN THE TERRITORY OF BELARUSIAN PROVINCES IN 1861–1914.

The article describes the main tendencies in the development of public charity in the territory of the Belarusian provinces in the post-reform period. It is indicated that it was regulated by outdated norms of the Statute of the public charity and did not have sustainable sources of funding. The work to change the legislation proved to be unsuccessful. It is concluded that thanks to the initiative of religious institutions, the provincial administration, charitable organizations and class societies, the network of almshouses was most actively developed. At the same time the network of orphanages expanded more slowly, mostly due to the resources of the Guardianship of children's shelters.

Keywords: public charity, statute, orphanages, almshouses, Belarusian provinces.

УДК 94(476)“1941/1944”

ОСОБОЕ СОЕДИНЕНИЕ ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1942–1943 гг.)

И. В. Чернявский

аспирант

Белорусский государственный
университет

В годы Великой Отечественной войны свой весомый вклад в разгром врага внесли белорусские партизаны. Несмотря на достаточно большое количество работ, посвященных народным мстителям, их деятельность в западных областях БССР остается менее изученной. Между тем события и решения 1942–1943 гг. там во многом заложили фундамент для широкого развития партизанского движения на всей территории оккупированной Беларуси в последующий период. В статье рассмотрена история формирования Особого соединения партизанских отрядов, созданного в 1942 г. на территории Барановичской области, и сделана попытка оценить его роль в активизации борьбы на оккупированной территории Западной Беларуси.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; партизанское движение; Западная Беларусь; партизанские формирования; Особое соединение партизанских отрядов; организационная структура; личный состав.

Введение

Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны на территории западных областей БССР (с севера на юг – Вилейская, Белостокская, Барановичская, Брестская и Пинская область соответственно) с самого своего зарождения в 1941 г. имело ряд особенностей по сравнению с остальной частью Беларуси. Можно выделить несколько основных. Во-первых, быстрый захват этих территорий противником практически не позволил провести необходимую организационную работу и оставить там подготовленные кадры. Во-вторых, значительная удаленность от Большой земли затрудняла помощь как в материально-техническом, так и в координационном плане,

поэтому большинству партизанских формирований в Западной Беларуси приходилось действовать самостоятельно. В-третьих, относительно недолгое нахождение этих территорий в составе СССР (с 1939 г.) и некоторые мероприятия советской власти (коллективизация, национализация, репрессии) вынудили местное население какое-то время занимать выжидательную позицию по отношению к партизанскому движению, особенно в 1941–1942 гг. Но, несмотря на многочисленные трудности, “народным мстителям” западных областей БССР удалось не только закрепиться там, но и со временем превратиться в серьезную угрозу оккупационным властям.

Основная часть

В изучении партизанского движения на территории Беларуси важное место занимает вопрос организации и управления формированиями, действовавшими во вражеском тылу. К примеру, в Западной Беларуси на территории Барановичской области работа по созданию таких органов официально началась лишь с апреля 1943 г. после прибытия в район Налибокской пуши подпольного обкома КП(б)Б во главе с В.Е. Чернышевым (партизанская кличка Платон). Информация же о том, были ли попытки объединения партизанских сил в этом регионе до весны 1943 г., во многих работах отсутствовала [1, с. 10].

Вместе с тем можно найти краткие упоминания о первых годах войны и создании в 1942 г. на территории Барановичской области некоего Особого соединения партизанских отрядов (ОСПО). Даже указывалось, что оно сыграло важную роль в развитии всенародной борьбы [2, с. 16–17].

Имеются фрагментарные данные об этом объединении и некоторые воспоминания. Причем не только партизан из района Налибокской пуши (к примеру, И.Л. Шумилова [3, с. 140], но и “народных мстителей” из западных районов Барановичской области (командира бригады “Вперед”, Героя Советского Союза Б.А. Булата [1, с. 131]; командира Ленинской бригады Г.А. Шубина [2, с. 195]; партизана И.И. Подваркова [3, с. 85]. Так что же такое ОСПО?

К лету 1942 г. в Барановичской области наметились два основных очага сосредоточения партизанских сил – Липичанская пуца, расположенная в междуречье Щары и Немана, и Налибокская пуца, просторы которой раскинулись восточнее Новогрудка и Любчи. Это было неслучайно: большие, труднопроходимые, частично заболоченные территории как нельзя лучше подходили в качестве места базирования. В условиях, когда фронт ушел далеко на восток, и, как многим казалось, немцы здесь всерьез и надолго, остро встал вопрос дальнейшего существования в глубоком вражеском тылу. В таких условиях установление контактов с другими партизанами и Большой землей стало одной из важнейших задач. Наиболее распространенным способом была отправка в разных направлениях небольших групп (обычно два-три человека). Они были менее заметными для врага и более мобильными, нежели большие подразделения. Интересно, что связные из районов Липичанской пуцы посылались преимущественно на восток и чаще всего встречали формирования как раз из Налибокской пуцы. Первые такие контакты относятся к лету 1942 г. К примеру, группа из отряда № 3649 (командир Б.А. Булат) во главе с младшим лейтенантом Виноградовым в Налибокской пуце встретилась с партизанами отряда имени Сталина (командир С.П. Смирнов) [2, с. 203]. Партизан С.М. Борченко из Лидского отряда (командир П.К. Макаров) зашел еще дальше и в августе 1942 г. установил связь с отрядом “Штурм” (командир Б.А. Лунин), действовавшим на границе Барановичской и Минской областей [4, с. 80].

Все эти первые контакты имели большое моральное значение, нежели реальную материальную помощь. Партизанские формирования восточной части Барановичской и смежных территорий Минской областей на лето 1942 г. сами не располагали прямой связью с Большой землей и испытывали нехватку вооружения и боеприпасов. Несмотря на это, они старались, помимо советов по организации борьбы в тылу врага, хоть что-то передать братьям по оружию. К примеру, группа Виноградова увезла из бригады имени Сталина с собой на запад листовки и

газеты [2, с. 203], а партизан С.М. Борченко доставил в родной отряд передачу из отряда “Штурм” – упрощенные взрыватели и некоторое количество бикфордова шнура [4, с. 80].

Важным событием стало прибытие летом 1942 г. из Вилейской области в Налибокскую пуцу партизанского отряда под командованием В.В. Щербины (партизанская кличка Бородач). Это был кадровый военный, имевший опыт борьбы во вражеском тылу с первых месяцев войны. Партизанское формирование Г.М. Линькова (партизанская кличка Батя), в составе которого до этого действовал В.В. Щербина, в мае 1942 г. готовилось к рейду на юг Беларуси. Согласно плану его командования на территории Вилейской области для дальнейших действий оставалось две боевые единицы под командованием Д.И. Кеймаха (партизанская кличка Дима) и В.А. Черкасова, а В.В. Щербина со своими людьми должен был уйти южнее – в Барановичскую область (в район Налибокской пуцы) [5, с. 281–282]. Интересно, что на последнюю перед уходом Бати встречу вместе с Бородачом прибыли и представители от воевавших самостоятельно местных отрядов “Мститель” и “Борьба” (в сентябре 1942 г. на их базе будет создана бригада “Народные мстители” под командованием В.Т. Воронянского) [6, с. 467]. Они вышли на связь с В.В. Щербиной и с его помощью получили тол и мины [5, с. 281–282].

Появление новых соседей в Налибокской пуце не осталось незамеченным, особенно когда местные партизаны узнали, что те имеют рацию (ее и радиста оставил отряд В.В. Щербины перед уходом Г.М. Линьков) и регулярную связь с Большой землей [5, с. 282]. Это был настоящий глоток воздуха: они теперь не одни, про них узнают и за линией фронта! В течение лета 1942 г. многие отряды, базировавшиеся в Налибокской пуце и ее окрестностях, установили контакт с Бородачом. Не терял он связь и с товарищами, оставшимися в Вилейской области. К примеру, отряд В.А. Черкасова получал от В.В. Щербины взрывчатку и оружие, а также отчитывался перед Бородачом обо всех проведенных боевых операциях. Наиболее ранние из таких документов

датируются июлем 1942 г. Интересно, что в них упоминается диверсионная группа под руководством будущего Героя Советского Союза А.С. Азончика, который в то время воевал в составе отряда В.А. Черкасова [7, с. 20].

Действия отряда В.А. Черкасова под руководством В.В. Щербины, по сути, положили начало созданию к концу лета 1942 г. так называемого Особого соединения партизанских отрядов – органа, руководившего деятельностью “народных мстителей” первоначально в районе Налибокской пущи. По сути, это был объединенный штаб, который с общего согласия командиров возглавил В.В. Щербина, а комиссаром стал Д.И. Кеймах. Большинство партизан, знавших Бородача, характеризовали его как сильного и волевого человека, хорошего организатора [3, с. 140]. Вероятно, таким он и был в действительности, иначе вряд ли бы смог за непродолжительный срок объединить целый ряд отдельно действовавших формирований.

Документы показывают, что первоначально в конце лета – начале осени 1942 г. в состав ОСПО вошли: отряд В.А. Черкасова [7, с. 20], 125-й отряд имени Сталина [8, с. 70], отряд имени Чапаева, 620-й и 621-й отряды [9, с. 71], отряд “Штурм”, отряд А. Свентаржицкого [10, с. 71]. В некоторых источниках упоминается, что примкнул к нему и отряд В.З. Браева [6, с. 23]. Однако, как видно из ряда материалов, на тот момент это была еще лишь группа, действовавшая в составе отряда А. Свентаржицкого, а не самостоятельная боевая единица [11, с. 13]. А отдельный отряд под командованием В.З. Браева был создан приказом по ОСПО только 24 марта 1943 г. [12, с. 9]. В сентябре 1942 г. В.В. Щербина дал ряд советов по организации отряда А.Я. Саятевичу (новое формирование получит название “Комсомолец”). Особое внимание он обратил на подготовку к зиме [3, с. 3–4]. Конкретного же документа, закрепившего создание ОСПО и регулировавшего его функции, пока не обнаружено. Возможно, такого и вовсе не было, а договоренность носила устный характер между командирами.

Одной из первых задач, на которой сконцентрировало внимание руководство

ОСПО во главе с В.В. Щербиной, стало наведение и поддержание на должном уровне дисциплины во всех партизанских формированиях. Здесь пришлось столкнуться с рядом проблем не только у рядового, но и командного состава. Лучше всего это было видно в боевой обстановке. К примеру, в начале сентября 1942 г. противник провел ряд операций против партизан в местах их базирования. В сложной обстановке командир 620-го отряда И.П. Кузнецов не смог организовать отход отряда, в результате чего тот разбрелся по пуще. Комиссар того же формирования И.П. Казак вместо того, чтобы весь личный состав держать вместе, приказал бойцам разбиться по группам и идти, кто куда хочет. Кроме этого, среди рядового состава 620-го отряда были случаи проявления трусости, паникерства и распушенности в боевой обстановке, а в отряде Свентаржицкого – негативные вещи при проведении хозяйственных операций [9, с. 71].

Важно отметить, что, помимо решения организационных вопросов, командование ОСПО осуществляло и судебные функции: от выговоров и взысканий вплоть до арестов и вынесения смертных приговоров. В.В. Щербина по всей строгости наказывал за проступки. Это отмечали после войны в своих воспоминаниях некоторые бывшие партизаны. К примеру, командир отряда “Сибиряк” И.Л. Шумилов писал, что Бородача любили и одновременно побаивались. Большой радостью считалось быть отмеченным им, а наказание переживалось, как большое горе [13, с. 140].

По приказу командования ОСПО в сентябре 1942 г. за проступки в боевой обстановке ряд лиц из командного состава получили строгие выговоры с предупреждением; несколько партизан за ошибки при проведении хозяйственных операций были наказаны нарядами вне очереди и разными сроками ареста; за трусость и паникерство в боевой обстановке один партизан был расстрелян [9, с. 71].

Однако вскоре после создания ОСПО, 24 сентября 1942 г., во время учебного занятия по подрывному делу В.В. Щербина погиб [6, с. 3]. После случившегося инцидента в руководстве ряда партизанских фор-

мирований произошли изменения. Место командира ОСПО занял бывший комиссар Д.И. Кеймах. Своим помощником он назначил бывшего помощника командира 125-го отряда имени Сталина майора Р.Л. Василевича. В связи с тяжелым ранением командир 620-го отряда И.П. Кузнецов, который не мог выполнять далее свои обязанности, был освобожден от должности, а на его место был назначен бывший командир 125-го отряда имени Сталина С.П. Смирнов. Его, в свою очередь, заменил бывший комиссар Сталинского отряда П.И. Гулевич. Все должны были приступить к исполнению новых обязанностей с 27 сентября 1942 г. [14, с. 70].

Новое руководство ОСПО первым делом продолжило линию В.В. Щербины по укреплению дисциплины. Был установлен четкий распорядок дня для всех входивших в соединение партизанских отрядов: подъем в 7.30; отбой в 21.00; два приема пищи (завтрак и обед); остальное время – боевая и политическая подготовка [15, с. 36]. Кроме того, был издан приказ для командного состава нашить знаки различия, согласно присвоенным военным званиям [16, с. 19]. Все эти мероприятия положительно сказывались на моральном состоянии партизан, особенно тех, кто никогда не служил в армии. Таких бойцов было особенно много из местного населения. Партизаны постепенно стали ощущать себя частью боевого коллектива, в котором каждый имел свое место и ряд обязанностей. Таким образом, личный состав всех формирований ОСПО постепенно подготавливался к дальнейшим организационным мероприятиям.

Следующим шагом стало объединение отрядов в бригады¹. Это были крупные по численности и вооружению партизанские единицы. За счет этого они могли контролировать значительные по площади территории и проводить более масштабные операции, нежели отдельные отряды. Как правило, на уровне бригад уделяли больше внимания целому ряду вопросов (к приме-

¹ Бригада – одна из форм организации партизанских сил, представлявшая собой объединение под общим командованием нескольких отрядов. Численность партизанской бригады могла колебаться от нескольких сотен до нескольких тысяч человек.

ру, медицинскому обеспечению, разведке и контрразведке), на что у отдельных отрядов не всегда хватало возможностей.

Приказом по ОСПО от 28.11.1942 г. для нанесения еще более мощных ударов по фашистским оккупантам было создано две первых бригады – Сталинская (на основе отрядов имени Чапаева, имени Буденного и 125-го имени Сталина) под командованием лейтенанта П.И. Гулевича и Чкаловская (на основе отрядов имени Чкалова, Васюгина и 620-го) под командованием лейтенанта С.П. Смирнова [17, с. 23]. Руководство ОСПО провело необходимую подготовительную работу, заранее согласовав детали и предупредив партизанских командиров. Те, в свою очередь, известили о грядущих переменах личный состав. Время на это было отведено также достаточно. К примеру, 125-й отряд имени Сталина заранее (еще 19 ноября 1942 г.) был разделен на три новых отряда (при создании получили цифровые обозначения № 1, № 2 и № 3) и во всех отчетах, датированных началом 20-х чисел ноября 1942 г. (к примеру, от 21.11, 22.11, 24.11), уже фигурирует именно бригада имени Сталина [18, с. 4]. Это говорит о том, что приказ ОСПО от 28.11.1942 г. просто документально закрепил произошедшее ранее объединение партизанских сил.

Командование новых бригад занялось пополнением их людским составом из числа местных жителей. Для этого обычно выделялись группы партизан, убывавшие в разные районы для работы с людьми. К примеру, для привлечения новых бойцов из бригады имени Сталина 12 декабря 1942 г. были выделены отряд № 1 (в количестве 60 чел.) и отряд № 2 (в количестве 61 чел.). С задания партизаны вернулись спустя 10 дней. Итог оказался следующим: в отряд № 1 было зачислено 47 новых бойцов; в отряд № 2 – 60; в отряд № 3 – 26 [19, с. 8]. Такие операции впоследствии повторялись неоднократно. В январе 1943 г. командир бригады имени Сталина П.И. Гулевич докладывал командованию, что за время формирования ОСПО ряды партизан пополнили 280 человек из местного населения [20, с. 30].

Объединением партизанских сил в бригады был заложен надежный фундамент

для создания в будущем территориальных соединений не только на востоке Барановичской области (партизанские соединения Ивенецкой и Столбцовской зоны), но и в ряде других районов. Приказом по ОСПО от 02.12.1942 г. на базе отрядов № 3649, Лидского и Орлянского, действовавших на самом западе Барановичской области в Липичанской пуще создана бригада имени Ленина. На должность ее командира был назначен капитан Ф.М. Синичкин, воевавший до этого в бригаде имени Сталина в Налибокской пуще [21, с. 1]. В декабре 1942 г. при участии командования ОСПО на базе отряда “Штурм” и созданных из его личного состава отрядов “За Отечество” и “Грозный” была создана бригада “Штурмовая” под командованием Б.Н. Лунина [22, с. 28]. Действовала она преимущественно на границе Минской и Вилейской областей. Благодаря этим организационным мероприятиям под руководством ОСПО значительно активизировалась партизанская борьба в западных районах Барановичской области, в Вилейской и Минской областях.

Важным в условиях партизанской жизни стало медицинское обеспечение. Перед начальником санитарной службы всего соединения военным врачом 3-го ранга Ю.А. Алтуниным была поставлена задача создать соответствующие службы в бригадах, выделив для этого необходимый персонал и имущество [17, с. 23]. Чуть позже, в декабре 1942 г., по приказанию командования ОСПО в Сталинской и Чкаловской бригадах приступили к строительству землянок для больных и раненых. Из расчета по одной на бригаду вместимостью по 15-20 чел. [23, с. 6]. Этими мероприятиями была заложена основа для постоянного медицинского обеспечения большинства партизанских формирований в регионе. Если легкие ранения и простые заболевания чаще всего лечили самостоятельно на месте, то в тяжелых и сложных ситуациях ехали в Налибокскую пущу за более квалифицированной помощью.

Решения о мерах воздействия на провинившихся партизан из всех созданных бригад, как и прежде, принимались командованием ОСПО. Им отправляли все материалы

для дальнейшего расследования и правовой оценки совершенных преступлений. В вынесенных приговорах фигурируют лица как из командного, так и из рядового состава. Однако к первым чаще всего применялись более мягкие меры: предупреждения, выговоры, понижения в должности, переводы в другие подразделения. Делалось это в первую очередь для сохранения боеспособности формирований. Найти замену командиру, пусть и не идеальному, но имеющему армейские навыки и боевой опыт, было задачей непростой. Однако если принятые меры не действовали, то приходилось применять более строгие. К примеру, 25 сентября 1942 г. за дезертирство и разглашение военной тайны был расстрелян бывший командир отряда имени Чапаева, разжалованный ранее за ряд проступков в простые партизаны [24, с. 69]. Что касается рядового состава, то к нему отношение было более строгое. Расстреливали за дезертирство или его попытку [25, с. 69]; за мародерство во время проведения хозяйственных операций [26, с. 16]; за сон на посту [27, с. 4] или его оставление [28, с. 16].

Принятие таких строгих мер по отношению к партизанам диктовалось в первую очередь военной обстановкой. Постоянное нахождение во вражеском тылу и регулярное боевое соприкосновение с противником требовали от руководства партизанских формирований быстрого реагирования на отрицательные поступки подчиненных. Во-первых, это было важно для поддержания на должном уровне дисциплины внутри отрядов и бригад, а следовательно, и для успешного выполнения поставленных задач. Наглядный пример, какое наказание последует за нарушения, действовал лучше всего. Особенно когда решался вопрос жизни или смерти человека. А, во-вторых, от поведения партизан напрямую зависело и отношение к ним местного населения, без поддержки которого борьба была обречена на провал. Поэтому вынесенные судебные решения обычно доводили до сведения всего личного состава партизанских формирований.

Наряду с укреплением дисциплины и организационными моментами пристальное

внимание командованием ОСПО было уделено боевой работе. В первую очередь диверсиям на железнодорожных магистралях. Еще с осени 1942 г. во всех формированиях на постоянной основе стали проводиться занятия с личным составом по подрывному делу, изучению оружия и различной техники, ориентированию, тактике, разведке [15, с. 36]. Также с целью качественного улучшения навыков сначала В.В. Щербиной, а затем и Д.И. Кеймахом в подчиненные формирования посылались опытные подрывники из головного отряда. Со временем они смогли обучить много новых партизан, которые приступили к созданию собственных боевых единиц. Такие подрывные группы регулярно посылались на боевые задания к железнодорожным линиям Барановичи–Минск [10, с. 5], Минск–Молодечно [29, с. 9], Молодечно–Лида [30, с. 10].

Помимо диверсий, на коммуникациях противника командованием ОСПО уделялось внимание и борьбе с вражескими гарнизонами. Благодаря проведенной работе с партизанскими формированиями, входившими в состав соединения, удавалось достичь неплохих результатов. Помимо разгрома небольших гарнизонов и постов, или, как их часто называли, постарунков (это название сохранилось в Западной Беларуси с польских межвоенных времен), партизанам удавалось на некоторое время занимать целые населенные пункты. Так, к примеру, 23 октября 1942 г. отряд имени Чапаева, разогнав полицию, сначала захватил местечко Еремичи [31, с. 34], а затем местечко Турец в Мирском р-не Барановичской обл. [31, с. 35]. Иногда боевые операции проводились совместными усилиями нескольких партизанских формирований. Так было, например, 5 ноября 1942 г., когда отряды имени Сталина, имени Чапаева и 620-й разгромили полицейский участок в д. Вишнево Ивенецкого р-на Барановичской обл. [32, с. 39].

Таким образом, в результате проведенной командованием ОСПО организационной работы, направленной на укрепление дисциплины и объединение отдельных отрядов в бригады, значительно усилились удары партизан по вражеским коммуникациям и гарнизонам. Заметно улучшилась

подготовка и планирование боевых операций и, как итог, их результативность.

Кроме немцев и полиции, боевые действия ОСПО осенью 1942 г. – зимой 1943 г. были направлены также и против отрядов местной самообороны², которые с оружием в руках оказывали сопротивление народным мстителям. Важно, что созданию таких подразделений отчасти способствовали и неправильные действия некоторых партизан, занимавшихся мародерством и грабежом местного населения. На это обращали внимание сами руководители формирований в своих документах, делая выводы о необходимости большего усиления работы с личным составом [33, с. 40].

Одной из первых операций против местной самообороны стал бой 26 ноября 1942 г. около деревни и хуторов Довнары Ивенецкого р-на. Выполнение данной операции было возложено на бригаду имени Сталина [34, с. 24]. Следующая такая операция была проведена партизанами той же бригады 18 декабря 1942 г. против самообороны в деревне Жабровщина Ивенецкого р-на [35, с. 58].

Заключение

Таким образом, Особое соединение партизанских отрядов начало создаваться в конце лета 1942 г. на территории Налибокской пущи в Барановичской области по инициативе В.В. Щербины (Бородач) при поддержке ряда партизанских командиров. После смерти Бородача его место занял Д.И. Кеймах (Дима), под руководством которого к концу 1942 г. ОСПО было в целом оформлено.

Новое формирование объединило целый ряд партизанских групп и отрядов, действовавших до этого разрозненно на обширной площади сразу трех областей БССР (Барановичской, Вилейской и Минской). В результате работы, проведенной штабом ОСПО, была создана четкая организационная структура, командная иерархия и сделана попытка наведения подобающей

² Самооборона – общее название подразделений, создававшихся оккупационными властями чаще всего из лиц, недовольных советской властью, в годы Великой Отечественной войны на территории Беларуси. Одной из основных задач таких формирований была борьба с партизанами.

воинской дисциплины. В связи с этим больше внимания стали уделять обучению партизан и искоренению негативных проявлений в партизанском движении. Тем самым была заложена база для перехода к новым формам объединения сил народных мстителей – бригадам.

Такая реорганизация была успешно проведена под руководством ОСПО в конце 1942 – начале 1943 г. Создание бригад плодотворно сказалось на боевой и диверсионной деятельности партизан, которая приобретала все более ужасающие последствия для оккупантов. Наравне с улучшением результативности старались работать и над уменьшением собственных потерь. Постепенно начал усиливаться приток новых людей: население видело успехи партизан и нарастание их мощи. Хорошо поставленная учебная работа с личным составом со временем превращала новобранцев в опытных бойцов.

Представляется, что на начало 1943 г. ОСПО было не только самым большим объединением партизанских сил в западных областях БССР, но и одним из самых крупных на всей ее территории. Таким образом, Особое соединение партизанских отрядов значительно активизировало борьбу против оккупантов в годы Великой Отечественной войны на территории Беларуси и подготовило благоприятную почву для дальнейшего развертывания партизанского движения, что успешно использовали прибывавшие из советского тыла ответственные работники.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. В приеманских лесах: воспоминания партизан и подпольщиков / Ин-т истории партии при ЦК КПБ – филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Гродн. обл. ком. КП Белоруссии; сост.: В. П. Верхось [и др.]; редкол.: Е. Е. Емельянова [и др.]. – Минск: Беларусь, 1975. – 319 с., 8 л. ил.
2. За край родной: воспоминания партизан и подпольщиков Баранович. обл.: [сборник] / [Ин-т истории АН БССР; сост.: А. И. Залесский, А. Ф. Хацкевич, С. И. Портасенок [и др.]; редкол.: А. И. Залесский [и др.]. – Минск: Беларусь, 1978. – 286 с., 6 отд. л. портр.
3. *Подварков, И. И.* С верой в Победу / И. И. Подварков. – Мн.: Беларусь, 1991. – 216 с.
4. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / [А. Л. Манаенков и др.]; Институт истории партии при ЦК КП Белоруссии – филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Минск: Беларусь, 1983. – 763, [2] с.
5. *Линьков, Г. М.* Война в тылу врага / Г. М. Линьков. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1960. – 621 с.
6. ЦАМО. – Фонд 58. Оп. 818883. Д. 1783. Донесения о безвозвратных потерях ГРУ Генерального штаба Красной Армии (от 21.10.1942 г.).
7. НАРБ. – Фонд 1399. Оп. 1. Д. 55. Отчет о проделанной работе (от 27.07.1942 г.).
8. НАРБ. – Фонд 1399. Оп. 1. Д. 55. Приказ по №-му партизанскому отряду (от 26.09.1942 г.).
9. НАРБ. – Фонд 1399. Оп. 1. Д. 55. Приказ по №-му партизанскому отряду о состоянии дисциплины в отрядах (от 23.09.1942 г.).
10. НАРБ. – Фонд 1399. Оп. 1. Д. 112. Боевое донесение по партизанскому отряду им. Сталина № 023 (от 10.11.1942 г.).
11. НАРБ. – Фонд 1399. Оп. 1. Д. 112. Боевое донесение по партизанской бригаде им. Сталина № 031 (от 20.12.1942 г.).
12. НАРБ. – Фонд 1399. Оп. 1. Д. 109. Приказ отрядам партизанской бригады им. Сталина № 036 (от 21.11.1942 г.).
13. *Шумилов, И. Л.* В тылу врага: Повести и рассказы / Вступительная статья В. Сидорова. – Барнаул: Алт. кн. изд., 1984. – 328 с.
14. НАРБ. – Фонд 1399. Оп. 1. Д. 150. Приказ по ОСПО № 04 (от 22.11.1942 г.).
15. НАРБ. – Фонд 1399. Оп. 1. Д. 150. Приказ по ОСПО № 07 (от 28.11.1942 г.).
16. НАРБ. – Фонд 1399. Оп. 1. Д. 112. Боевое донесение по партизанскому отряду Свинтаржицкого № 14 (от 13.10.1942 г.).
17. НАРБ. – Фонд 1450. Оп. 15. Д. 470. Наградной лист на командира связи при Щучинском межрайцентре ст. сержанта С. М. Борченко.

18. НАРБ. – Фонд 1399. Оп. 1. Д. 112. Боевое донесение по партизанскому отряду Свинтаржицкого № 10 (от 10.09.1942 г.).
19. НАРБ. – Фонд 1399. Оп. 1. Д. 526. Письмо В. В. Щербины (от 12.09.1942 г.).
20. НАРБ. – Фонд 1399. Оп. 1. Д. 55. Донесение командиру ОСПО “Диме” (от 14.01.1943 г.).
21. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 1399. Оп. 1. Д. 3. Приказ по партизанской бригаде им. Сталина № 043 (от 25.12.1942 г.).
22. НАРБ. – Фонд 1399. Оп. 1. Д. 55. Донесение бригады “Штурмовая” (декабрь 1942 г.).
23. НАРБ. – Фонд 1399. Оп. 1. Д. 150. Приказ по №-му партизанскому отряду № 03 (от 25.09.1942 г.).
24. НАРБ. – Фонд 1399. Оп. 1. Д. 150. Приказ по ОСПО № 02 (от 20.11.1942 г.).
25. НАРБ. – Фонд 1399. Оп. 1. Д. 150. Приказ по №-му партизанскому отряду (от 26.09.1942 г.).
26. НАРБ. – Фонд 1399. Оп. 1. Д. 55. Приказ по ОПО № 053 (от 24.05.1943 г.).
27. НАРБ. – Фонд 1399. Оп. 1. Д. 55. Выписка из приказа по ОСПО № 18 (от 10.01.1943 г.).
28. НАРБ. – Фонд 1399. Оп. 1. Д. 55. Приказ по ОПО № 054 (от 27.05.1943 г.).
29. НАРБ. – Фонд 1399. Оп. 1. Д. 112. Боевое донесение по партизанскому отряду им. Чапаева (от 23.10.1942 г.).
30. НАРБ. – Фонд 1399. Оп. 1. Д. 150. Приказание № 1 командирам партизанских бригад им. Сталина и им. Чкалова (от 28.12.1942 г.).
31. НАРБ. – Фонд 1399. Оп. 1. Д. 150. Приказ по 125-му Дзержинскому партизанскому отряду им. Сталина № 034 (от 18.11.1942 г.).
32. НАРБ. – Фонд 1399. Оп. 1. Д. 112. Донесение по отряду им. Чапаева № 018 (от 01.09.1942 г.).
33. НАРБ. – Фонд 1399. Оп. 1. Д. 150. Приказ по ОСПО № 06 (от 26.11.1942 г.).
34. НАРБ. – Фонд 1399. Оп. 1. Д. 150. Приказ по партизанской бригаде им. Сталина № 042 (от 22.12.1942 г.).
35. НАРБ. – Фонд 1399. Оп. 1. Д. 112. Боевое донесение по партизанскому отряду им. Чапаева (от 26.09.1942 г.).

Поступила в редакцию 03.12.2019 г.
Контакты: chernyu-95@mail.ru
(Чернявский Илья Валерьевич)

Charniavsky I. SPECIAL UNIT OF PARTISAN DETACHMENTS IN THE TERRITORY OF WESTERN BELARUS (1942–1943).

During the Great Patriotic War Belarusian partisans made a significant contribution to the defeat of the enemy. Despite quite a large number of works devoted to the people's avengers, their activities in the western regions of the BSSR remain less studied. Meanwhile, the events and decisions of 1942–1943 largely laid the foundation for the broad development of the partisan movement throughout the occupied Belarus in the subsequent period. The article considers the history of the formation of the Special Unit of Partisan Detachments established in 1942 in the Baranovichi region. The author attempts to assess its role in the intensification of the struggle in the occupied territory of Western Belarus.

Keywords: the Great Patriotic War, partisan movement, Western Belarus, partisan groups, Special Unit of Partisan Detachments, organizational structure, personnel.

УДК 94(477.74):351.853

**ДЗЕЙНАСЦЬ МІЖВЕДАМАСНАГА
КААРДЫНАЦЫЙНАГА
САВЕТА ПА АХОВЕ
МАТЭРЫЯЛЬнай І ДУХОЎнай
СПАДЧЫНЫ БРЭСЦКАГА
АБЛАСНОГА ВЫКАНАЎЧАГА
КАМІТЭТА (1997–2001 гг.)**

К. В. Андрэйчык

магістр гістарычных навук

Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт

У артыкуле разглядаецца ўзорны прыклад эфектыўнай дзейнасці Брэсцкага абласнога выканаўчага камітэта па рэалізацыі дзяржаўнай палітыкі ў сферы захавання матэрыяльных нерухомых гісторыка-культурных каштоўнасцей. Інавацыйным падыходам ва ўдасканаленні арганізацыйна-ўпраўленчай структуры Брэсцкага абласнога выканаўчага камітэта стала ўтварэнне міжведамаснага каардынацыйнага савета па ахове матэрыяльнай і духоўнай спадчыны. Апарат уключаў раённыя і гарадскія міжведамасныя каардынацыйныя саветы.

Ключавыя словы: органы ўлады, Брэсцкі абласны выканаўчы камітэт, каардынацыйны савет, заканадаўства.

Уводзіны

Вызначэнне механізмаў дзейнасці выканаўча-распарадчых органаў улады абласнога, базавага, першаснага тэрытарыяльнага ўзроўня з'яўляецца актуальным і прыярытэтным накірункам у вывучэнні адміністрацыйных працэсаў у сферы захавання гісторыка-культурнай спадчыны. Асабліва цікавым падаецца першае дзесяцігоддзе суверэнітэту Рэспублікі Беларусь. Сацыяльна-эканамічнае становішча краіны пачатку 2000-х гг. атрымала якасныя змены ў параўнанні з пачаткам 1990-х гг. Негатыўныя тэндэнцыі ў эканоміцы, а як вынік – недастатковае фінансаванне шэрагу сфер грамадства наклалі свой адбітак на галіну аховы гісторыка-культурнай спадчыны. Аднак вядома, што прымяненне нестандартных, часам інавацыйных падходаў

да кіравання адміністрацыйнай або гаспадарчай адзінкай дазваляюць пераадолець негатыўныя наступствы і дасягнуць высокіх паказчыкаў у прадукцыйнасці вытворчасці, арганізацыі працы. Упраўленча-арганізацыйныя падыходы да наладжвання работы структурных падраздзяленняў Брэсцкага абласнога выканаўчага камітэта, гэта значыць размеркаванне паўнамоцтваў і ажыццяўленне жорсткага кантролю за рэалізацыяй дзяржаўнай палітыкі, мелі свае асаблівасці, якія былі прызнаны на ўзроўні цэнтральнага апарату кіравання краіны як найбольш дзейсныя і якасныя.

Асноўная частка

Рашэннем Брэсцкага абласнога выканаўчага камітэта ад 20.04.1997 г. было зацверджана Палажэнне міжведамаснага каардынацыйнага савета па ахове матэрыяльнай і духоўнай спадчыны. Арганізацыйна-прававы дакумент рэгламентаваў парадак утварэння, правы, абавязкі, функцыі новаўтворанага структурнага падраздзялення. Згодна з нарматывам савет падпарадкоўваўся абласному выканаўчаму камітэту, з'яўляўся каардынуючым органам упраўлення культуры Брэсцкага абласнога выканаўчага камітэта (далей аблвыканкама) па пытаннях аднаўлення, зберажэння, выкарыстання і прыстасавання гісторыка-культурных каштоўнасцей, а таксама папулярызацыі ведаў пра іх сярод насельніцтва. У структуры міжведамаснага каардынацыйнага савета Брэсцкага аблвыканкама ўваходзілі раённыя і гарадскія саветы. На савет абласнога ўзроўню ўскладаліся наступныя задачы: каардынацыя дзейнасці ўсіх дзяржаўных органаў і ўстаноў, грамадскіх аб'яднанняў і рэлігійных арганізацый, уласнікаў помнікаў, іншых юрыдычных і фізічных асоб, якія маюць дачыненне да помнікаў; выпрацоўка эфектыўных мер па рэалізацыі дзяржаўнай палітыкі, ажыццяўленне кантролю за безумоўным выкананнем закона аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны, выпрацоўка і разгляд перспектывных і бягучых планаў рэстаўрацыі, рэгенерацыі, навуковых даследаванняў, разгляд і ўзгадненне праектаў рэстаўрацыі найбольш важных

аб'ектаў, рэгенерацыя гістарычнай забудовы гарадоў і гарадскіх пасёлкаў; ажыццяўленне арганізацыйна-метадычнага кіраўніцтва дзейнасцю гарадскіх і раённых выканаўчых камітэтаў (далей – райгарвыканкамаў) па ахове матэрыяльнай і духоўнай спадчыны. Каардынацыйнаму савету прадастаўлялася права ажыццяўляць у межах сваёй кампетэнцыі кантроль за дзейнасцю дзяржаўных органаў і ўстаноў, грамадскіх арганізацый незалежна ад форм уласнасці і ведамаснай падпарадкаванасці, прыцягваць для разгляду дакументацыю, вывучаць і аналізаваць справы спецыялістаў. Важна падкрэсліць, што каардынацыйны савет працаваў на грамадскіх пачатках, паседжанні праводзіліся адзін раз у месяц. Згодна з Палажэннем асноўнымі крыніцамі фонда з'яўляліся фінансавы ўнёсак гарвыканкама, спонсарская дапамога прадпрыемстваў і арганізацый на дамоўнай аснове, дабрачынныя ахвяраванні ад юрыдычных і фізічных асоб [1, с. 19]. Напачатку дзейнасці фонда праца па зборы сродкаў праходзіла павольнымі тэмпамі, таму асноўны аб'ём фінансавання быў выдзелены з бюджэту г. Брэста. Абласны міжведамасны каардынацыйны савет быў арганізаваны наступным чынам: пасаду старшыні каардынацыйнага савета займаў старшыня аблвыканкама У.А. Заламай; намеснікі старшыні каардынацыйнага савета (з'яўляліся адначасова намеснікамі старшыні аблвыканкама) – К.М. Пячко, В.М. Захарчанка; начальнік фінансавага ўпраўлення аблвыканкама – Р.С. Садоўскі; сакратар савета – вядучы спецыяліст ўпраўлення культуры аблвыканкама па ахове гісторыка-культурнай спадчыны, кандыдат гістарычных навук Л.М. Несцярчук. Сакратар каардынацыйнага савета выконваў арганізацыйную і тэхнічную работу па забеспячэнні дзейнасці савета і падпарадкоўваўся старшыні міжведамаснага каардынацыйнага савета і яго намеснікам [2, с. 2–4; 3].

Арыенцірам у рэалізацыі мерапрыемстваў па ахове матэрыяльных нерухомых гісторыка-культурных каштоўнасцей была распрацаваная яшчэ ў пачатку 1990-х гг. доўгатэрміновая абласная праграма “Спадчына”. Некаторыя пункты дакумента былі

засяроджаны на рэстаўрацыі і рамонце аб'ектаў Брэсцкай вобласці. Рашэннем Брэсцкага абласнога выканаўчага камітэта ад 13.12.1991 г. праграма была зацверджана. Дзеянне нарматыву ў перспектыве магло быць прадоўжана да 2000 г. Фінансавай крыніцай праграмы рашэннем абласнога выканаўчага камітэта ад 28.08.1992 г. быў прызначаны новаўтвораны спецыяльны фонд “Спадчына” [1]. З пачаткам дзейнасці міжведамаснага каардынацыйнага савета ў 1997 г. была распрацаваная праграма зберажэння, рэстаўрацыі і выкарыстання матэрыяльных нерухомых гісторыка-культурных каштоўнасцей. Згодна з ёй забудова горада Брэста ажыццяўлялася строга ў адпаведнасці з генеральным планам і ўлікам зберажэння першапачатковай планіровачнай структуры. Асабліва ўвага надавалася збору і падрыхтоўцы навуковых матэрыялаў пра наяўныя аб'екты, якія ў перспектыве падлягалі ахоўным мерапрыемствам. Яшчэ на этапе планавання рэстаўрацыйных работ начальнікам упраўлення культуры Брэсцкага абласнога выканаўчага камітэта У.А. Клімчуком рыхтавалася гісторыка-архітэктурная даведка па гарадах вобласці – Брэсту, Пінску, Камянцу, Баранавічах і іншых, а таксама канкрэтных матэрыяльных нерухомых помніках. Адносна Пінска выносілася на абмеркаванне прапанова надаць гістарычнаму цэнтру горада статус гісторыка-культурнага запаведніка [4, с. 6]. Збор аналітычнай інфармацыі пра стан і тэмпы рэстаўрацыі з'яўляўся важнейшым накірункам дзейнасці вядучага спецыяліста ўпраўлення культуры па ахове гісторыка-культурнай спадчыны. На кожны раён рыхтавалася даведка аб стане і якасці выканання распараджэнняў аблвыканкама. Даведка ўтрымлівала інфармацыю пра колькасць нерухомых помнікаў (архітэктуры, археалогіі), помнікаў прыроды; тэхнічны стан помнікаў; праведзеныя мерапрыемствы па іх уліку, прапановы аб уключэнні ў Спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей помнікаў, якія знаходзяцца на рэстаўрацыі, кансервацыі, рамонце. На кожнай нарадзе каардынацыйнага савета рабілі справаздачу старшыні райвыканкамаў аб праведзенай рабоце. Праграма выязнога паседжання ка-

ардынацыйнага савета па ахове матэрыяльнай і духоўнай спадчыны ўключала некалькі пунктаў: наведванне шэрагу аб'ектаў па маршруце (памятныя мясціны, мемарыяльныя комплексы, аб'екты культавага дойлідства, палацава-паркавыя ансамблі і інш.); абмеркаванне прапаноў, плана канкрэтных мерапрыемстваў па ахове матэрыяльных нерухомых гісторыка-культурных каштоўнасцей і падвядзенне вынікаў працы савета. Ход вязных паседжанняў абавязкова пратакаліраваўся. У выніку выўлення недахопаў вызначаўся тэрмін на іх ліквідацыю ад 1–3 месяцаў. Падводзячы вынікі канкрэтнага вязнога пасяджэння, вызначаліся перспектывы ў турыстычным і каштоўным у мастацкім плане аб'екты, праблемы аднаўлення, вынікі рацыянальнага і мэтавага асваення сродкаў на запланаваных аб'ектах, выкананне заканадаўства, рашэнняў аблвыканкама. Напрыклад, у працы вязнога пасяджэння, якое адбылося ў чэрвені 1998 г., удзельнічала 45 чалавек, з іх членаў каардынацыйнага савета – 24, спецыялістаў па ахове гісторыка-культурнай спадчыны гаррайвыканкамаў – 19 чалавек, таксама запрошанымі экспертамі былі прадстаўнікі камітэтаў Рэспублікі Беларусь па ахове гісторыка-культурнай спадчыны, рэстаўрацыі і кансервацыі помнікаў (2 чалавекі). На пасяджэннях вызначаўся план мерапрыемстваў для выканання і план мерапрыемстваў для абмеркавання на наступнай сустрэчы.

Брэсцкі абласны выканаўчы камітэт, канцэнтруючы ў межах міжведамаснага каардынацыйнага савета інфармацыю пра стан помнікаў, меў магчымасць сістэматычна ўздзейнічаць на работу ўсіх структурных элементаў – упраўленняў аблвыканкама, аддзелаў райвыканкамаў і гарвыканкамаў. Вытворчымі сіламі прадпрыемстваў дзяржаўнай формы ўласнасці рэалізаваліся работы па рамонце, добраўпарадкаванні аб'ектаў. Так, падтрыманне матэрыяльных нерухомых гісторыка-культурных каштоўнасцей у належным стане, добраўпарадкаванне прылеглай да іх тэрыторыі, прыродных аб'ектаў было замацавана за прадпрыемствамі і арганізацыямі. Напрыклад, у Брэсце прак-

тыка шэфскага курыравання была зацверджана рашэннем Брэсцкага гарвыканкама ад 11.04.1995 г. № 210 [1, с. 8]. Напрыклад, для добраўпарадкавання тэрыторыі мемарыяла “Брэсцкая крэпасць-герой” абавязкі былі размеркаваны наступным чынам: пад'язная дарога была замацавана за КУП “Брэсцкае абласное дарожнае будаўніцтва”, лясны масіў вакол нерухомых аб'ектаў перададзены Брэсцкаму лягасу, УП “Брэствадбуд” забяспечваў водаабмен абвадных каналаў, “Баранавічыдрэў” выконваў сталярныя работы, будаўнічы трэст – апрацоўчыя, малярныя работы (афарбоўка сцен), канцэрн “Брэсцкае абласное ўпраўленне мясцовай прамысловасці” – падрыхтоўку металічных рашотак да дзвярэй. Пытанні добраўпарадкавання тэрыторыі агульнага карыстання займаўся адзел камунальнай гаспадаркі і добраўпарадкавання вытворчага ўпраўлення жыллёва-камунальнай гаспадаркі пры Брэсцкім аблвыканкаме.

На пасяджэнні Брэскага абласнога выканаўчага камітэта 20.11.1999 г. было прынята рашэнне “Аб стварэнні ў кожным раёне ўзорна-паказальных ландшафтных участкаў” [5, с. 13]. Такім чынам было вырашана пытанне ўтрымання і добраўпарадкавання паркаў, прыгарадных лесапалос.

Важна адзначыць, што Брэсцкі абласны выканаўчы камітэт быў узорным сярод іншых па рэспубліцы, які, акрамя археалагічных і архітэктурных матэрыяльных нерухомых каштоўнасцей, удзяляў увагу ахове помнікаў прыроды, унікальных ландшафтаў, выступаючы не барацьбітом з правапарушэннямі, а лакаматывам у вызначэнні ахоўнай рэгіянальнай палітыкі. Так, Брэсцкім абласным выканаўчым камітэтам была пастаўлена задача перад Камітэтам па архітэктуры, горадабудаўніцтве і тэрытарыяльным планаванні, прыродных рэсурсаў і аховы навакольнага асяроддзя, упраўленнем культуры аблвыканкама вызначыць у кожным раёне старажытны парк, акрэсліць праблемы па аднаўленні, рэканструкцыі, добраўпарадкаванні. У межах рэалізацыі падпраграмы па добраўпарадкаванні і эстэтызацыі населеных пунктаў быў складзены пералік асабліва адметных аб'ектаў у лясах [6, с. 13; 7, с. 8]. Не без увагі заставалася

добраўпарадкаванне аб'ектаў у лясной пала-се вакол вадаёмаў, месцаў арганізаванага адпачынку (усталяванне малых архітэктурных форм, указальных знакаў, ачыстка тэрыторыі ад смецця). Рашэннем Брэсцкага аблвыканкама ад 01.02.2000 г. быў дадзены загад аб добраўпарадкаванні крыніц [5, с. 11].

Добраўпарадкаванне брацкіх магіл, месцаў пахавання ўдзельнікаў, ахвяр Вялікай Айчынай вайны замацоўвалася на шэфскай аснове. Рашэннем Брэсцкага аблвыканкама ад 14.12.1996 г. “Па пытаннях аховы гісторыка-культурнай спадчыны” ўвага кіраўнікоў гарадоў і раёнаў была звернута на недапушчальнасць безгаспадарчасці ў адносінах да стану брацкіх магіл, помнікаў, а таксама на правядзенне прафілактыкі фактаў вандалізму на грамадзянскіх могілках (закрытых і старадаўніх). За падведамаснымі службаў і ўстановаў ўпраўлення адукацыі і камітэтам па справах моладзі Брэсцкім аблвыканкамам замацоўвалася задача па абавязковым выкарыстанні помнікаў у выхаваўчай рабоце з моладзю, гэта значыць правядзенне месячнікаў, Вахт памяці з удзелам навучэнцаў, ветэранаў і ўдзельнікаў Вялікай Айчынай вайны, знаёмства з памятнымі падзеямі, гераічнымі прыкладамі самаадданасці і мужнасці землякоў. Рашэннем Брэсцкага аблвыканкама ад 01.10.1997 г. было дадзена даручэнне рапрацаваць праграму дзейнасці ўстаноў адукацыі, школ, дашкольных калектываў па даглядзе, добраўпарадкаванні брацкіх магіл, абеліскаў, грамадзянскіх пахаванняў.

Прыцягненне бясплатных працоўных рэсурсаў да добраўпарадкавання тэрыторый вакол помнікаў архітэктурны, мемарыялаў і інш. адбывалася не толькі за кошт устаноў адукацыі і прамысловых прадпрыемстваў. Актыўнымі тэмпамі вялася работа па прыцягненні грамадзян да добраўпарадкавання грамадскіх могілак, помнікаў і памятных мясцін. Са справаздачы па Кобрынскім райвыканкаме вядома, што агульнымі намаганнямі мясцовых жыхароў было агароджана і добраўпарадкавана большасць могілак. За 1991–1997 гг. адноўлена дзевяць гістарычных будынкаў праваслаўных цэркваў, адрамантавана сем значных помнікаў і мемарыялаў.

Інавацыйным падыходам з боку мясцовых органаў кіравання было прызнанне актуальнасці развіцця пазнавальнага турызму як перспектыўнага сектара эканомікі рэгіёна. З гэтай нагоды міжведамасны каардынацыйны савет звярнуў увагу на стан і магчымыя напрамкі развіцця трансгранічнага і айчыннага турызму. Першымі крокамі ў гэтым накірунку стала падрыхтоўка існуючай матэрыяльна-тэхнічнай базы, а таксама метадычнага забеспячэння галіны. Пратаколам савета ад 16.05.1997 г. у тэрмін да 01.07.1997 г. была пастаўлена задача стварыць грамадскі савет па падтрымцы турызму (турсавет). Для пачатку была праведзена работа па вызначэнні зацікаўленымі ўстановамі і арганізацыямі вобласці, спецыялістамі турыстычнай галіны асноўных праблем на патэнцыйных турыстычных маршрутах, акцэнтавалася ўвага на надзвычайнай беднасці турсэрвісу і невысокім узроўні культуры харчовага і гандлёвага абслугоўвання турыстаў, адсутнасці папулярызатарскіх матэрыялаў пра гісторыка-культурную спадчыну, сучаснае сацыяльна-культурнае і эканамічнае жыццё гарадоў вобласці. З гэтай нагоды ўпраўленню гандлю, грамадскага харчавання і спажывецкіх тавараў была пастаўлена задача аблвыканкамам адпрацаваць структуру, узровень і культуру абслугоўвання турыстаў, падрыхтаваць умовы для стварэння турыстычнага антуражу, папулярызатыі ведаў пра традыцыйную беларускую кухню. Для якаснага выканання пастаўленых задач за ўпраўленнем гандлю і грамадскага харчавання аблспажывусяюза ўсталёўваўся кантроль з боку аблвыканкама. Кантроль ажыццяўляўся за фарміраваннем нацыянальнага каларыту праз арыгінальныя інтэр'еры пунктаў харчавання і адпачынку з улікам гісторыі горада Брэста, сімволікі, нацыянальных традыцый. Аднак развіццё турызму было б немагчыма без рэстаўрацыі, рамонту, добраўпарадкавання аб'ектаў матэрыяльных нерухомых гісторыка-культурных каштоўнасцей. На 1997 г. планавалася адкрыць 11 турыстычных маршрутаў [8, с. 10]. Наступным крокам на шляху фарміравання рэгіянальнага турыстычнага прадукту (турыстычных маршрутаў) стала падрыхтоўка турыстычных даведнікаў, навукова-папуляр-

ных выданняў, рэкламных буклетаў. Рашэннем Брэсцкага аблвыканкама ўпраўленне па друку і культуры было абавязана распрацаваць у 1997 г. праграму выдання паліграфічнай прадукцыі па папулярызаваным ведаў аб матэрыяльнай і духоўнай культуры Брэсцкай вобласці [9, с. 5].

Сярод прыярытэтных накірункаў у праграмах па захаванні гісторыка-культурнай спадчыны было ўсведамленне важнасці падрыхтоўкі кваліфікаваных спецыялістаў-рэстаўрацый. З гэтай нагоды былі прыняты меры па паляпшэнні матэрыяльна-тэхнічнай, вучэбнай базы Брэсцкага палітэхнікума.

З пачатку дзейнасці міжведамаснага каардынацыйнага савета быў узяты добры старт. З красавіка 1997 г. было праведзена шэсць пасяджэнняў, заслухана дзейнасць пяці гарвыканкамаў і іх каардынацыйных саветаў. У г. Брэсце, Брэсцкім, Камянецкім і Кобрынскім раёнах адбыліся выязныя пасяджэнні абласнога савета з наведваннем 20 помнікаў. Абмяркоўвалася інфармацыя абласных службаў і ўстаноў (упраўленняў культуры, адукацыі, па справах моладзі, прыродных рэсурсаў) па выкарыстанні матэрыяльных і духоўных каштоўнасцей у выхаваўчай рабоце, па праблемах развіцця турыстычнага сэрвісу, пытаннях прыстасавання гісторыка-культурных каштоўнасцей пад турыстычныя аб'екты. На 13.10.1997 г. быў зацверджаны спіс 17 каштоўных паркаў і меры па іх аднаўленні, за 1997 г. праведзена пашпартызаваная 68 паркаў. Па рашэнні аблвыканкама ад 24.03.1997 г. у гарадах і раёнах праводзіліся агляды-конкурсы па становішчы помнікаў і памятных мясцін. У цэлым за 1997 г. па праблемах аховы і зберажэння было прынята тры рашэнні аблвыканкама, ва ўсіх гарадах і раёнах былі створаны каардынацыйныя саветы, якія ўзначалілі старшыні гаррайвыканкамаў. Па выніках абмеркавання выступленняў і справаздач старшын райвыканкамаў былі адмечаны найбольш актыўныя саветы Пінска, Баранавіч, Брэсцкага, Камянецкага і Ганцавіцкага раёнаў, за кошт існуючага штата былі ўведзены пасады спецыялістаў [9, с. 4].

Для прыкладу, на ўзроўні Камянецкага раёна старшыняй міжведамаснага

раённага савета з'яўляўся старшыня райвыканкама. Акрамя таго, пытаннямі аховы гісторыка-культурнай спадчыны займалася таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры на чале з У.М. Калатухіным, аддзел культуры Камянецкага райвыканкама ўзначальваў А.У. Семянюк. У Камянецкім раёне штогод у маі стваралася камісія з прадстаўнікоў культуры, народнай адукацыі, таварыства аховы помнікаў, архітэктуры, ваенкамата для правядзення месячнікаў па правярцы захавання і аднаўлення помнікаў. Па выніках інфармаваліся райвыканкам і старшыні сельскіх саветаў для прыняцця мер. У абавязак райвыканкамаў уваходзіла выкананне прапаноў аблвыканкама адпаведна з рэкамендацыямі каардынацыйнага савета аб прыстасаванні аб'ектаў.

Матэрыялы рэйду публікаваліся ў газеце "Навіны Камянеччыны". У пастаяннай рубрыцы "Успомнім усіх пайменна" былі апісаны ўсе помнікі, брацкія магілы, надрукаваны прозвішчы ахвяр фашызму. Актуальныя праблемы асвятляліся ў артыкулах раённага і абласнога друку, часцей за ўсё на старонках сустракаліся артыкулы М.М. Мамуса – настаўніка Камянюцкай школы, У.М. Калатухіна – адказнага сакратара таварыства аховы помнікаў, Г.С. Мусевіча – дырэктара дзіцячай спартыўнай школы, М.М. Васілеўскага – былога намесніка рэдактара раённай газеты, С.Л. Курылавай – члена саюза пісьменнікаў.

Своечасовай прэвентыўнай мерай па недапушчэнні самавольных актаў рэстаўрацыі, рамонту з боку рэлігійных абшчын стала распрацоўка і азнаямленне ўсіх правааслаўных і каталіцкіх прыходаў з правіламі добраўпарадкавання, аднаўлення, рэстаўрацыі гістарычных будынкаў, храмаў, капліц, ахоўных зон, некропаляў.

Стымулюючым захадам для своечасовых мерапрыемстваў па аднаўленні, добраўпарадкаванні, утрыманні матэрыяльных нерухомых гісторыка-культурных каштоўнасцей стала правядзенне абласных конкурсаў-аглядаў помнікаў і памятных мясцін з выяўленнем пераможцаў і ўзнагароджаннем. Мелі практыку правядзення конкурсаў-аглядаў на ўзроўні

вобласці, раёна, горада. Акрамя таго, з мэтай фарміравання эстэтычнага густу ў насельніцтва, патрыятычнага выхавання, добраўпарадкавання сацыяльна-побывавай прасторы ў 1999 г. быў аб'яўлены абласны конкурс сярод мастакоў і архітэктараў на лепшае мастацкае афармленне і архітэктурнае рашэнне населеных пунктаў з улікам гісторыі, геральдыкі і нацыянальных традыцый мясцовасці [6, с. 7].

У склад міжведаснага каардынацыйнага савета ўваходзілі не толькі прадстаўнікі кіруючай вертыкалі вобласці, але і кіраўнікі вытворча-прамысловых прадпрыемстваў. Неаднаразова старшыня Брэсцкага аблвыканкама звяртаўся ў Міністэрства культуры з просьбай аб выдаткаванні сродкаў на патрэбы аднаўлення аб'ектаў, але часцей за ўсё атрымліваў адмовы. Таму ремонт і добраўпарадкаванне адбываліся сумеснымі намаганнямі шэрагу прадпрыемстваў і арганізацый вобласці.

У выніку дзейнасці міжведаснага каардынацыйнага савета ў перыяд 1997–2000 гг. прайшло 25 пасяджэнняў, на якіх было разгледжана 120 пытанняў. Рашэннем савета ад 06.08.2000 г. быў зацверджаны новы склад міжведасных камісій. Адносна якасных паказчыкаў трэба адзначыць, што з 58 аб'ектаў на 25 была падрыхтавана праектная дакументацыя, на 16 аб'ектах праводзіліся рэстаўрацыйныя работы з 17 запланаваных. Пры непасрэдным удзеле органаў абласнога, базавага, першаснага тэрытарыяльнага ўзроўняў была праведзена пашпартызацыя 200 аб'ектаў замкавай і палацава-паркавай архітэктурны. На патрэбы аднаўлення матэрыяльных нерухомых каштоўнасцей было выдаткавана 60 млн руб. Чарга прынятых рашэнняў была прымеркавана да аднаўлення найбольш значных старадаўніх паркаў (рашэнне аблвыканкама ад 13.10.1997 г.). Спецыяльным рашэннем Брэсцкага аблвыканкама ад 13.10.1997 г. быў зацверджаны спіс з 17 аб'ектаў [10, с. 7].

Заклучэнне

Такім чынам, галоўнымі накірункамі арганізацыі дзейнасці міжведасных абласнога, раённых, гарадскіх саветаў у справе аднаўлення матэрыяльных нерухомых

гісторыка-культурных каштоўнасцей былі: падрыхтоўка мэтавых праграм; аднаўленне, прыстасаванне гісторыка-культурных каштоўнасцей для развіцця турыстычнай галіны; правядзенне рамонтных работ, добраўпарадкавання і аднаўлення матэрыяльных нерухомых гісторыка-культурных каштоўнасцей прадукцыйнымі сіламі вобласці; замацаванне аб'ектаў на шэфскай аснове за прадпрыемствамі, установамі, арганізацыямі; улік наяўных і патэнцыйных аб'ектаў; правядзенне конкурсаў-аглядаў па рэстаўрацыі, добраўпарадкаванні; правядзенне сістэматычных штомесячных выязных пасяджэнняў з наведваннем аб'ектаў у межах адзначанага раёна; сістэматычны збор дадзеных і экспертная адзнака якасных паказчыкаў з вызначэннем недапрацовак, устаноўка тэрміну на выпраўленне заўваг. Такі падыход да арганізацыі і правядзення ахоўных мерапрыемстваў дазволіў дасягнуць высокіх тэмпаў і адпаведнай якасці. У адрозненне ад іншых абласных цэнтраў, дзе ахоўныя функцыі ўскладаліся толькі на аддзелы культуры гарадскіх выканаўчых камітэтаў у асобе інспектараў Дзяржаўнай інспекцыі па ахове гісторыка-культурнай спадчыны, а самі камісіі скаладаліся толькі з нагоды буйных святочных дат, Брэсцкі абласны выканаўчы камітэт прадэманстравалі паспяховаю рабочую мадэль дзейнасці міжведаснага савета з уключэннем у склад спецыялістаў-практыкаў. Асноўнай рухаючай сілай сталі Брэсцкія вытворчыя прадпрыемствы, а таксама ўпраўленне жыллёва-камунальнай гаспадаркі. Вялікая ўвага надавалася сістэме менеджменту якасці – сукупнасці мер і аперацый для падтрымкі высокага ўзроўню якасці выканання на аснове планамернасці і комплекснасці. Удзельнікі працэсу адчувалі кантроль за выкананнем даручэнняў. Сістэма дэлегавання задач кантралявалася асабіста старшынёй Брэсцкага аблвыканкама. Усталёўваліся жорсткія тэрміны выканання. Выканаўчая дысцыпліна і матывацыя адказных утрымлівалася на высокім узроўні за кошт матэрыяльнага стымулявання. У выніку было дасягнута ўзаемадзеянне ведамстваў. Адміністрацыйна-кіраўніцкая схема працы міжведаснага каардына-

цыйнага савета прадугледжвала кантроль заходам выканання дзеючага заканадаўства, распараджэнняў аблвыканкама і гарвыканкамаў, замацаванне помнікаў за ўстановамі і прадпрыемствамі на шэфскай аснове, размеркаванне паміж імі абавязкаў па рамонце, добраўпарадкаванні прылеглых тэрыторый. Інавацыйным і адначасова важным стымулюючым фактарам у аднаўленні і прыстасаванні матэрыяльных нерухомых гісторыка-культурных каштоўнасцей пад сацыякультурныя патрэбы стала спрыянне развіццю турызму, які разглядаўся як патэнцыйны сродак дадатковага прыбытку ў эканоміку рэгіёна. Планамерная палітыка ў дачыненні да турызму рэалізавалася праз удасканаленне матэрыяльна-тэхнічнай базы і інфраструктуры (гандаль, сфера грамадскага харчавання і інш.), стварэнне экскурсійных унутраных і трансгранічных маршрутаў пазнавальнага, маладзёвага, экалагічнага, спартыўнага кшталту.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Дзяржаўны Архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Ф. 1293. Воп.1. Спр. 1040.
2. ДАБВ. – Ф. 1293. Воп. 1. Спр. 1060.
3. ДАБВ. – Ф. 1293. Воп. 1. Спр. 960а.
4. ДАБВ. – Ф. 1293. Воп.1. Спр. 1009.
5. ДАБВ. – Ф. 1293. Воп.1. Спр. 1165.
6. ДАБВ. – Ф. 1293. Воп.1. Спр. 1107.
7. ДАБВ. – Ф. 1293. Воп.1. Спр. 1135.
8. ДАБВ. – Ф. 1293. Воп.1. Спр. 1061.
9. ДАБВ. – Ф. 1293. Воп.1. Спр. 1064.

10. ДАБВ. – Ф. 1293. Воп.1. Спр. 1084.

Паступіў у рэдакцыю 25.09.2019 г.
 Кантакты: vovneiko2011@mail.ru
 (Андрэйчык Кацярына Віктараўна)

Andreichik E. THE ACTIVITIES OF THE INTERDEPARTMENTAL COORDINATION COUNCIL FOR THE SAFEGUARD OF THE MATERIAL AND SPIRITUAL VALUES OF THE BREST REGIONAL EXECUTIVE COMMITTEE.

The article deals with an example of the effective activity of the Brest Regional Executive Committee on the implementation of state policy in the field of preservation of material and immovable historical and cultural values. An innovative approach to improving the organizational and management structure of the Brest Regional Executive Committee was the creation of the Interdepartmental Coordination Council for the protection of material and spiritual heritage. The apparatus included District and city interdepartmental coordination councils.

Keywords: authorities, Brest Regional Executive Committee, Coordination Council, legislation.

УДК 339:620.9(560+575.4)

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ В 1990-е гг. И МЕСТО В НЕЙ ТУРКМЕНИСТАНА

Н. Х. Худайбердиева,

аспирант

Белорусский государственный
университет

В статье рассматривается вопрос энергетической политики Турции в контексте развития туркмено-турецкого диалога в 1990-е гг. Проанализирован ряд факторов: экономический рост Анкары в 1980-е гг., участие в европейской интеграции, появление новых независимых республик в Центральной Азии, которые оказали большое влияние на развитие энергетических контактов и транзитного потенциала Туркменистана. Представлены перспективные направления энергетических контактов Турции и Туркменистана, а также сложности в данном направлении.

Ключевые слова: Турция, энергетика, экономика, Туркменистан, Каспий, трубопровод.

Введение

В 1990-е гг. Турецкая Республика вышла на уровень развитого государства, максимально использующего свои геополитические возможности. Быстрый экономический рост страны, начавшийся в 1980-е гг., развитие энергоемких отраслей производства, желание подключиться к общеевропейской интеграции привели к тому, что Анкара должна была пересмотреть свою внутреннюю и внешнюю энергетическую политику. Это решение совпало с глобальными геополитическими и экономическими изменениями, в том числе в мировом энергетическом секторе, которые наблюдались на рубеже 1980–1990-х гг.

Актуальность выбранной темы обусловлена ростом интереса мировой общественности и научных кругов к внешней политике Турции в постбиполярный период. В частности, особый интерес представляют попытки турецкого руководства получить ключевые позиции в энергетическом секто-

ре в качестве транзитной страны. Предпосылки в этой сфере Турция стала закладывать в 1990-е гг. вместе с реформированием внешней политики. Реформирование сопровождалось активизацией позиций страны в различных регионах, использованием элементов “мягкой силы” в своей внешнеполитической стратегии, энергетическим балансированием в отношениях между европейскими государствами, Россией, азиатскими государствами, в том числе Туркменистаном. Предпринятые в 1990-е гг. турецким руководством шаги предопределили эффективные результаты в 2000-е гг. Именно тогда Турция вошла в число стран с быстроразвивающейся экономикой, а внешнеполитический вектор страны приобрел свою индивидуальность, обусловленную ростом влияния Анкары в Азии.

Целью данного исследования является выявление особенностей энергетической политики Турции в контексте туркмено-турецкого диалога в 1990-е гг.

Основная часть

В конце 1980-х гг. внешняя политика Турции отдавала предпочтение контактам с европейскими государствами. Ключевым документом, регулирующим отношения стран Европейского экономического сообщества и Турции, стало Европейское соглашение 1963 г. об ассоциации между ЕЭС и Турцией. В соответствии со ст. 2 п. 1 Соглашения определялась цель договоренности: “содействие непрерывному и сбалансированному укреплению торговли и экономических отношений”, в частности, отмечалась необходимость обеспечения ускоренного развития экономики, ликвидация безработицы и улучшение условий жизни народа Турции [1]. Ассоциация Турции и ЕЭС охватывала три этапа: подготовительный, переходный и заключительный.

В течение подготовительного этапа Турция при поддержке ЕЭС укрепляла свою экономическую систему в соответствии с взятыми обязательствами [1]. Позднее попытки вступить в ЕЭС заканчивались неудачно, а после переворота в стране в 1980 г. страны Сообщества прекратили отношения с Анкарой.

В 1983 г. переговоры вновь возобновились. За восстановлением переговорного процесса последовали серьезные качественные изменения в экономике Турции. Так, если в 1980 г. экспорт продукции обрабатывающей промышленности составлял 36% то к 1990 г. этот показатель достиг отметки в 79,1%. Рост экспортного показателя стал доказательством реализации Турцией экспортоориентированной внешнеэкономической политики. Особое положение в этом направлении заняла легкая промышленность, в частности, упор делался на продажу одежды [2, с. 230].

Экономические преобразования в Турции требовали поиска новых партнеров для обеспечения энергетического сектора, разработки новых энергетических возможностей для быстрорастущей экономики.

Во внешней политике Турции в 1990-х гг. существовала одна проблема, осложнявшая энергетическую безопасность страны – необходимость присоединиться к санкциям ООН против Ирака в связи с войной в Персидском заливе в 1990–1991 гг. [3]. Это решение привело к прекращению закупок иракской нефти, поступающей через нефтепровод “Кируку-Юмурталык”. Транспортировка нефти из Ирака в Турцию была восстановлена только в 1996 г.

Экономический рост Турции совпал с разрушительными изменениями в Советском Союзе – процессом дезинтеграции, который привел к распаду страны и образованию на ее пространстве 15 новых независимых государств (ННГ) [4, с. 145].

Воспринимая новые возможности, которые открылись перед Турцией, политическое руководство страны и общественные круги стремились использовать различные механизмы для доступа к энергетическому рынку постсоветских государств Центральной Азии. Сближающим фактором в этом направлении становились исторически тесные связи стран региона и Турции в сферах религии, культуры и языка.

Кроме этого, Турция оказалась в числе стран, в которых на рубеже 1980–1990-х гг. проблемы мировой политики стали тесно переплетаться с энергетикой. Причин такой ситуации было несколько. Во-первых, стра-

ны с рыночной экономикой уже в 1970-е гг. чувствовали нехватку энергоресурсов, а рост экономики и благосостояния населения только усиливали энергодефицит. Во-вторых, в результате распада Советского Союза энергетические ресурсы ННГ стали объектом борьбы между энергопотребляющими странами. Особое внимание в вопросах поставок нефти и газа представляли страны Центральной Азии – Казахстан, Туркменистан.

На 1970–1980-е гг. пришелся пик расширения добычи газа в Туркменистане, которая осуществлялась на шельфе Каспия. Ранее, в 1940–1970-е гг., на территории Туркменистана было проложено 5 нефтепроводов пропускной мощностью более 30 млн тонн в год. В годы существования советской власти в Туркменистане были проведены геологоразведочные работы, разрабатывались месторождения и залежи нефти и газа. Благодаря строительству газопровода “Средняя Азия–Центр” месторождения Центральноазиатских республик смогли поставлять газ в центральные регионы СССР, в частности в РСФСР и УССР. Кроме того, для транспортировки энергетических ресурсов использовались различные комплексы, в том числе железнодорожные и портовые. Таким образом, Туркменистан, как страна с развитой энергодобывающей отраслью и большими запасами энергетических ресурсов, становился объектом повышенного интереса для турецких властей [5].

Турция с первых дней обретения независимости странами центральноазиатского региона стремилась привлечь внимание их лидеров к турецкой модели устройства государства. Реализуя свои намерения – установить тесные контакты с Туркменистаном, турецкая сторона использовала различные подходы. Широко применялись методы “мягкой силы” с использованием различных идеологических установок, которые сегодня выступают качественными характеристиками турецкой внешней политики – неоосманизм, пантюркизм [6, с. 76].

Анализируя внешнеполитический вектор Анкары в постбиполярный период, можно заметить, что государство пыталось подстроиться под новые реалии междуна-

родных отношений. Особые возможности для этого представились в странах Центральной Азии и вылились в стремление заполнить геополитический вакуум в этом регионе. Желание установить контроль над ним тесно связано с содержанием неофициальной доктрины внешней политики Турции [6, с. 76]. Сравнивая неоосманизм и пантюркизм, можно отметить, что первый термин гораздо шире второго. Он включает в себя неопантюркизм, панисламизм, турецкое евразийство, связи с арабскими государствами, Балканами, странами Азии и Африки. Понятие пантюркизм, как отмечает российский исследователь В.А. Аватков, предполагает ведущую роль Турции в поддержке мусульман от Байкала до Балкан. Турецкая помощь в рамках этой идеологии содержит разностороннее материально-финансовое содействие, включая строительство дорог, фабрик, аэропортов, а также содействие в развитии государств [6, с. 76].

Обе идеологические установки формировались под влиянием утраченных амбиций наследников Османской империи, пропитывая региональную стратегию современной Турции [7, с. 67].

Применение указанных идеологических установок в отношении Туркменистана в период формирования двусторонних контактов не принесло желаемых результатов. Активная позиция Турции в отношении Туркменистана отпугивала руководство страны во главе с С. Ниязовым.

Однако, несмотря на критическое отношение стран региона, Турция стремилась сформировать там свою “сферу доверия”, которая должна была стать единым “мостом” как к энергетическому рынку стран региона, так и к формированию собственной сферы влияния. Вплоть до середины 1990-х гг. Анкара активно использовала тюркский фактор с намерением получить статус региональной державы в евразийском пространстве – в странах с мусульманским населением.

Особенное стремление Турецкой Республики установить тесные контакты с Туркменистаном в энергетической сфере было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, Турция традиционно стреми-

лась занять основное место страны-транзитера энергоресурсов из Азии и Европы. Во-вторых, Анкара испытывала желание установить свой геополитический контроль над регионом Центральной Азии. В-третьих, удержание регионального влияния повысило бы геополитический вес Турции среди европейских держав и США. В-четвертых, турецкие политики рассчитывали ослабить российское доминирование в ННГ Центральной Азии.

Интересным для Анкары представлялся и проект строительства трубопровода из Азербайджана. Как отметила российский исследователь А.Ю. Коломойцева, уже в 1992 г. в Азербайджане начались серьезные исследования для проработки проектов трубопроводов. В 1993 г. азербайджанское руководство приняло решение, что приоритетным направлением строительства трубопровода станет турецкий порт Джейхан. После этого в марте 1993 г. было достигнуто межправительственное соглашение Турции и Азербайджана [8, с. 104].

Используя свои возможности, Турция стремилась достичь успеха в энергетической сфере через тесное партнерство в рамках диалога тюркоязычных стран. В октябре 1994 г. в рамках тюркоязычного диалога Анкара сделала первую попытку установления энергетических контактов со странами Центральной Азии. В основе проекта лежала идея экспорта каспийской нефти и газа через турецкую территорию. Страны региона поддержали проект [9, с. 38].

Но при этом с неизбежностью обозначились противоречия между странами региона. Российский исследователь Е.П. Сучкова отметила, что цели Турции в 1990-е гг. воплотились в контексте развития ситуации в Каспийском регионе. Все же Анкара смогла создать Организацию экономического сотрудничества (ОЭС), в состав которой вошли Афганистан, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Пакистан, Иран, Турция и Узбекистан [9, с. 38].

После серии встреч тюркоязычных стран во второй половине 1990-х гг. начался переговорный процесс по строительству нефтепровода Баку–Джейхан. В отношении данного проекта неоднозначную позицию высказывал Казахстан. В результате Анкара

переключилась на установление предпочтительных контактов с Ашхабатом [9, с. 38].

Организационно-техническим проводником данной политики стала турецкая государственная компания “Боташ”, которая импортировала в Турцию газ. Активная позиция компании по вопросам поставки природного газа, начиная с 1990-х гг., принесла свои результаты. Так, в августе 1994 г. “Боташ” заключила с Алжиром контракт на 30 лет на поставку 4 млрд м³ в год, в 1999 г. был заключен договор на 22 года с Нигерией на поставку 1,2 млрд м³ в год [10, с. 101].

В декабре 1997 г. усилия компании “Боташ” привели к достижению первой договоренности между Анкарой и Ашхабадом по этому вопросу. В мае 1999 г. стороны заключили рамочное соглашение, которое предусматривало реализацию поставок 16 млрд м³ газа в течение 30 лет по транскаспийскому маршруту поставок энергоресурсов [11, с. 86].

Но в это же время в условиях назревающего мирового энергетического кризиса центральноазиатский регион попал в поле зрения глобальных акторов. Во второй половине 1990-х гг. администрация США пересмотрела свою политику в Центральной Азии, в том числе определилась относительно природных ресурсов Каспийского бассейна. В частности, как отметил американский политолог В. Сокор, именно США и Турция стали соорганизаторами проекта постройки газопровода для поставок газа из Туркменистана в Европу [12].

Деятельность США получила название “Стратегия Шелкового пути”. Основной упор делался на реформирование энергетического комплекса Центральной Азии на основе поддержки инициатив лидеров стран региона, а также закавказских государств с целью их вывода из-под российского влияния. Активную позицию при этом продемонстрировал министр энергетики США Ф. Пенья, который в декабре 1997 г. отправил лидеру Туркменистана С. Ниязову документ с видением американского руководства в отношении существующих проблем по созданию инфраструктуры для транспортировки туркменских энергетических ресурсов на рынок [9, с. 38].

В то же время для Туркменистана приоритетным направлением энергетического экспорта определилось строительство газопровода Туркменистан–Афганистан–Пакистан. Американская сторона, преследуя иные приоритеты, настаивала на том, что его реализация может быть осуществлена только после стабилизации ситуации в Афганистане. По мнению американской администрации, наиболее приемлемым для того периода был проект европейского газопровода по дну Каспийского моря через Азербайджан и Грузию в Турцию и Европу. Однако данный проект натолкнулся на противоречия между Азербайджаном и Турцией по вопросу принадлежности месторождения Сердар/Кяпаз [сноска]. Из-за этого терялись должные импульсы по развитию турецко-туркменского энергетического сотрудничества.

Одновременно значительно возрос транзитный потенциал Турции. Немаловажную роль в этом отношении сыграли и европейские потребители природного газа, желающие снизить долю поставок из России либо через российскую территорию. Строительство транскаспийского газопровода имело для Европы важное геополитическое значение.

Нельзя не отметить старания Турции реализовать и другие проекты в регионе Центральной Азии и на Кавказе для обеспечения своей энергетической безопасности.

Турецкие политические круги не упускали возможности установить энергетические контакты с Россией. Так, 15 декабря 1997 г. между правительствами Российской Федерации и Турецкой Республики было подписано масштабное Соглашение о поставках природного газа. Документ также был направлен на строительство объектов газовой, газохимической промышленности, строительство электростанций, газопроводов и подземных хранилищ для него, на совместную модернизацию и строительство нефтеперерабатывающих заводов. Кроме того, стороны договаривались расширить контакты в угольной промышленности [13].

С подписания межправительственного соглашения началась история строительства еще одного магистрального газопровода –

“Голубой поток”. Общая протяженность энергетической трассы составила 1236 км, первые поставки для его реализации произошли в феврале 2003 г. [14]. Именно строительство “Голубого потока” увеличило транзитные возможности Турции, усилило амбиции страны за место регионального лидера.

Еще одним направлением внешней энергетической политики Турции стал проект ирано-турецкого газопровода, который выступал в качестве ветви проекта “Nabucco”. Первые газовые поставки по данному газопроводу стали осуществляться в 2001 г. [14].

И все же приоритетным направлением для турецкой энергетической дипломатии продолжал оставаться проект в обход России при участии Казахстана, Азербайджана, Грузии с перспективой подключения в нему Туркменистана. При поддержке США Турция смогла добиться подписания 29 октября 1998 г. соответствующей декларации. Участие в ее подписании приняли лидеры Азербайджана Г. Алиев, Грузии Э. Шеварднадзе, Казахстана Н. Назарбаев, Турции С. Демирель, Узбекистана И. Каримов. Подписание декларации происходило в присутствии министра энергетики Соединенных Штатов Б. Ричардсона, что говорило о заинтересованности Вашингтона в реализации проекта [11, с. 86].

Подобные шаги со стороны американской администрации говорили о том, что у Вашингтона растет заинтересованность в усилении влияния в этом регионе не только с точки зрения экономики. Особое значение имел геополитический аспект, нацеленный на ослабление в дальнейшем влияния России, КНР и Ирана в регионе [15, р. 33].

Следующим шагом в реализации проекта нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан стало подписание соглашения о транспортировке нефти через территорию Азербайджана, Грузии и Турции. Отдельным документом была подписана Декларация между Азербайджаном, Грузией, Турцией, Казахстаном и Туркменистаном. Документ получил название Стамбульская декларация.

Одновременно в 1998 г., во время саммита ЕС, Турция получила статус кандидата

на вступление в ЕС, после чего начался процесс реформирования ее энергетического комплекса в соответствии с европейскими требованиями [16, с. 30].

Изоляционистская политика, проводимая туркменским руководством во главе с С. Ниязовым, не всегда вписывалась в реализацию региональных энергетических проектов. В 1990-е гг. Туркменистан стремился разработать и реализовать несколько вариантов трубопроводов, не совсем коррелирующих геоэкономически с названными выше. Среди них – Туркменистан–Иран–Турция–Европа, Туркменистан–Афганистан–Пакистан, Туркменистан–КНР [17, с. 108].

Заключение

Таким образом, современная энергетическая дипломатия Турции начала формироваться на рубеже 1980–1990-х гг., что связывалось с началом дезинтеграционных процессов в СССР, войной в Персидском заливе, ростом зависимости развитых стран от поставок энергоносителей. Данный фактор мотивировал турецкое руководство на конкретные действия по совершенствованию энергетической дипломатии страны. Предпочтительное значение для развития энергетических контактов Анкары приобрели ресурсы и транзитные возможности государств Центральной Азии, Кавказа, Ирана, России, ряда африканских стран. Формирование контактов по поставкам углеводородов из этих стран нередко выливалось в целый узел геополитических противоречий, вытекающих из стремления великих держав контролировать рынок энергоресурсов, использовать политическое и экономическое влияние Турции в своих интересах.

Энергетическая дипломатия Турции в отношении Туркменистана преследовала реализацию следующих направлений: диверсификация маршрутов энергопоставок из-за рубежа, увеличение транзитной роли страны за счет Туркменистана и с помощью данного механизма укрепление своих позиций на пространстве энергетической безопасности Европы. Однако туркменское направление для Турции не стало приоритетным, Анкара стремилась наладить контакты в энергетическом направлении с

Ираком, Казахстаном, Россией и Азербайджаном, пытаясь привлечь их внимание тем, что страна является ключевым звеном в транзитной цепочке из Азии в Европу. Двусторонние турецко-туркменские контакты изобиливали предложениями по развитию энергетического сотрудничества, но не всегда способствовали нахождению обоюдовыгодных решений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Соглашение, учреждающее Ассоциацию между Европейским Экономическим Сообществом и Турцией, Анкара, 12 сентября 1963 г. / Московская Государственная юридическая Академия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eulaw.edu.ru/old/documents/legislation/eea/aa_turkey.htm. – Дата доступа: 23.01.2019.
2. **Погорелов, А. М.** Переход от импортозамещения к экспортоориентированной модели развития экономики Турции в начале 1980-х гг. / А. М. Погорелов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2013. – С. 227–235.
3. Резолюция 661 (1990), от 6 августа 1990 года / Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/661\(1990\)](https://undocs.org/ru/S/RES/661(1990)). – Дата доступа: 24.01.2019.
4. **Сафонкина, Е. А.** Турция как новый актер политики “мягкой силы” / Е. А. Сафонкина // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – № 2. – С. 145–166.
5. **Матвеев, И. Е.** Энергетика Туркмении. Топливо-энергетический комплекс Туркменистана / И. Е. Матвеев // Матвеев Игорь Евгеньевич. Заместитель Директора ВНИКИ, член Союза журналистов, к.э.н. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://matveev-igor.ru/articles/385711>. – Дата доступа: 23.01.2019.
6. **Аватков, В. А.** Неосманизм. Базовая идеология и геостратегия Турции / В. А. Аватков // Свободная мысль. – 2014. – № 3. – С. 71–78.
7. **Бурашникова, А. Б.** Неопантюркизм и неосманизм во внешней политике Турции / А. Б. Бурашникова // Известия Саратовского университета. – 2013. – № 2. – С. 65–69.
8. **Коломойцева, А. Ю.** К вопросу об эксплуатации основного экспортного трубопровода Баку–Тбилиси–Джейхан / А. Ю. Коломойцева // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2009. – № 8. – С. 102–109.
9. **Сучкова, Е. П.** Противостояние на Каспии: борьба за ресурсы в XXI в. / Е. П. Сучкова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: социально-гуманитарные науки. – 2007. – № 8. – С. 38–39.
10. **Оздемир, В.** Энергетическая дипломатия Турции / В. Оздемир, И. А. Гулиев // Вестник МГИМО Университет. – 2016. – № 2. – С. 101–110.
11. **Троицкий, Е. Ф.** Политика Турции в Центральной Азии (1992–2000 гг.) / Е. Ф. Троицкий // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 238. – С. 84–88.
12. **Socor, V.** Uninterest rebounds in trans-caspian pipeline for Turkmen gas / V. Socor // The Jamestown Foundation [Electronic resource]. – Mode of access: <https://jamestown.org/program/interest-rebounds-in-trans-caspian-pipeline-for-turkmen-gas/>. – Date of access: 20.01.2019.
13. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в области энергетики / Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/8316445>. – Дата доступа: 23.01.2019.
14. **Гаджиев, А. Г.** Главные аспекты энергетической стратегии Турции / А. Г. Гаджиев // Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=13305>. – Дата доступа: 23.01.2019.
15. **Islam, A.K.M.I.** The US Role and Policy in Central Asia: Energy and Beyond / A.K.M.I. Islam // Arts Faculty Journal. – 2012. – № 4. – P. 33–51.

16. **Шевелёва, М.** Энергетическая политика Турции в Каспийском регионе (1998–2009 гг.) / М. Шевелёва, О. Онойко // Журнал Международного права и международных отношений. – 2010. – № 4. – С. 29-35.
17. **Медведев, А. Н.** Трансафганский газопровод в системе экспортных трубопроводных проектов Туркменистана и перспективы их реализации / А. Н. Медведев // Пути к миру и безопасности. – 2014. – С. 107–118.

Поступила в редакцию 28.11.2019 г.
Контакты: nuriya.dzhan.09@mail.ru
(Худайбердиева Нурбиби Хулагулыевна)

Khudaiberdieva N. TURKEY'S ENERGY POLICY IN THE 1990s AND THE PLACE OF TURKMENISTAN IN IT.

The article considers the issue of energy policy in Turkey in the context of the development of the Turkmen-Turkish dialogue in the 1990s. A number of factors have been analyzed including the economic growth of Ankara in the 1980s, its participation in European integration, the emergence of new independent republics in Central Asia and their influence on the development of energy contacts, the transit potential of Turkmenistan. Perspectives of energy contacts between Turkey and Turkmenistan as well as possible difficulties in this sphere are presented.

Keywords: Turkey, energy, economy, Turkmenistan, the Caspian Sea, pipeline.

УДК 94 (476)+37

**ИДЕИ РЕФОРМИРОВАНИЯ
ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГИЧЕ-
СКИХ КАДРОВ В ПРОЕКТАХ
ДИРЕКТОРА МОГИЛЕВСКОГО
УЧИТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА
В.Н. ТЫЧИНИНА (1915–1917 гг.)**

О.А. Черепанов

старший преподаватель
Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова

В представленной статье на основе анализа докладов директора Могилевского учительского института В.Н. Тычинина, опираясь на “живой” фактологический материал, выделены концептуальные, ключевые положения, оказывающие непосредственное влияние на состояние учительских институтов. Показан комплекс проблем, вызвавших потребность коренных реформ системы подготовки педагогических кадров, пути их реализации. В хронологическом порядке выстроен и описан ход реформаторской деятельности В.Н. Тычинина на протяжении периода с 1915 по 1917 г.

Ключевые слова: система педагогического образования, реформа, В.Н. Тычинин, Программа реорганизации учительских институтов и семинарий.

Введение

Сегодня Республика Беларусь предпринимает шаги к интеграции в мировое образовательное пространство. Этот процесс в наибольшей степени затрагивает систему высшего образования РБ. Главным приоритетом на этом пути является получение студентами прикладных знаний и навыков самостоятельного познания мира, что призвано помочь выпускникам трудоустроиться и адаптироваться к условиям рынка.

В соответствии с этим в настоящее время в высшем образовании Республики Беларусь прослеживается увеличение доли прикладных дисциплин за счет сокращения фундаментальных и социально-гуманитарных в отличие от советской высшей школы,

которая преуспела в развитии фундаментального образования и передаче готового знания от преподавателя к студентам.

В результате у современного выпускника вуза создается значительный набор более или менее специализированных знаний, но комплексная картина мира и высокий культурный уровень формируются не в должной мере, что затрудняет становление личности студента как разносторонней, а также снижает уровень критического осмысления мира.

Удастся ли системе высшего образования найти баланс между академическими, фундаментальными знаниями и практическими навыками? Это сложный, порой драматический процесс, который, несмотря на кажущуюся уникальность, отечественная система высшего образования уже переживала на заре своего становления в начале XX в., с тем лишь кардинальным отличием, что движение в тот период шло от крайней практико-ориентированности обучения к приданию высшему образованию академического характера.

В начале XX в. развернулась широкая дискуссия, инициированная педагогическим сообществом, о путях реформирования учительских институтов и придания им статуса высших учебных заведений. На страницах центральных педагогических журналов статьи Н.П. Малиновского [1], П.М. Клунного [2], И.С. Ключева [3] и др. демонстрировали многообразие взглядов на эту проблему в среде российских педагогов.

Идея реорганизации учительских институтов обсуждалась на заседаниях II и III Государственных дум и была оформлена в законопроект “О реформе учительских институтов”, подготовленный в 1912 г. группой депутатов [4]. Законопроект предусматривал придание учительским институтам статуса открытых высших учебных заведений академической направленности, продление курса обучения до четырех лет, введение специализации на старшем курсе, расширение программ каждого предмета и другие преобразования. Однако правительство в лице Министерства народного просвещения (МНП) признало нецелесообразным обсуждение данного вопроса.

С началом Первой мировой войны МНП, возглавляемое П.Н. Игнатьевым, об-

ратило внимание на проблему подготовки учителей, острый дефицит педагогических кадров и самостоятельно инициировало запрос в учебные округа Российской империи для обсуждения проблемы преобразования учительских институтов [5].

Несмотря на усилия педагогической общественности, МНП в силу ряда причин так и не сумело решить ключевые проблемы преобразования учительских институтов в высшие учебные заведения и формирования полноценной системы высшего образования.

Анализ архивных документов позволяет констатировать, что в обсуждение проблемы реорганизации системы педагогического образования были включены не только Государственная дума, правительство и столичные педагогические журналы. Этот бурный процесс нашел непосредственное отражение в деятельности учительских институтов и семинарий, в частности, Могилевского учительского института.

Основная часть

Циркуляром попечителя Виленского учебного округа от 27 ноября и 4 декабря 1914 г. директорам институтов и учительских семинарий было рекомендовано высказать предложения по вопросу об улучшении учебно-воспитательного дела в учительских институтах и семинариях Виленского учебного округа.

20 февраля 1915 г. директор Могилевского учительского института В.Н. Тычинин представил свои “мысли и соображения” [6]. Это объемный доклад на 11 машинописных листах, написанный хорошим литературным стилем с элементами иронии и в то же время глубоко и всесторонне раскрывающий проблему развития учительских институтов.

Обосновывая актуальность своего доклада, В.Н. Тычинин пишет, что с точки зрения “отвлеченных принципов” ситуация не вызывает беспокойства, т. к. четко определена задача учительских институтов – подготовка учителя-воспитателя для высшей начальной школы, правильно определены предметы для преподавания, “в идейных заданиях и желаниях от нея наша школа хороша”, но все же реальное положение дел в данной системе образования вызывает много размышлений.

Доклад В.Н. Тычинина состоит из двух частей. Первая часть представлена тремя большими разделами, которые можно обозначить как: А) Учащиеся учительского института; Б) Организация учебного процесса в учительском институте; В) Обеспечение материальными средствами учительских институтов и материальное положение личного состава (учителей). Через содержание выделенных разделов В.Н. Тычинин раскрывает и всесторонне анализирует основную проблематику жизнедеятельности учительских институтов.

В настоящей статье нами, дабы избежать пересказа всего текста, предпринята попытка выделить концептуальные, ключевые идеи доклада согласно предложенной им структуре.

А) Учащиеся учительского института. В представлении Министерства народного просвещения самыми подходящими воспитанниками для учительских институтов являлись дети крестьян, окончившие учительскую семинарию. Не вводя официальных сословных запретов, Министерство в то же время выступало против преобладания среди воспитанников учительских институтов детей других сословий, создавая для них различные преграды. В результате три четверти воспитанников Витебского и Могилевского учительских институтов были выходцами из крестьян [7].

Такая сословная ограниченность, по мнению В.Н. Тычинина, привела к отсутствию “культурного обмена” между воспитанниками. При поступлении в учительский институт данная категория учащихся часто была мотивирована не наличием педагогического призвания и интересом к институтским занятиям, а возможностью получать стипендию (хоть и очень скромную), а также желанием в будущем занять положение “лучше крестьянского”.

В соответствии с Положением об учительских институтах 1872 г. в учительские институты по результатам экзаменов принимались лица мужского пола в возрасте от 16 до 25 лет православного вероисповедания, имеющие звание учителя начального училища и прослужившие в этой должности не менее двух лет [8]. Эти условия предполагали, что учащиеся, поступавшие в учительский институт, имеют приблизительно одинаково-

вый уровень подготовки, без пробелов в знаниях могут обучаться в рамках институтской программы и еще достаточно податливы и открыты для педагогического воздействия. Однако, по мнению В.Н. Тычинина, реальное положение дел было иное. Он пишет, что, несмотря на одинаковые условия поступления, у будущих воспитанников учительского института был совершенно разный уровень образования: “Одни окончили городское училище, другие второклассную церковно-приходскую школу, третьи учительскую семинарию... седьмые сами затрудняются сказать, где они учились, но ценз для экзамена в институт имеют”.

Возрастной ценз учащихся также не соответствовал Положению 1872 г. Он “от 20 за 30 лет, а желали бы иногда поступать сюда и под 50”. Это уже взрослые, сформировавшиеся люди, без “детской и юношеской податливости”, что значительно ограничивало возможности педагогического влияния на них.

В силу выделенных причин “научно-педагогически и с одинаковой для всех продуктивностью объединить так составленный класс – задача по самой меньшей мере весьма серьезная” [6].

В качестве еще одной проблемы, оказавшей непосредственное влияние на учебный процесс, в докладе рассматривается материальное положение учащихся учительского института. Оторвавшись от своей деревни и родной семьи, ничего не дающей им на содержание, подавляющее большинство учащихся находилось в крайне сложном материальном положении. На стипендию прожить было невозможно. Поэтому особой популярностью у воспитанников пользовались дополнительные заработки в виде уроков, переписки и т. д.

В итоге, как пишет В.Н. Тычинин, в результате названных и им подобных проблем «воспитанник страдает раздвоенностью сознания и самочувствия: с одной стороны, он склонен равняться на студентов высшего учебного заведения и желает лекционного по форме и содержанию преподавания, с другой, не без больших затруднений справляется с требованиями средней школы и тщательно отмечает в своем учебнике “урок отсюда и досюда”» [6].

Б) Организация учебного процесса.

В соответствии с “Инструкцией касательно объема и методов преподавания учебных предметов”, принятой в 1876 г. Министерством народного просвещения, утверждались единые образовательные программы, обязательные для всех учительских институтов страны. На первом курсе учащиеся повторяли программу городского училища. На втором и третьем курсах преподавались дополнительные знания по предметам городского училища, а также изучалась педагогическая наука, методика преподавания и проходила практика. Какие-либо научные или иные знания предписывалось в институтах не преподавать [9]. Главная задача учительского учебного заведения – обеспечить выпускникам твердое знание учебного материала и воспитать в будущем учителе верноподданнические чувства [10]. Однако, пишет В.Н. Тычинин, за срок с лишним лет многое изменилось в жизни и в науке, внутренняя жизнь институтов эволюционировала, сформировался запрос на более качественный уровень подготовки учащихся. К институтам стали предъявлять все более высокие запросы.

Учительский институт оказался в совершенно новой ситуации, когда “задачи одни, люди такие же, количество времени прежнее, а содержание и требовательность оказываются теперь совершенно иными” [6]. Пытаясь разрешить сложную ситуацию, институты стали самостоятельно, компилятивно, хаотично, без основательной продуманности, во многом в зависимости от личных предпочтений директора учебного заведения вносить изменения в учебные программы, вводить дополнительные учебные предметы. Все эти изменения, по мнению В.Н. Тычинина, “нелегальным путем реформировали институт”, однако “без основательной продуманности, главное без объединяющей идеи: старые основания заслонились разнохарактерными, эпизодическими, кое-где разбросанными добавлениями и поправками” [6].

В данном разделе, помимо прочего, затрагивалась проблема преемственности школьных и институтских программ обучения. Поскольку требования к знаниям учащихся стали высокими, институтское обучение

должно идти вперед, но часто этот процесс тормозился из-за слабой подготовки поступающих, а “повторять в институте вступительную программу нет ни времени, ни сил, ни смысла; не идти здесь дальше, ограничиваясь элементарными знаниями – теряет всякий резон самое существование института” [6].

Таким образом, по мнению В.Н. Тычинина, организация учебного процесса в учительском институте в соответствии с давно устаревшими нормативными документами является одним из основных препятствий на пути повышения качества подготовки учащихся.

В) Обеспечение материальными средствами учительских институтов и материальное положение личного состава (учителей). В данном разделе указывалось, что учительские институты крайне скудно были обеспечены материальными средствами: здания в аренде, нет специальных помещений (гимнастических залов, библиотек, лабораторий).

Особенно большое внимание в докладе уделено проблеме личного состава (преподавателей) учительских институтов. По мнению В.Н. Тычинина, ни один другой тип среднего учебного заведения не предполагает таких высоких требований к деятельности своих сотрудников: “Например, нигде не может иметь такой постановки, как в институте, Закон Божий (кроме богословия в духовных семинариях), русский язык, логика с психологией (исключая духовную семинарию), педагогических дисциплин в других школах совсем нет (даже в духовной семинарии)...” [6].

Кроме организации учебной деятельности, в обязанности учителя института входило бесплатное чтение “объемистых ученических сочинений на серьезные темы”; подготовка, проверка и оценка практических занятий, проводимых учащимися в городском училище; подготовка и проведение экзаменов для экстернов на звание учителя высшего начального училища.

Данные факторы, в совокупности с особенностями учащихся института (это взрослые сформировавшиеся личности), требовали от учителя института гораздо большей находчивости, опытности, сноровки, внимания и работоспособности по сравнению с другими средними учебными

заведениями.

Однако вся сложность работы учителя института не предполагала достойного материального вознаграждения. В.Н. Тычинин с глубокой иронией и обеспокоенностью описывал материальное положение педагогического состава: “А вознаграждается преподаватель института 1200 руб. +240 руб. случайной прибавки, которой завтра может не быть, годовых без всяких увеличений, в 2,5 и более раза меньше коллег во всех других средних учебных заведениях: и есть нечего, и нравственно тягостно, и со стороны не поддерживают, и вышучивают и укоряют в чем-то. А бесплатное секретарство, библиотекарство, воспитательство – все это столь деликатного свойства, что лучше обойти их здесь молчанием, однако с самым настойчивым желанием разрешить этот вопрос в благоприятном смысле” [6].

По причине крайне стесненного материального положения институтские работники были вынуждены постоянно искать дополнительную подработку, а часто и вовсе оставлять службу, “в результате чего эти места либо пустуют, либо заполняются случайными людьми” [6]. В лучшем случае учитель института “впадает в уныние от совершенно незаслуженной несправедности”: от него требовали гораздо больше, чем в других средних учебных заведениях, а давалось ему гораздо меньше.

В результате такого положения дел престиж данного вида деятельности был крайне низок, что создавало большую опасность и вовсе остаться без высокопрофессиональных педагогических кадров.

Подводя итог, В.Н. Тычинин пишет, что обозначенные проблемы не являются случайными, разрозненными, а представляют собой общую картину, которая “по существу характеризует педагогическое положение учительских институтов” [6].

Особую значимость докладу В.Н. Тычинина придает то, что в нем представлен не только глубокий, всесторонний анализ основных проблем организации деятельности учительских институтов, но и в соответствии с выделенными проблемами разработаны рекомендации, реализация которых позволила бы в короткие сроки качественно

улучшить жизнедеятельность данного типа учебного заведения.

Раздел А) может быть рассмотрен как проект реформы, предполагающей коренные изменения системы учительских институтов. В частности, предлагалось: утвердить учительский институт как продолжение учительской семинарии, где семинария должна быть “средними учебными заведениями в полном и определенном значении этих слов”, тогда учительский институт должен стать выше семинарии, давая учащимся “все новое, но в органической связи с ними и собою продолжая их”; переименовать учительские институты в “педагогические лицеи” и зачислять туда по конкурсному экзамену, по выпускным программам учительских семинарий “тогда по окончании или не позже года спустя”. Определить данное учебное заведение (педагогический лицей) как открытое, но с воспитательно-дисциплинарным режимом, контролем и ответственностью.

Интересно предложение В.Н. Тычинина о том, что “науки лицей не разрабатывает, исключая возможных и добровольных частных” [6]. По прошествии более чем ста лет проблема совмещения учебной и научной деятельности в рамках высших учебных заведений так и не нашла своего разрешения и остается актуальной.

Метод преподавания в лицее предлагается “лекционный, но с обязанностью отчетности и правом контроля во всякое время года, месяца и недели” [6].

Определен перечень основных предметов преподавания в педагогическом лицее. Представлена краткая характеристика содержания всех основных учебных дисциплин. Их внутреннее наполнение значительно расширено по сравнению с требованиями “Положения об учительских институтах” от 1872 г., “Инструкцией о порядке управления” и “Инструкцией касательно объема и методов преподавания учебных предметов”, утвержденных в 1876 г. Тем самым В.Н. Тычинин пытается решить проблему “нелегального реформирования институтов”, хаотического, бессистемного (“в зависимости от личных вкусов или соседских влияний”) раздувания учеб-

ных программ и выстроить более качественную систему учебной деятельности.

Ряд предложений касается организации жизнедеятельности учащихся учительского института, материального обеспечения, учебной нагрузки преподавателей: “Каждый преподаватель, принадлежа только институту, имеет не более 12 уроков в неделю, а директор вовсе не имеет уроков” [6].

Раздел Б) содержит предложения по совершенствованию организации деятельности учительских институтов, реализация которых возможна в рамках существующей системы образования. В.Н. Тычинин пишет: “Желательно, а под условием достижимости необходимо теперь же: увеличение денежных средств на содержание института; предпочтение на вступительных экзаменах окончившим учительскую семинарию; принимать более молодых воспитанников; сокращение учебного материала без понижения образовательного ценза, избрание простых учебников; возможно компактное ведение отдельных курсов; согласованность, где и в чем возможно, курсов по разным предметам между собой” [6]. Эти и ряд других предложений не требовали коренной реформы системы образования и могли быть реализованы каждым директором непосредственно в своем учебном заведении.

Содержание доклада раскрывает нам личность В.Н. Тычинина с разных сторон. Это и отличный руководитель-профессионал, знающий все нюансы образовательного процесса; и высоконравственный интеллигентный человек, заботящийся не только о профессиональной подготовке учащихся, но и о нравственном развитии; и интеллектуал, способный глубоко анализировать проблему, видеть не только недостатки, но и предлагать комплексные решения.

Очевидно, доклад произвел большое впечатление на попечителя Виленского учебного округа и В.Н. Тычинин был назначен “ответственным” по изучению предложений директоров учительских институтов и семинарий Виленского учебного округа по проблеме развития системы педагогического образования. Это следует из имеющегося в этом же архивном деле “Доклада по вопросу об улучшении учебно-воспитательного

дела в учительских институтах и семинариях Виленского учебного округа”, составленного В.Н. Тычининим на основе анализа “соображений” директоров учительских институтов и семинарий Виленского учебного округа и представленного им на Съезде по внешкольному образованию, прошедшем 23–26 мая 1916 г. в г. Могилеве [11]. В нем содержались предложения по совершенствованию деятельности учительских институтов, анализ организации и содержания деятельности учительских семинарий, рассматривались вопросы преемственности учебных программ учительских институтов и учительских семинарий.

В заключительной части этого доклада В.Н. Тычинин пишет, что информацию о деятельности институтов и семинарий подали не все учебные заведения, а предоставленная информация отрывочна, бессистемна, не позволяет сформировать полного представления о состоянии учебных заведений и путях совершенствования системы образования: “Не получается определенной и отчетливой картины того, что есть, и того, что нужно бы. Для этой цели необходима объединенность, которая может в известной мере быть достигнута с помощью обязательной и специальной анкеты всем институтам и семинариям...” [11].

Составленная В.Н. Тычининим Анкета объемом в 5 печатных страниц отражала основные проблемы институтского образования и позволяла собрать информацию по разделам:

I. Общие положения: вопросы приема учащихся, материального обеспечения.

II. Воспитание: вопросы специальных воспитательных средств, дисциплины, подбор соответствующих книг и т. д.

III. Обучение: вопросы подготовки программ, из каких учебных заведений и в какие классы принимать в институты и семинарии и т. д.

Директорам учительских институтов и учительских семинарий Виленского учебного округа предлагалось обсудить данную анкету на педагогических советах своих учебных заведений с выработкой окончательного варианта документа на педагогическом съезде [11].

Проведение окружного педагогического съезда, посвященного проблеме реорга-

низации системы учительских институтов и семинарий под руководством директора Могилевского учительского института В.Н. Тычинина, было запланировано на вторую половину августа 1917 г. в г. Могилеве.

Опираясь на ранее высказанные идеи, на анализ предложений директоров учительских институтов и семинарий, с целью выработки максимально полных предложений в ходе педагогического съезда В.Н. Тычининим была разработана и отпечатана типографским способом по числу ожидаемых участников педагогического съезда “Программа вопросов по реорганизации учительских институтов и семинарий (в чем последние могут сходить с институтами)” [12]. Она была разработана на основе предложенной ранее анкеты, включала 40 пунктов, характеризующих ключевые проблемы системы учительских институтов и семинарий.

Результатом деятельности педагогического съезда предполагалась выработка окончательного, согласованного всеми директорами учебных заведений Виленского учебного округа варианта “Программы реорганизации учительских институтов и семинарий”. Это явилось бы своеобразным итогом огромной работы, проделанной в течение двух лет (1915–1917 гг.) директором Могилевского учительского института по проблеме реорганизации учительских институтов и учительских семинарий.

Принимая во внимание тот факт, что подготовка к съезду была начата в период нахождения в Могилеве Ставки Верховного Главнокомандующего, а также большой объем и качество проделанной подготовительной работы, можно предположить, что формат съезда мог быть расширен до уровня всероссийского с участием первых лиц государства.

Заключение

К сожалению, в силу ряда объективных обстоятельств, связанных с политической ситуацией в стране, съезд так и не состоялся. Разработанная В.Н. Тычининим “Примерная программа вопросов по реорганизации учительских институтов” стала всего лишь достоянием истории, а “мысли и соображения” по поводу деятельности

учительских институтов и семинарий, столь ярко и иронично высказанные директором Могилевского учительского института, не найдя своего решения в тот исторический период, стали объектом дискуссий и основой для реформ на последующих этапах развития отечественной системы высшего образования.

Однако по-прежнему актуальным для системы высшего образования остается ряд проблем, сформулированных В.Н. Тычининим: преемственность образования при переходе от среднего звена к высшему; материальное оснащение учебных заведений; вопросы учебной нагрузки преподавателей; организация форм контроля учебной деятельности студентов; вопросы организации научной деятельности высших учебных заведений; организация самостоятельной деятельности студентов; и, наконец, оплата труда преподавателей.

Наличие этих и ряда других сложностей, их устойчивость к различным реформаторским действиям свидетельствуют о том, что отечественная система высшего образования, несмотря на более чем вековой период развития (если рассматривать современные университеты как продолжение учительских институтов), находится на этапе выработки собственной (отечественной) концепции высшего образования.

В целом, реформаторские идеи В.Н. Тычинина, изложенные в соответствующих докладах, имеют для нас двойную ценность. С одной стороны, они представлены современником исторических событий, глубоко понимающим методологическую природу кризиса системы подготовки педагогических кадров в дореволюционной России, и позволяют провести сравнительный анализ применительно к современной системе подготовки педагогических кадров. С другой стороны – глубина и уровень анализа излагаемого материала, его взвешенность и опора на факты позволяют отнести работы В.Н. Тычинина к числу первых научных работ по истории развития образования в Могилевском государственном университете.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Малиновский, Н. П.* Педагогические учебные заведения / Н. П. Малинов-

ский // Русская школа. – 1916. – № 10–11. – С. 38–40.

2. *Клунный, П. М.* Окончившие учительские институты стучатся в закрытую дверь университета / П. М. Клунный // Русская школа. – 1907. – № 3. – С. 107–122.
3. *Клюжев, И. С.* О реформе учительских институтов / И. С. Клюжев // Русская школа. – 1912. – № 3. – С. 73–109.
4. О реформе учительских институтов. 10 февраля 1912 г. // Государственная дума. Созыв 3-й. Сессия 5-я. Приложение к стенографическим отчетам. – СПб., 1912. – Т. 2. – № 339. – С. 182–194.
5. *Князев, Е. А.* Генезис высшего педагогического образования в России XVIII – начало XX века: смена парадигмы / Е. А. Князев. – Москва : Сентябрь, 2001. – С. 134–137.
6. Доклад // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 2258. Оп. 1. Д. 36. Л. 56–61.
7. *Гулюк, М. А.* Педагогическое образование в белорусских губерниях в начале XX в.: Витебский и Могилевский учительские институты / М. А. Гулюк // Працы гістарычнага факультэта: навук. зб. Вып. 1 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2006. – С. 222–226.
8. Положение об учительских институтах. – Москва : Тип. И. И. Глазунова, 1872. – 11 с.
9. *Рождественский, С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 / С. В. Рождественский // СПб., 1902. – С. 542.
10. *Вильдеватов, И. В.* Нормативно-правовая основа деятельности педагогических учебных заведений в Самарской губернии во второй половине 19 – начале 20 в. // Вектор науки ТГУ. – 2011. – № 3(17) – С. 328–330.
11. Доклад по вопросу об улучшении учебно-воспитательного дела в учительских институтах и семинариях Виленского Учебного Округа // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 2258. Оп. 1. Д. 36. Л. 62–71.
12. Программа вопросов по реорганизации учительских институтов и семинарий для Округного Педагогического

Съезда в г. Могилеве во 2-й половине августа месяца с.г. // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) – Фонд 2258. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.

Поступила в редакцию 27.05.2019 г.
Контакты: +375 29 741 52 15
(Черепанов Олег Анатольевич)

Cherepanov O. THE IDEAS OF TEACHER TRAINING REFORMATION IN THE PROJECTS OF MOGILEV TEACHERS' INSTITUTE DIRECTOR V.N. TYCHININ (1915–1917).

The article is based on the analysis of the reports of V.N. Tychinin, the director of Mogi-

lev Teachers' Institute. The conceptual key provisions directly affecting the state of teachers' institutes are distinguished considering "live" factual material. The article shows the complex of problems causing the necessity of fundamental reformation of teachers' training system and the way of its realization. The progress of the reform activities of V.N. Tychinin from 1915 to 1917 is chronologically drawn up and described.

Keywords: the system of teacher training, reform, V.N. Tychinin, the Program of teachers' institutes and seminaries reorganization.

УДК 947.084.8

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА УВЕКОВЕЧЕНИЯ ПАМЯТИ ПОГИБШИХ В 1941–1944 гг. НА ТЕРРИТОРИИ МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ НА ПРИМЕРЕ ЧАУССКОГО РАЙОНА

А. И. Корсак

кандидат исторических наук, доцент
Полоцкий государственный
университет

На примере Чаусского района в разрезе данных по Могилевской области в статье рассмотрена деятельность местных органов власти в реализации государственной политики по увековечению памяти погибших воинов Красной (Советской) Армии и партизан, а также мест массового уничтожения периода Великой Отечественной войны, в 1944–2000-х гг.

Обобщенный автором фактологический материал представлен на основе архивных документов Национального архива Республики Беларусь, Государственного архива Могилевской области, Государственного архива общественных организаций Могилевской области, основная часть которых вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова: воинские захоронения, братская могила, индивидуальная могила, увековечение, Чаусский район, Могилевская область.

Введение

Тема сохранения памяти о событиях Великой Отечественной войны бесспорно на протяжении 75 лет после освобождения территории Беларуси от нацистской оккупации и окончания в целом Великой Отечественной и Второй мировой войн является актуальной и востребованной не только в национальной историографии и у зарубежных коллег, но и в общественном сознании.

На государственном уровне вопросу увековечения памяти о погибших воинах и жертвах не только периода 1941–1944 гг., но и всех военных конфликтов, проходивших на белорусской территории в различные

исторические эпохи или с участием белорусов, и в советский период времени, и с обретением независимости Республики Беларусь уделялось и уделяется много внимания, о чем свидетельствуют архивные документы различных уровней государственной власти – от республиканских до местных органов управления – в обозначенный нами промежуток времени.

В данной статье внимание уделено вопросам реализации государственной политики Беларуси фиксации и процесса “укрупнения” первичных мест захоронения солдат Красной (Советской) Армии и партизан, а также постановке на учет (паспортизация) мест массового уничтожения военнопленных и мирного населения периода Великой Отечественной войны на территории Могилевской области на примере Чаусского района.

Почему непосредственно вышеуказанная административно-территориальная единица нами выбрана для исследования? В основном причина кроется в наличии информативного архивного материала, который позволяет в контексте обобщенных данных Могилевской области создать максимально полную картину происходящего, но и требования объема, предъявляемые к данному типу публикаций. Кроме того, это один из 21 района Могилевской области, который фактически не претерпевал внешних административно-территориальных изменений на протяжении 1944–2000-х гг.

Основная часть

На сегодняшний момент учет воинских захоронений и мест массового уничтожения ведется на нескольких уровнях – городском, районном, областном и республиканском. В данном случае местные органы власти осуществляют исполнительную функцию. Вспомогательно-контролирующую роль выполняют городские, районные и областные военные комиссариаты. Отчетная документация в виде паспортов захоронений направляется непосредственно исполнителями в Управление по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн, которое создано в соответствии с постановлением

Совета Министров Республики Беларусь от 21 декабря 1992 г. № 763 в составе Комитета по социальной защите военнослужащих, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, воинов-интернационалистов, уволенных в запас (отставку), и членов их семей при Совете Министров Республики Беларусь. На основании Указа Президента Республики Беларусь от 30 ноября 1994 г. № 231 “Об улучшении работы по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн в Республике Беларусь” управление было передано в Министерство обороны [1].

Так, результаты совместной деятельности исполнительных и распорядительных органов власти и органов местного военного управления в рамках Могилевской области в динамике представлены в графике. Следует отметить, что Могилевская область в современных границах окончательно была сформирована в 1960 г. с передачей Глуского района ранее Бобруйской области из состава Минской области в Могилевскую [2, с. 152].

[составлена автором на основе: 3, л. 18–21, 30, 40; 4, лл. 37–39; 5, лл. 101–107; 6, лл. 227–233, 264; 7, л. 92; 8, л. 125; 9, с. 129; 10; 11].

Графическое представление данных отражает в полной мере процесс учета первичных мест захоронения и их дальнейшее перезахоронение (“укрупнение”) в определенные для этой цели места на территории Могилевской области.

Прокомментируем некоторые наиболее важные позиции. Несмотря на то что документы, регламентирующие порядок в сфере сохранения памяти погибших воинов Красной Армии и партизан, имели место быть сразу же после освобождения территории Беларуси в целом и Могилевщины в частности, и связаны они в первую очередь с должным уходом за захоронениями. Но в 1946 г. согласно постановлению № 827-333/7 Совета Министров БССР и ЦК КП(б)Б необходимо завести книги по учету погибших и захороненных с занесением личных данных [9, с. 46–47]. В связи с этим в отчетных материалах местных органов власти появляются первые обобщенные цифры о

количестве учтенных воинских захоронений. Следует отметить, что данные имеются за 1946 г., причем в динамике за три месяца, только по пяти районам Бобруйской области и г. Бобруйска, которые на данный момент являются составной частью Могилевской области. Так, из графика видно, что в июле и августе учет воинских захоронений был активен, а в сентябре зафиксирована цифра в три раза меньше, чем в августе. Это связано с первыми шагами процесса перезахоронения “укрупнения” в первую очередь индивидуальных могил в братские [3, л. 40]. За 1949 г. данные имеются лишь по 16 районам Могилевской области в границах того времени. Нельзя обойти вниманием тот факт, что в 1949 г. была осуществлена первая волна перезахоронений в рамках территории Беларуси, которая имела продолжение и в 1950 г. по разным причинам (в основном не выдерживались сроки исполнения и финансовые затраты были выше, чем могли себе позволить местные органы власти). Об этом

говорят и контрольные цифры за 1950 г., когда по состоянию на 1 марта на Могилевщине (в современных границах) зафиксировано 1 558 захоронений, а на 1 сентября того же года на учете уже 703 могилы, в декабре – 500. Даже при условии того, что последние данные представлены 16 районами Могилевской области и г. Могилевом, очевиден факт сокращения в первую очередь индивидуальных могил и малочисленных братских могил. Это подтверждают и данные за 1952 и 1955 гг. Кроме того, по состоянию на 4 декабря 1956 г. на Могилевщине перезахоронены останки из 209 братских и индивидуальных могил, сооружено 17 фундаментальных памятников и 4 ограды, благоустроено 107 кладбищ и могил [12, л. 284].

Согласно докладной записке Министерства культуры БССР в Совет Министров БССР об итогах выполнения постановления Совета Министров БССР от 8 апреля 1959 г. № 248 о благоустройстве мест захоронения воинов Советской Армии, партизан и мирного населения, погибших в 1941–1945 гг., по Могилевской области указано общее количество зарегистрированных захоронений и знаменательных мест в 339 позиций [9, с. 129]. Исходя из данных обобщенной информации, которую предоставляли областные органы власти в рамках отчетности по выполнению вышеуказанного постановления, всего лишь пять позиций имеет отношение к мемориализации памятных мест. Соответственно, условно можно говорить о наличии на момент 1961 г. 334 воинских захоронений периода Великой Отечественной войны на территории Могилевской области в современных границах.

К сожалению, обобщенных данных за 1970-е гг. в распоряжении исследователя не имеется.

Отдельный интерес представляют собой цифры 1986 г. и последние данные 2010-х гг. Наиболее полная информация по 1980-м гг. имеется в академическом издании по областям Беларуси, посвященном памятникам истории и культуры [10]. Автором проделана выборка данных по следующим критериям: статус захоронения (ИМ, БМ, ВК, а также места сожженных

деревень и места расстрелов), место и дата захоронения, количество учтенных в том или ином захоронении. В результате проведенной аналитической работы была получена цифра в 988 воинских захоронений и мест массового уничтожения мирного населения в современных границах Могилевской области.

В 2014 г. была принята к реализации Государственная программа на 2015–2020-е гг. по увековечению погибших при защите Отечества и сохранению памяти о жертвах войн (постановление № 534 СМ РБ от 4 июня 2014 г.) [13], промежуточные итоги которой несколько вводят в тупик исследователя, т. к. спустя 75 лет после окончания Великой Отечественной войны мы вернулись к цифре фактически конца 1940-х и начала 1950-х – активного периода перезахоронения останков. Исходя из собственного практического опыта верификации данных паспортов учтенных воинских захоронений можно утверждать, что многие рабочие группы, находя новые фамилии, вносят их в списки, при этом не исключая их из числа неизвестных. Причины двойного и тройного учета одного и того же человека в разных захоронениях нужно искать в вариативности названий населенных пунктов (к примеру, д. Залесье, Загорье и так далее имеются в значительном количестве), в изменениях административно-территориальных границ сельских советов и районов. Это так или иначе искусственно завышает контрольные цифры. Но при этом, следует отметить, производился учет ранее не известных захоронений. Особенно активна фиксация индивидуальных могил в рамках гражданских кладбищ. Тем не менее факт остается фактом, и определенная проблема, требующая своего решения, имеется.

Таким образом, при помощи графических данных, представленных в количественных показателях 1940–2010-х гг., показаны результаты работы областных и районных органов власти Могилевщины (в современных границах) по учету первичных мест захоронения и их дальнейшее перезахоронение в “укрупненные” братские могилы.

Далее, на примере Чаусского района Могилевской области рассмотрим непо-

средственно сам процесс. В ходе поиска информации были проанализированы документы исполнительного комитета Чаусского районного Совета депутатов трудящихся с 1944 по 1990-е гг. по характеру представляющие собой постановления и решения исполнительного районного органа с периодичностью принятия к действию один-два раза в год. При этом за 1970–1980-е гг. не зафиксировано ни одного документа.

Первым документом является решение № 466 от 15 сентября 1947 г. за подписью председателя исполкома районного совета тов. Батуревича по вопросу благоустройства и состояния одиночных и братских могил погибших воинов и похороненных на территории района в период Великой Отечественной войны. Данный документ являлся реакцией на выступление райвоенкома майора Спижарного по вышеуказанной проблеме, где было указано о том, что воинские захоронения “до сих пор не приведены в надлежащий порядок: одиночные могилы не снесены в братские, братские и одиночные могилы не огорожены. Надлежащего учета последних в сельских советах нет, а где и есть, то неточный” [14, л. 70]. В этом отношении в качестве примеров приведены Антоновский, Осинковский, Дужевский и Сухаревский сельские советы с упором на то, что председатели сельских советов не проявляют заботу по благоустройству и перевозке [перезахоронению. – *А.К.*] могил. В итоге было решено в срок до 15 октября 1947 г. установить точное количество одиночных и братских могил и похороненных воинов. К этой же дате все одиночные могилы, находящиеся на полях и огородах на территории сельских советов и г. Чаусы, перенести в братские могилы. Далее, “все могилы и кладбища, где похоронены погибшие воины Советской Армии, привести в надлежащий порядок, как то: накопать холмики, очистить от разных сорняков и обнести оградой” [14, л. 70]. Контролирующая функция была возложена на райвоенкома Чаусского района, который, в свою очередь, должен информировать каждые 10 дней о ходе работ. Таким образом, Постановления СНК СССР и СМ БССР от 1946 г. стали реализовываться на территории Чаусского

района в конце 1947 г., по крайней мере на уровне принятия решений в процессе заседаний исполнительного комитета.

Несмотря на то что сроки решения вопроса в предыдущем документе были указаны довольно сжатые – один месяц (с 15 сентября по 15 октября 1947 г.), к рассмотрению результатов работы обратились только 12 августа 1948 г. в рамках доклада райвоенкома майора Спижарного. В нем отмечено, что отдельными сельскими исполкомками – Благовским, Головенческим, Хатетовским – проделана частичная работа по благоустройству могил. В других случаях дело обстоит “плохо: многие могилы разбросаны в разных местах, в огородах, полях, без всякой ограды, со старыми надписями”. Особенно неудовлетворительна работа по Антоновскому сельскому совету. К примеру, в д. Загоренка “братские кладбища не обгорожены и крайне запущены” [15, л. 103]. Кроме того, несколько могил находится на проезжих дорогах на станции Чаусы, через которые ездят, а также в самом городе возле скобяного магазина [15, л. 103]. В итоге год прошел – результата нет: не всеми председателями окончены работы по перезахоронению, не приведены в порядок захоронения (не огорожены, не окопаны, не насыпаны холмики, не очищены и т. д.), не имеется точной статистики о количестве захоронений в целом и о количестве в них погребенных солдат и партизан в частности. При этом об установке памятников речь в принципе не идет.

В феврале 1949 г. на повестку дня заседания Чаусского райисполкома был внесен вопрос “Об итогах работы в 1948 г. по перенесению и благоустройству могил воинов Советской Армии, погибших за освобождение нашей Родины на территории Чаусского района от немецких оккупантов, и о задачах на 1949 г.” [16, л. 81]. Из положительных моментов проделанной работы в 1948 г. можно указать следующее: из 19 сельских советов [существующих на момент 1948 г. – *А.К.*] в 6 работа по перенесению могил в основном закончена, и все могилы на территории данных сельсоветов сосредоточены в одном-двух населенных пунктах. Эта практика характерна для Мо-

гилевской области в частности и Беларуси в целом, что упрощало решение в первую очередь с финансовыми затратами на установку памятников. Однако отмечено, что непосредственно в г. Чаусы ничего по переноске и благоустройству могил не сделано – могилы разбросаны, холмики заросли бурьяном, не огорожены и топчутся скотом. Аналогичное явление и в ряде сельсоветов. Учет отсутствует [16, л. 81]. В итоге принимается очередное решение, фактически повторяющее предыдущие (за 1947–1948 гг.), отличие лишь в сроках исполнения.

Далее, в октябре 1950 г. [17, лл. 65–66] и в апреле 1951 г. [18, л. 67] проблема перезахоронения и благоустройства воинских захоронений на территории Чаусского района также рассматривалась на заседаниях с теми же формулировками, что и ранее. Но 13 июля 1951 г. впервые были указаны причины неисполнения председателями сельских советов принимаемых решений на заседаниях Чаусского райисполкома: “... Председатели сельских советов не поняли политического значения вопроса о благоустройстве могил воинов Советской армии и партизан, погибших в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны” [18, л. 67], т. е. возможности имелись.

В 1952 г. был утвержден план работы об окончании решения вопроса “переноски и благоустройства военных кладбищ, братских и индивидуальных могил воинов и партизан, погибших в период Великой Отечественной войны” на территории Чаусского района. При этом указаны те же причины неисполнения предыдущего постановления, согласно которому до 15 мая 1952 г. необходимо закончить всем сельским советам перезахоронение в одну общую могилу [как правило, в центре сельского совета. – А.К.], до 25 мая 1952 г. на братских могилах построить фундаментальные памятники, в целом работы завершить до 30 мая этого года [19, лл. 78–81]. В результате по состоянию на 1 июня 1952 г. на территории Чаусского района зафиксирована цифра общим количеством в 55 воинских захоронений [7, л. 92] в сравнении с данными на 1 января 1950 г., когда был зафиксирован самый мак-

симум учтенных захоронений в 220 позциях [6, л. 264]. Количество сократилось на 75%. Казалось бы, вопрос закрыт.

Постановление Совета Министров БССР № 202 от 16 апреля 1956 г. [20, лл. 226–230] и решение исполкома Могилевского областного Совета депутатов трудящихся № 412 от 16 июня 1956 г. нужно было выполнять вне зависимости от ранее проделанной работы. Чаусские районные власти приняли решение № 270 от 27 июля 1957 г. “О перезахоронении останков воинов и партизан в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. с неудобных мест захоронений на территории района” [21, лл. 121–123]. Для процесса перезахоронения была создана комиссия во главе с районным военным комиссаром, определены места, куда перезахоранивать, и места, откуда перезахоранивать. Но это касалось только двух сельских советов – Осиновского и Прудковского, которые на протяжении всего периода времени были в центре внимания как систематические неисполнители принимаемых решений. Так, по Осиновскому сельскому совету – “в д. Осиновка из дд. Ольховка, Нежковка, Граболово, Прилесье; в д. Ребятки из дд. Слобода и Лутище; в д. Быново из дд. Чигриновка, Гатище, Мокряки, п. Боровой; в д. Дедня из дд. Скварск, Красный Бор, Пухново, Вербовка; по Прудковскому сельскому совету: в д. Прудок из дд. Ново-Александровка, Зеленый Прудок, Ляховщина, Голочевка, Дрануха, Ново-Егоровка” [21, л. 122]. Перезахоронение и установку памятников необходимо закончить до 15 сентября 1957 г.

Начиная с 1961 г. по отношению к захоронениям периода 1941–1945 гг. можно выделить два направления в деятельности местных органов власти: во-первых, это проверки состояния и, соответственно, благоустройство воинских кладбищ, братских и индивидуальных могил (озеленение, ограждение, установка памятников и т. д.) [22, лл. 37–38; 23, л. 71]; во-вторых, это паспортизация воинских захоронений, которые составлялись районным отделом культуры [24]. Исходя из того что данные паспорта составлялись представителями сферы культуры, можно предположить, что

это касалось только историко-культурных ценностей, статус которых имели не все воинские захоронения.

С учреждением в 1965 г. Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры в целом надзор за состоянием памятников на воинских захоронениях и дальнейший процесс в увековечении памяти погибших перешел в ведомство управления культуры, о чем свидетельствуют архивные документы, в том числе и по Чаусскому району за 1960–1970-е гг. [25, лл. 1–2, 6–11, 13–16, 22; 26, лл. 1–4].

Нельзя обойти вниманием тот факт, что до 1960 г. на территории Чаусского района фиксировались только воинские захоронения солдат Советской Армии и партизан, но ни в одном документе упоминания о местах массового уничтожения местного населения или военнопленных не выявлено. 12 февраля 1960 г. ответной реакцией на письмо жителя г. Черикова, адресованное в редакцию газеты “Советская Белоруссия” “О благоустройстве могил советских военнослужащих и гражданского населения, расстрелянных немцами во время оккупации в г. Чаусы на территории военного городка”, стало решение районных властей о перезахоронении на территории военного городка г. Чаусы останков расстрелянных немцами в период оккупации 1941–1944 гг. советских военнослужащих и гражданского населения в общую могилу с последующей установкой памятника за счет средств по благоустройству города [27, л. 143].

1990 и 2000-е гг. в сфере увековечения памяти погибших воинов и мирных граждан в период Великой Отечественной войны характеризуются в основном поддержанием порядка на территории захоронений, обновлением памятников и мемориалов. Главное внимание обращено на возвращение имен безымянным могилам.

Заключение

Таким образом, постановления и решения как союзного, так и республиканского уровней 1946 г. на территории Чаусского района выполнялись вплоть до 1952 г. В принципе работы были произведены в полном объеме. В середине 1950-х гг. было

завершено то, что не смогли решить ранее отстающие в плане перезахоронения некоторые сельские советы. С 1960-х гг. вопросы о массовом перезахоронении были закрыты, основное внимание уделялось юридическим оформлением (паспортизации) воинских захоронений и их благоустройству, в том числе и установке не временных, а фундаментальных памятников.

Отличительной особенностью документов заседаний Чаусского исполкома является отсутствие статистических данных количества воинских захоронений в разный период времени. Тем не менее контрольные цифры в отчетных документах Могилевской области имеются: 1949 г. – 108 воинских захоронений, 1 января 1950 г. – 220, 1 сентября 1950 г. – 176, 20 декабря 1950 г. – 62, 1952 г. – 55, 1967 г. – 52, 1986 г. – 104, 2017 г. – 66.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Управление по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mil.by/ru/forces/structure/nach_guir/upzovjv. – Дата доступа: 12.11.2019.
2. Геаграфічна-статыстычны слоўнік Магілёўскай вобласці : у 3 т. / аўт.-уклад. І. М. Шаруха ; распрац. картаграф. матэрыялаў Н. Б. Тупіцына. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2012. – Т. 1 : А–Ж. – 220 с.
3. Государственный архив общественных объединений Могилевской области. – Ф. 4317. Оп. 11. Д. 36. Л. 18–21, 30, 40.
4. Государственный архив Могилевской области (далее – ГАМО). – Ф. 7. Оп. 3. Д. 1. Л. 37 – 39.
5. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 62. Д. 151. Лл. 101–107.
6. ГАМО. – Ф. 7. Оп. 3. Д. 11. Л. 227–233, 264.
7. ГАМО. – Ф. 7. Оп. 19. Д. 7. Л. 92.
8. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 4. Д. 3189. Л. 125.
9. Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941 – 2008 гг. Документы и материалы / редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2008.

10. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Магілёўская вобласць (АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэд. кал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Сав. Энциклапедыя, 1986. – 408 с.
11. Каталог воинских захоронений на территории Беларуси. Могилевская область. – Минск : СтройМедиаПроект, 2017. – 500 с.
12. НАРБ. – Ф.7. Оп. 4. Д. 3197. Л. 284.
13. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 4 июня 2014 г. № 534 “Об утверждении Государственной программы на 2015–2020 годы по увековечению погибших при защите Отечества и сохранению памяти о жертвах войн” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21400534>. – Дата доступа: 09.04.2017 г.
14. ГАМО. – Ф. 1894. Оп. 3. Д. 3. Л. 70.
15. ГАМО. – Ф. 1894. Оп. 3. Д. 5. Л. 103.
16. ГАМО. – Ф. 1894. Оп. 3. Д. 7. Л. 81.
17. ГАМО. – Ф. 1894. Оп. 3. Д. 12. Л. 65–66.
18. ГАМО. – Ф. 1894. Оп. 3. Д. 16. Л. 67.
19. ГАМО. – Ф. 1894. Оп. 3. Д. 29. Л. 78–81.
20. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 4. Д. 588. Л. 226–230.
21. ГАМО. – Ф. 1894. Оп. 3. Д. 97. Л. 121–123.
22. ГАМО. – Ф. 1894. Оп. 3. Д. 123. Л. 37–38.
23. ГАМО. – Ф. 1894. Оп. 3. Д. 138. Л. 71.
24. ГАМО. – Ф. 458. Оп. 1. Д. 2.
25. ГАМО. – Ф. 458. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–2, 6–11, 13–16, 22.
26. ГАМО. – Ф. 458. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–4.
27. ГАМО. – Ф. 1894. Оп. 3. Д. 135. Л. 143.

Поступила в редакцию 30.12.2019 г.
Контакты: +375 29 714 53 86
(Корсак Алеся Иосифовна)

Korsak A.I. STATE POLICY OF IMMORTALIZING THE MEMORY OF THOSE WHO DIED IN 1941–1944 IN CHAUSSY DISTRICT OF MOGILEV REGION (1944–2000).

Regarding the data of the Chaussy district of the Mogilev region, the author considers the activities of local authorities in the implementation of state policy to immortalize the memory of the fallen soldiers of the Red (Soviet) Army and partisans during the Great Patriotic War as well as the places of mass destruction since 1944 till 2000s.

The factual material summarized by the author is presented on the basis of the archival documents of the National Archive of the Republic of Belarus, the State Archive of the Mogilev region, the State Archive of Public Organizations of the Mogilev region, the main part of which is introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: military graves, mass grave, individual grave, memorialization, Chaussy district, Mogilev region.

УДК 14 + 37.01

ФИЛОСОФСКИЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НОВОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

М. И. Вишнеvский

доктор философских наук, профессор
Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова

Педагогика как прикладная философия призвана совместно реализовывать принципы свободы и детерминизма. Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса показывает возможность практической реализации их единства, связывая ее с непрерывностью нравственного образования личности.

Ключевые слова: свобода, детерминизм, теория коммуникативного действия.

Происходящие в современном мире разноплановые изменения имеют существенные социально-философские и образовательные аспекты и сказываются на утверждающемся новом облике рациональности. Традиционная и вместе с тем непреходящая новизна социально-культурной миссии образования состоит в том, чтобы обеспечивать единство таких ключевых функций, как преемственность и обновление, сохранение и преобразование культуры. Широта и основательность этих функций позволила в свое время С.И. Гессену охарактеризовать педагогику как прикладную философию [1], поскольку философия изначально имеет образовательную направленность и по существу предназначена для формирующего воздействия на мировоззрение образующейся личности. В наши дни требуется заново осмыслить и место философии в культуре, и теоретико-мировоззренческие ориентиры образования.

В духовной жизни западного общества, в которое мы по необходимости интегрированы, давно уже по-хозяйски расположился постмодернизм, характеризующийся отказом от строго рационалистического теоретического мировоззренческого наследия и от соответствующего ему стиля мыш-

ления. Во многом под влиянием постмодернизма культ разума, отличающий эпоху модерна, сменился повышенным вниманием к бессознательному и хаотическому в нашем бытии, к безличным структурам социальной действительности. Действуя в рамках этих структур, отдельный человек уже не воспринимает себя свободным и ответственным субъектом жизненного процесса. Скорее он является, с точки зрения постмодернизма, всего лишь функцией соответствующей дискурсивной практики или индивидуализированным выражением того места, которое он, в силу разных преходящих обстоятельств, занимает на пересечении силовых линий существующей социально-культурной формации.

Для педагогической теории и практики плодотворность таких подходов к человеку и его социальному бытию представляется весьма сомнительной. Конечно, нынешняя жизнь весьма сложна, и уже в школе нужно готовить учеников к встрече с этой усиливающейся и обостряющейся сложностью. Для ребенка, получающего образование, как отмечал С.И. Гессен, культура выступает внешней данностью, которую ему нужно освоить или освоиться в ней [1]. Понятие личности, по убеждению данного автора, в сущности совпадает с понятием свободы, личность же обретается только через работу над сверхличными задачами, возникающими во всех сферах культуры и побуждающими человека к росту, свободному творческому развитию.

Подлинным вызовом для педагогики должна была бы стать необходимость совместного использования в ней двух весьма несходных принципов анализа человеческого опыта – принципа свободы и принципа детерминизма [2, с. 141]. Однако многие исследователи лишь по касательной затрагивают или вовсе обходят стороной эту проблему. Например, когда разработчики современных педагогических концепций делают акцент на личностно-ориентированные технологии образовательного процесса, они, вне всяких сомнений, подразумевают высокую ценность конструктивной свободной самореализации образующейся личности, призванной быть подлинным субъек-

ектом деятельности. Но свобода, если ее рассматривать абстрактно, противоположна внешней детерминации, детали которой обычно раскрываются с использованием понятий системы, структуры, функции и соответствующих технологий. Можно, однако, полагать, что умозрительная противоположность свободы и внешней детерминации в реальной жизни преобразуется в более или менее тесное единство, с трудом поддающееся, правда, отчетливой и исчерпывающей теоретической экспликации.

Для иллюстрации характера и значения данного единства можно обратиться к разработкам П. Бурдые концепции габитуса [3]. Она, как известно, направлена на преодоление антиномического истолкования детерминизма и свободы, обусловленности наших действий окружающей средой и проявляемой нами изобретательности, а также абстрактного противопоставления сознательного и бессознательного в человеческом бытии. Согласно Бурдые, выработка у человека определенного габитуса, или практического чутья, позволяет ему целесообразно и находчиво, как бы свободно действовать в самых различных ситуациях, даже не ставя при этом перед собой отчетливо осознаваемую цель и не придерживаясь явно сформулированного плана. Конечно, предпосылками габитуса являются разнообразные знания, приобретенный опыт, которые обеспечивают, так сказать, практическую разумность, или умение жить, успешно решать разнообразные повседневные проблемы, а не просто красиво рассуждать. Деятельность образования тоже нацелена не только на развитие сознания и неразрывно связанного с ним понятийно-логического мышления, но и на формирование конструктивных привычек, стереотипов, практических установок, нравственных устоев общественной жизни. Более того, образовательная деятельность ориентирована на сочетание успешной адаптации человека к требованиям реальной жизненной ситуации со способностью вырабатывать и осуществлять нестандартные решения, творить значимое новое, продуктивно включаться в процесс культуротворчества.

Данные положения можно проиллюстрировать на примере актуализирован-

шейся в наши дни проблемы инклюзивного образования. Здесь вопрос о человеческой свободе обретает новое звучание. Специалисты констатируют, что в разных странах возрастает численность детей с особенностями психофизического развития (ОПФР), отчасти вследствие того, что теперь учитывают и те категории детей, на которые раньше не обращали особого внимания (например, на детей с аутизмом). Конечно, для помощи семьям, в которых воспитываются дети с ОПФР, давно уже существуют учреждения системы специального образования, реализующие соответствующие тщательно разработанные методики. Вместе с тем активно обсуждается и довольно последовательно реализуется на практике возможность обучения и воспитания очень многих таких детей в обычных общеобразовательных учреждениях. В 2015 г. в Республике Беларусь была принята Концепция развития инклюзивного образования [4]. В соответствии с данной Концепцией инклюзивное образование понимается как обучение и воспитание, при котором обеспечивается наиболее полное включение в совместный образовательный процесс обучающихся с разными образовательными потребностями, в том числе лиц с ОПФР, посредством создания условий, учитывающих индивидуальные потребности, способности, познавательные возможности обучающихся. Выбор в пользу учреждений системы специального образования или же в пользу инклюзивного образования осуществляют сами родители, которые при этом обязательно консультируются с профильными специалистами. Возможность такого выбора, с одной стороны, расширяет поле человеческой свободы, а с другой – предъявляет новые, более высокие требования к общей культуре межличностной коммуникации, к способности и детей, и взрослых терпимо относиться к индивидуальным особенностям и потребностям, налаживать совместное бытие на основе взаимопомощи и в достойных и уважительных формах. Благодаря реализации данного требования общество в целом должно становиться более гуманным и толерантным. От педагогов эти новые обстоятельства требуют особого уровня профессионализма,

которого, увы, часто недостает, а также небольших творческих усилий.

Педагогика как наука, раскрывающая закономерности образовательной деятельности, имеет, как принято считать, одним из основных предназначений проектирование и формирование изменений, происходящих в личности в процессе образования. Подобное проектирование и реализацию намеченного с помощью соответствующих педагогических технологий бывает непросто концептуально согласовать с принципом свободы. В свое время И. Берлин убедительно писал о том, что идея совершенного мира, в котором все хорошее гармонично сосуществует, не только неосуществима, но и внутренне противоречива; гордыня же всезнания чревата антигуманизмом, насильем, террором [5].

Неустрашимая противоречивость человеческого бытия, соединяющего стремление к свободе с подчинением диктату необходимости, глубоко проникает в педагогическую теорию и практику и побуждает к основательному философско-мировоззренческому осмыслению возникающих здесь проблем. Если педагогика – это наука, отвечающая критериям позитивности знания, то ее гуманистические и свободолобивые устремления нужно как-то согласовать с общей ориентацией на установление точных фактов и описывающих их закономерностей, на обеспечение технологичности предлагаемых решений. Здесь оказывается особенно востребованной не только исследовательская искусственность, но и философская мудрость, помогающая найти способы понятийно-логического соединения тех существенных противоположностей, которые в жизни действуют совместно, и абстрагироваться от одной из них в пользу другой неверно по сути дела.

В свое время переход к массовому образованию привел к разработке педагогических технологий, в соответствии с которыми работа учителя, ученика и школы в целом была поставлена под постоянный и всеохватный контроль, направленный на обеспечение нормативного качества образовательной деятельности и соблюдение формальных требований к ее организации

и результативности. Этот формализм может сочетаться с призывами к новаторству, к личностной ориентированности образования и т. д., но ясно, что за ним скрывается утвердившаяся в течение последних столетий научно-техническая рациональность механистического толка, характеризующая, как принято говорить, проект модерна. Данный проект утвердился и обрел статус почти непререкаемой истины в Новое время, когда западное общество встало на путь техногенного развития. В его основу было положено открытие законов природы с помощью экспериментально-математической науки и осуществляемое все более широким фронтом использование получаемых знаний для ограничиваемого лишь практической целесообразностью технико-технологического прогресса.

В философии проект модерна воплотился в череде выдающихся в своем роде концепций, имеющих гносеологическую основу и акцентирующих внимание на постижении человеком как познающим субъектом мира окружающих его объектов и их подчинении человеческой воле благодаря познанию законов, которым эти объекты подчинены. Разумность, рациональность стала сближаться с достоверностью и точностью знаний о реально существующих объектах и способностью решать с помощью этих знаний разнообразные практические и новые познавательные проблемы. Образцом такой рациональности была классическая механика, которая позволяла не только рассчитывать движение небесных тел, но и создавать множество полезных механизмов и соответствующих технологий. Тем самым значительно повышалась результативность человеческой деятельности, обеспечивалось растущее господство человека над природой и создавались новые институты экономической и политической власти. Философы Франкфуртской школы, оппонировавшие позитивистам и неопозитивистам, характеризуют такую рациональность как калькулирующую, или инструментальную. В ней они усматривают базовое содержание проекта модерна и показывают затем, как практическая реализация данного проекта породила не только небывалые успехи,

но и столь же небывалые проблемы, имеющие характер общественной патологии.

Но если философы-постмодернисты усмотрели в этом кризис разума в целом, то для философов Франкфуртской школы вопрос состоит в том, как преодолеть ограниченность механистической в своей сущности инструментальной рациональности, которая действительно во многом исчерпала свой конструктивный ресурс. Показательно, что в наши дни осознание устарелости абсолютизации инструментальной рациональности охватывает не только область теоретических исследований, но и различные сферы практической деятельности. Возникают и получают все более широкое распространение организации нового типа, в которых сводится к минимуму детальное регламентирование деятельности, преодолеваются жесткое разграничение функций, выполняемых отдельными работниками, и соответствующая этому строгая иерархичность взаимоотношений между людьми и подразделениями. Такие организации существуют уже в различных отраслях материального производства, в сферах обслуживания, социального обеспечения, образования и др. [6].

Реальная практика функционирования подобных организаций показывает возможность осуществления эффективной мотивации к сотрудничеству, свободной от жесткой конкуренции, взаимного недоверия и подозрительности, постоянного страха перед наказанием или карьерным “падением”. Имеется уже немалый опыт такой организации деятельности людей, которая основана на доверии к их честности, трудолюбию, стремлении к самосовершенствованию, способности к согласованию своих базовых ценностей и доброжелательной кооперации усилий, а также совместной ответственности за результаты их труда. В аннотации к работе Ф. Лалу “Открывая организации будущего” утверждается, что привычные навыки жестко иерархизованного и формализованного управления “безнадёжно устарели. Традиционные рецепты, предлагаемые книгами по организационному развитию, являются частью проблемы, а не ее решением” [6]. По суще-

ству, речь идет о радикальной гуманизации и отказе от безраздельного доминирования инструментальной рациональности в деятельности различных организаций, в том числе и относящихся к области образования. Этим не отменяется разумное планирование и управление, которое подчиняется, однако, более высокой интегральной цели раскрепощения человека и ориентировано на новое, более плодотворное понимание рациональности.

Это новое понимание рациональности давно уже разрабатывается Ю. Хабермасом в рамках его теории коммуникативного действия. Вопреки критикам проекта модерна он утверждает, что данный проект, по существу, не завершен, и проблемы современного этапа общественного развития связаны не с избытком разума, а с недостаточностью тех особых его форм, которые оставались в тени в условиях господства и в теории, и на практике идей инструментальной рациональности. Инструментальные действия направлены на достижение определенных практических целей и используют для этого технические правила, в идеале основанные на надежно удостоверенном научном знании. Коммуникативные же действия ориентированы не на внешний успех, а на установление взаимопонимания между людьми, и регулируются они совместно принятыми нормами, определяющими общие поведенческие ожидания субъектов. Взаимопонимание здесь достигается посредством аргументации (дискурса), нацеленной на консенсус, свободный от чьего-либо господства.

В отличие от подчинения властному указанию или даже от компромисса, часто имеющего для его сторон неординарные основания, к консенсусу невозможно принудить. Путь к консенсусу пролегает через равноправную дискуссию, которая требует признания ее участников разумными и ответственными существами, имеющими право на собственную точку зрения и притязаниями на то, чтобы быть услышанными и правильно понятыми. Различая инструментальную и коммуникативную рациональность, Хабермас показывает, что в Новое время они вступают в постоянно обостря-

ощее противоречие. Оно выражается в противостоянии, с одной стороны, реализующих инструментальную рациональность социальных структур, регулируемых через деньги и власть, и, с другой стороны, “жизненного мира” людей, или повседневного взаимодействия, в котором люди устанавливают консенсус и разделяют, благодаря этому, одни и те же смыслы, осуществляют социализацию. Жизненный мир, по Хабермасу, имеет признаки интуитивного целостного знания, включающего невысказанные предпосылки, намерения, навыки, способствующие приобщению к социальной жизни [7, с. 336]. Вследствие расширяющегося бюрократического регулирования повседневной жизни людей, безмерного возрастания власти денег и ее слияния с политической властью происходит постепенный захват жизненного мира инструментальной рациональностью. Это порождает новые многочисленные конфликты и создает проблемы не столько социально-классового, сколько социально-психологического характера, опасные для самих общественных систем инструментального действия, которые нередко противоречат друг другу и становятся в итоге все менее эффективными. Важно то, что “деньги и власть несовместимы со смыслом и солидарностью”, которые “нельзя ни купить, ни заставить силой слушать себе” [7, с. 372].

Казалось бы, моральные требования имеют силу принуждения и поэтому не могут рассматриваться как проявления человеческой свободы. Вместе с тем признание правомерности нравственного должностояния является результатом свободного выбора, основанного на убедительной аргументации: “Если мы должны что-то сделать, значит, мы имеем основание сделать это” [8, с. 76]. Универсальность моральной нормы не может быть реально достигнута без ее обсуждения, без аргументированной дискуссии, которая, с одной стороны, ведет к осознанной согласованности убеждений, а с другой – предотвращает навязывание одними людьми другим своих представлений о должном, нравственно правильном. Существует ряд ступеней морального суждения, выступающих в качестве последовательных

приближений к структурам беспристрастного или справедливого рассмотрения нравственных коллизий. Переход от одной ступени к другой выступает как своего рода обучение, ведущее к тому, что образующаяся, взрослеющая личность перестраивает свои познавательные структуры в направлении, которое обеспечивает все более эффективное достижение консенсуса в процессе улаживания случающихся конфликтов и в целом более ответственное отношение к решению жизненных проблем.

Все это в принципе соответствует идее демократического правового государства, формы управления жизнью которого претендуют на разумность и убедительность. Однако дифференциация институционализированной общественной системы невероятно усложняет жизненный мир, налагает на него все более плотную и запутанную сеть формальных регуляций и ведет к искажению нормальной человеческой коммуникации. Многие нормы жизни современного общества устанавливаются помимо дискурса через разные государственные институты и, будучи порой плохо согласованными между собой и непонятными людям, навязываются им просто как данность. В этих условиях призвание философии, по Хабермасу, состоит в том, чтобы возглавить борьбу за коммуникативность нашего жизненного мира, за отстаивание и развитие права и способности людей вести разностороннее обсуждение и достигать осмысленного консенсуса по всем жизненно важным вопросам, то есть быть свободными и сознательными субъектами своего жизненного процесса. Свобода эта не исчерпывается, конечно, простой осведомленностью относительно законов бытия, однако она не может быть достигнута и вне образования и самообразования, которые в норме осуществляются на протяжении всей сознательной жизни человека.

Философия коммуникативного действия отказывается от претензий на абсолютную истину, от жестких схем логического вывода, которые нередко моделируют насилье над нашим мышлением и здравым смыслом. Призвание философии скорее видится здесь в том, чтобы быть посредником между

повседневными практиками и многообразием специализированных видов деятельности с их сложными системами знаний и норм. Выступая в этих новых условиях хранителем рациональности, философия призвана ориентировать на поиск согласия путем обсуждения возникающих проблем на основе уважения человеческого достоинства и доверия к человеческому разуму. Тем самым открывается путь согласования принципов свободы и детерминизма, который хотя и не сулит быстрых и легких решений, однако позволяет избежать многих тягостных или даже трагических ошибок.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Гессен, С. И.** Основы педагогики. Введение в прикладную философию / С. И. Гессен. – М. : Школа-Пресс, 1995. – 448 с.
2. Национальная философия в глобальном мире : тезисы Первого белорусского философского конгресса. – Минск : Беларус. навука, 2017. – 765 с.
3. **Бурдые, П.** Начала / П. Бурдые. – М. : Socio-Logos, 1994. – 288 с.
4. Концепция развития инклюзивного образования лиц с особенностями психофизического развития в Республике Беларусь // Специальная адукацыя. – 2015. – № 5. – С. 3–10.
5. **Берлин, И.** Философия свободы. Европа / И. Берлин. – М. : Новое литературное обозрение, 2001. – 448 с.
6. **Лалу, Ф.** Открывая организации будущего / Ф. Лалу. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016.
7. **Хабермас, Ю.** Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – М. : Весь Мир, 2003. – 416 с.
8. **Хабермас, Ю.** Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2001. – 380 с.

Поступила в редакцию 20.09.2019 г.

Контакты: +375 222 28 36 36

(Вишневский Михаил Иванович)

Vishnevsky M. PHILOSOPHICAL AND EDUCATIONAL ASPECTS OF THE NEW RATIONALITY.

Pedagogy as applied philosophy is called upon to jointly implement the principles of freedom and determinism. The theory of the communicative action by J. Habermas shows the possibility of the practical implementation of their unity, linking it with the continuity of the moral education of the individual.

Keywords: *freedom, determinism, theory of communicative action.*

УДК 1 (476) (091) + 2 (476)

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ И ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ ХРИСТИАН ВЕРЫ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ В ВОСТОЧНОЙ БЕЛАРУСИ В 2000-е гг.

В. В. Старостенко

кандидат философских наук,
профессор кафедры философии
Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова

Статья содержит материалы исследования состояния и специфики структурирования пятидесятников – Христиан веры евангельской в современной восточной Беларуси в период 2000–2017-х гг. в контексте регионального и республиканского конфессионального пространства. На основе широкого статистического материала показана динамика регионального развития конфессии.

Ключевые слова: религия, конфессия, пятидесятники, Христиане веры евангельской, восточная Беларусь, религиозная община.

Введение

В конфессиональном пространстве современной Беларуси по численности вероисповедных направлений наиболее широко представлен неопротестантизм, его пятидесятнический сегмент образуют Христиане веры евангельской (ХВЕ), Христиане веры апостольской и Христиане полного Евангелия. ХВЕ – наиболее распространенная институциональная форма пятидесятничества, основное направление протестантизма и неопротестантизма в Беларуси, получившее значительное развитие в постсоветский период посредством эффективной миссионерской деятельности, в том числе широкого содействия со стороны зарубежных единоверцев [1; 2].

Общины ХВЕ легально действовали в Беларуси еще в период БССР, в конце 1980-х гг. 39 из них признавались официально и составляли четвертую по численности конфессию, уступая Белорусской православной церкви (БПЦ), Евангельским христианам

баптистам и Римско-католической церкви (РКЦ). Конфессиональная ситуация в стране кардинально изменяется в условиях “религиозно-церковного ренессанса” на рубеже 1980-х – 1990-х гг. Новыми возможностями вероисповедной свободы воспользовались все наличные конфессиональные направления, в том числе признаваемые “традиционными”, но прежде всего новые реформационные течения, объединяемые понятием “неопротестантизм” – пятидесятники, баптисты, адвентисты и др.

Основная часть

Наиболее интенсивный период религиозно-церковного развития в современной Беларуси пришелся на 1990-е гг. Неопротестантизм тогда являлся наиболее динамичным конфессиональным конгломератом в Республике Беларусь, а ХВЕ имели один из самых высоких показателей количественного роста. Численность общин этой конфессии в 1988–1991 гг. увеличилась на 107, в 1991–1994 гг. – на 69, в 1994–1997 гг. – на 117, в 1997–2000 гг. – на 111. В 1990 г. ХВЕ стали третьей конфессией (после БПЦ и РКЦ), а в 1999 г. – второй конфессией в республике по числу общин, уступая только БПЦ. В 2000-х гг. на динамику развития оказал влияние ряд факторов, в том числе модернизация законодательства, регламентирующего порядок создания и деятельности религиозных общин и их объединений, включая организацию миссионерского служения. Если в 1991–2001 гг. рост составил 324 общины, то в 2000–2017 гг. – 74. В общем объеме религиозных организаций республики доля ХВЕ за этот период увеличилась с 5,1% в 1988 г. до 17,8% (2001 г.), но в дальнейшем сократилась до 16,1% (2010 г.) и 15,6% в 2017 г.

На начало 2017 г. в восточной Беларуси (Гомельской, Могилевской и Витебской областях) действовало 165 общин ХВЕ [3, с. 177–178], что составляло около 13% от региональной численности общин всех религий (1254) [4, с. 91; 5, с. 176] и около 32% от республиканской численности ХВЕ (521 община). Наибольшее число общин в регионе расположено в Гомельской области (73); в Витебской – 51, в Могилевской области –

41 [таблица 1]. При этом ХВЕ – одно из двух, наряду с БПЦ, религиозных объединений страны, общины которых представлены во всех 63 районах областей восточной Беларуси, а также всех административных районах страны. Наибольшее количество общин работало в г. Гомеле (8), Петриковском (8), Светлогорском (6), Жлобинском (6) и Буда-Кошелевском (5) районах Гомельской области, г. Витебске и Витебском районе (5), Лепельском (7) и Оршанском (6) районах Витебской области, г. Могилеве (7) и Бобруйском районе (6) Могилевской области. Причем на Гомельщине в сравнении с другими областями восточной Беларуси общины ХВЕ образуют наибольший сегмент

(17%) в общем объеме общин всех конфессий области, составляют 44% от числа общин ХВЕ в восточной Беларуси и 14% от республиканской численности общин конфессии [таблица 2].

По состоянию на 1 января 2017 г. общины официально располагали 78 культовыми зданиями (6 – в Гомельской, 38 – в Витебской и 34 – в Могилевской областях) из 244 в республике в целом, 2 находились в стадии строительства. В общинах региона священнические обязанности выполняли 139 пасторов (63 – в Гомельской, 39 – в Витебской и 37 – в Могилевской областях) из 487 в республике в целом.

Таблица 1 – Общины ХВЕ в восточной Беларуси в 2000-е гг.

Регион	Количество общин																	
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Витебская область	44	49	53	53	53	48	49	49	49	51	51	51	51	51	51	51	51	51
Гомельская область	53	60	64	65	67	65	67	68	68	68	69	70	70	71	73	73	73	73
Могилевская область	31	33	33	36	33	36	37	37	38	39	40	41	41	41	41	41	41	41
Восточная Беларусь	128	142	150	154	153	149	153	154	155	158	160	162	162	163	165	165	165	165
По республике	443	470	491	492	494	482	488	493	494	500	501	505	512	517	520	522	524	521

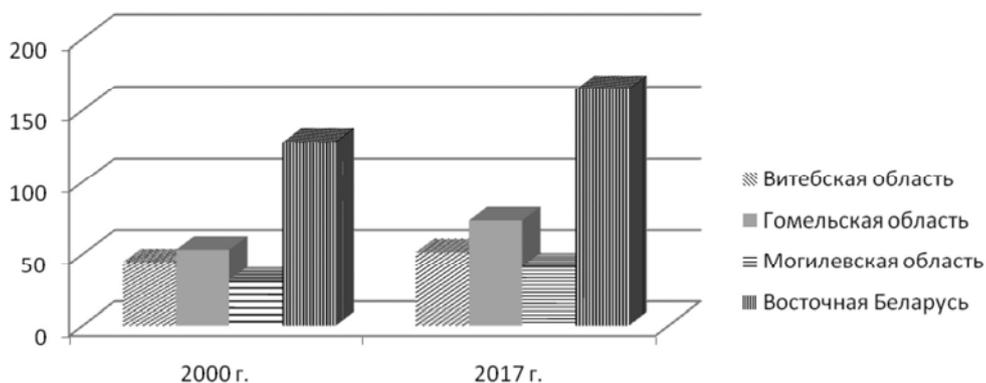
Большинство общин ХВЕ региона входят в состав трех местных религиозных объединений: Объединения христиан веры евангельской в Витебской области (епископ – Павел Алексеевич Чиникайло), Объединения христиан веры евангельской в Гомельской области (епископ – Василий Васильевич Завадский) и Объединения христиан веры евангельской в Могилевской области (епископ – Александр Иванович Гулько). Местные религиозные объединения областей республики, в свою очередь, образуют республиканское религиозное объединение – Объединенную Церковь христиан

веры евангельской в Республике Беларусь. Свое современное название Объединенная Церковь приобрела в 2007 г. в результате переименования первоначального Союза христиан веры евангельской, созданного на минской конференции представителей церквей (общин) ХВЕ в 1989 г. Часть общин ХВЕ в Объединенную Церковь не входит и пользуется автономным статусом. Епископом Объединенной Церкви ХВЕ в Беларуси до 2014 г. являлся Сергей Сергеевич Хомич, с марта 2014 г. – Сергей Павлович Цвор, переизбранный на Республиканском Совете объединения в 2018 г. [6].

Таблица 2 – Общины ХВЕ в восточной Беларуси в 2000-е гг.

Регион	2000 г.				2008 г.				2017 г.						
	количество общин ХВЕ	количество общин всех конфессий	доля общин ХВЕ от количества общин всех конфессий, %	доля от числа общин ХВЕ в восточной Беларуси, %	доля от республиканской численности общин ХВЕ, %	количество общин ХВЕ	количество общин всех конфессий	доля общин ХВЕ от количества общин всех конфессий, %	доля от числа общин ХВЕ в восточной Беларуси, %	доля от республиканской численности общин ХВЕ, %	количество общин ХВЕ	количество общин всех конфессий	доля общин ХВЕ от количества общин всех конфессий, %	доля от числа общин ХВЕ в восточной Беларуси, %	доля от республиканской численности общин ХВЕ, %
Витебская область	44	363	12,1	34,4	9,9	49	498	9,8	31,7	9,9	51	546	9,3	30,9	9,8
Гомельская область	53	288	18,4	41,4	12,0	68	354	19,2	43,9	13,8	73	419	17,4	44,2	14,0
Могилевская область	31	170	18,2	24,2	7,0	38	245	15,5	24,5	7,7	41	289	14,2	24,8	7,9
Восточная Беларусь	128	821	15,6	X	28,9	155	1097	14,1	X	31,4	165	1254	13,2	X	31,7
Республика Беларусь	443	2516	17,6	X	X	494	3003	16,5	X	X	521	3337	15,6	X	X

Диаграмма 1 – Общины ХВЕ в восточной Беларуси в 2000 и 2017 гг.

Объединенная Церковь ХВЕ имеет два духовных учебных заведения – Библейский колледж Христос для народов (1995) [7] и Теологический институт (1996). Обучение в высшем духовном учебном заведении – Теологическом институте (ректор – Сергей Сергеевич Поднюк) по специальностям “преподаватель богословия”, “церковный служитель”, “регент церковного хора”, “работник христианского реабилитационного центра” ведется на факультете богословия, отделении обучения и подготовки, отделении социальной работы, музыкальном отделении. На базе института действует Миссионерская школа [8]. Печатным органом объединения является публикуемый издательством “Ковчег спасения” с 1996 г. журнал “Благодать”.

Организационному строительству ХВЕ в восточной Беларуси 2000-х гг. свойственна относительная устойчивость. Если в 2000 г. насчитывались 128 общин, в 2008 г. – 155, то в 2017 г. – 165. В 2004 г. в связи с процессом перерегистрации религиозных организаций по требованию нового закона “О свободе совести и религиозных организаций” 2002 г. в регионе произошло сокращение на четыре общины, но оно было компенсировано уже в 2006 г. Наибольший рост в период 2000-х гг. – на 20 общин – произошел в Гомельской области, на 10 – в Могилевской, на 7 – в Витебской [таблица 2]. Витебщина остается единственной областью в восточной Беларуси, где ХВЕ уступает по численности общин не только БПЦ, но и РКЦ [9, с. 172–173; 10, с. 175; 11, с. 65–67]

С точки зрения регионального измерения в условиях перманентного роста численности религиозных организаций конфессиональных конкурентов, прежде всего БПЦ [12, с. 330–331], доля общин ХВЕ восточной Беларуси в общей совокупности общин всех конфессий региона сократилась с 15,6% (2000 г.) до 14,1% (2008 г.) и 13,2% в 2017 г. В том числе в Витебской области в 2000–2017 гг. с 12,1% до 9,3%, в Могилевской – с 18,2% до 14,2%, менее всего в Гомельской – с 18,4% до 17,4%.

Иная тенденция наблюдается в динамике доли общин ХВЕ восточной Беларуси в общем объеме организаций этой конфессии в республике: в 2000–2017 гг. она выросла с 28,9% до 31,7%, прежде всего, за счет Гомельщины (12% и 14%) и отчасти Могилевщины (рост с 7% до 7,9%), тогда как несколько сократилась на Витебщине (с 9,9% до 9,8%). Областные сегменты ХВЕ в общем объеме конфессии в восточной Беларуси изменились аналогично: увеличился на Гомельщине с 41,4% до 44,2%, на Могилевщине с 24,2% до 24,8%, а на Витебщине уменьшился с 34,4% до 30,9% [таблица 2; диаграмма 1].

Общей для конфессионального пространства современной Беларуси, включая ее восточный регион, является ситуация снижения темпов ежегодного прироста количества религиозных общин [5, с. 176]. Характерно это и для ХВЕ. В отличие от 1990-х, в 2000-х гг. наблюдается явная утрата положительной динамики роста. За период 2014–2017 гг. не было зарегистрировано ни

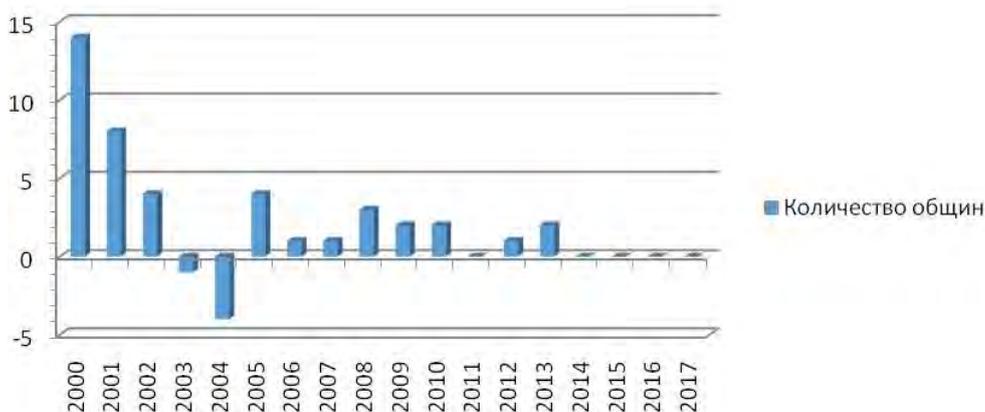
одной общины. В то же время заметно отличается ситуация в сопоставимых подпериодах 2000–2008 гг. и 2009–2017 гг.: рост на 27 общин и 7 общин соответственно [та-

блица 3; диаграмма 2]. За последние 9 лет этот рост обеспечивался главным образом за счет активности ХВЕ Гомельщины.

Таблица 3 – Количество регистрируемых по годам общин ХВЕ в восточной Беларуси в 2000-х гг.

Годы	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Количество общин	14	8	4	-1	-4	4	1	1	3	2	2	0	1	2	0	0	0	0

Диаграмма 2 – Количество регистрируемых по годам общин ХВЕ в восточной Беларуси в 2000-х гг.

Заключение

Современная структура ХВЕ в регионе восточной Беларуси представлена тремя самоуправляемыми религиозными объединениями, их территория деятельности соответствует областному административному делению данного региона. Наибольшее количество общин действует в Гомельской, наименьшее – в Могилевской области; в процентном отношении также наиболее высока областная представленность ХВЕ на Гомельщине.

ХВЕ является одной из наиболее распространенных конфессий региона, их религиозные общины действуют во всех районах восточной Беларуси. Во всех областях региона, кроме Витебской области, ХВЕ являются второй конфессией по численности общин, уступая лишь БПЦ. В то же время сохраняется значительное “отставание”

доли общин ХВЕ восточнобелорусского региона (менее 29%) от доли западной Беларуси в общереспубликанском измерении. Характерно для ХВЕ восточной Беларуси и снижение темпов ежегодного прироста количества религиозных организаций, причем эта тенденция снижения положительной динамики роста усилилась во втором десятилетии 2000-х гг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Дьяченко, О. В.* Пятидесятничество в Беларуси : монография // О. В. Дьяченко. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2003. – 188 с.
2. *Дьяченко, О. В.* Миссионерская деятельность пятидесятнической церкви в Беларуси / О. В. Дьяченко. – Могилев : Издательство МГУ им. А. А. Кулешова, 1999. – 113 с.

3. **Старостенко, В. В.** Структура протестантизма в восточном регионе современной Беларуси / В. В. Старостенко // Религия и общество – 12 : сборник научных статей / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2018. – С. 176–179.
4. **Старостенко, В. В.** Специфика конфессионального пространства восточного региона Республики Беларусь / В. В. Старостенко // Романовские чтения – 13 : сборник статей Международной научной конференции, 25–26 октября 2018 г. / под общ. ред. А. С. Мельниковой. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – С. 90–91.
5. **Старостенко, В. В.** О тенденциях конфессиональных процессов 2000-х гг. в восточном регионе Республики Беларусь / В. В. Старостенко // Раманаўскія чытанні – XI : зборнік артыкулаў Міжнароднай навуковай канферэнцыі; Магілёў, 26–27 лістапада 2015 г. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2016. – С. 176–177.
6. О нас // Объединенная Церковь Христиан Веры Евангельской в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://оцхве.бел/tserkov/>. – Дата доступа: 07.08.2019.
7. Библейский колледж Христос для народов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://biblecollege.by>. – Дата доступа: 07.08.2019.
8. Об институте // Теологический институт ХВЕ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://theology.by>. – Дата доступа: 07.08.2019.
9. **Старостенко, В. В.** К вопросу о специфике конфессиональной структуры Могилевской области в контексте религиозной жизни Беларуси (2000-е гг.) / В. В. Старостенко // Религия и общество – 11 : сборник научных статей / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2017. – С. 172–174.
10. **Старостенко, В. В.** Специфика конфессиональной структуры Витебской области в контексте религиозной жизни Республики Беларусь / В. В. Старостенко // Романовские чтения – 12 : сборник статей Международной научной конференции / под общ. ред. А. С. Мельниковой. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2017. – С. 175–176.
11. **Старостенко, В. В.** Специфика конфессиональной структуры Гомельской области в контексте религиозной жизни Республики Беларусь / В. В. Старостенко // Итоги научных исследований ученых МГУ имени А. А. Кулешова 2016 г. : материалы научно-методической конференции, 25 января – 1 февраля 2017 г. / под ред. Е. К. Сычовой. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2017. – С. 65–67.
12. **Старостенко, В. В.** Особенности региональной структуры Белорусской православной церкви в восточной Беларуси в 2000-х гг. / В. В. Старостенко // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць : зборнік навуковых артыкулаў удзельнікаў XI Міжнар. навук. канф., 20–21 чэрвеня 2019 г., г. Магілёў / уклад.: А. М. Бацюкоў, І. А. Пушкін. – Магілёў : МДУХ, 2019. – С. 329–334.

Поступила в редакцию 16.12.2019 г.

Контакты: vstarostenko@mail.ru

(Старостенко Виктор Владимирович)

Starostenko V. DYNAMICS OF THE DEVELOPMENT AND STRUCTURAL FEATURES OF EVANGELICAL FAITH IN EASTERN BELARUS DURING THE 2000s.

The article contains research materials on the status and specifics of structuring Pentecostals – Christians of the Evangelical faith in modern eastern Belarus in the period of 2000–2017 in the context of the regional and republican confessional space. Considering statistical materials, the dynamics of the regional development of the denomination is shown.

Keywords: religion, confession, Pentecostals, Christians of Evangelical Faith, eastern Belarus, religious community.

УДК 101.1:316.482(043.3)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО- ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА СЕТЕВЫХ СТРУКТУР

Ю. Л. Баньковская

доцент кафедры социально-
гуманитарных дисциплин
Белорусский государственный
аграрный технический университет

Указано, что методология исследования сетевых структур требует комплексного подхода, систематизирующего достижения разных научных направлений. Их исследование должно быть осуществлено посредством системного, синергетического и сетевого подходов, ибо сеть представляет собой самоорганизующуюся, нестабильную, хаотично изменяемую систему. Обнаруживается, что сетевые структуры являются многофункциональным, универсальным феноменом, трансформирующим сферу взаимодействия людей.

Ключевые слова: сетевые структуры, системный подход, сетевой подход, методология, система, синергетический подход.

Введение

Процессы трансформации социальной реальности вследствие превалирования и доминирования информационно-коммуникационных технологий приводят к возникновению сетевых структур. Становясь неотъемлемым фактором социального развития, они воздействуют на все феномены социальной реальности. Более того, исследование и понимание сущности современных коммуникационных процессов, происходящих в обществе, содействует возникновению новых теоретических подходов. Теоретико-методологическое изучение сетевых структур, способов их взаимодействия способствует необходимости изучения онтологических и эпистемологических оснований системного, синергетического и сетевого подходов.

Основная часть

Системный подход сложился во второй половине XX в. вследствие перехода к изучению нового типа научных проблем. Главными исследовательскими вопросами для целого ряда отраслей науки становятся проблемы организации и функционирования сложноорганизованных, проектируемых и конструированных объектов. Методологическая специфика системного подхода определяется тем, что в его рамках исследовались целостные объекты, изучались механизмы, обеспечивающие данную целостность, выявлялись различные типы взаимосвязей между ними. Таким образом, в качестве основных принципов данного подхода выступают системность объектов, их целостная многоуровневая взаимозависимость и сложноорганизованность.

Система представляет собой упорядоченную совокупность взаимосвязанных элементов, объектов и ресурсов, объединенных между собой в единое целое и, возможно, противопоставляемых среде. «Под системой понимается некоторое относительно обособленное множество элементов, организованных определенным образом, причем обособленность системы обуславливается тем, что связи между ее элементами более значимы и выражены, чем все прочие связи» [1, с. 17].

Понятие «система» взаимосвязано с понятием «структура». «Структура – совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих сохранение его основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях» [2, с. 647]. Структура предполагает упорядоченность составляющих ее элементов. В ней выражается то, что остается устойчивым, относительно неизменным при различных преобразованиях системы. Любые системы структурируются по элементам и связям, отношениям между ними. Структура не является самодостаточным образованием, поскольку во многом зависит от состава компонентов системы. Вместе с тем структура обладает относительной автономностью, оказывая значительное воздействие на элементы целостной системы. Если даже некоторые элементы системного объекта исчезают или претерпевают существенные изменения, система некоторое время способна

сохранять свою качественную определенность в тех ситуациях, когда взаимодействие ее компонентов оказывается значительно сильнее тех внешних воздействий, которые она испытывает со стороны объектов окружающей среды. Подобная ситуация возможна лишь благодаря устойчивости и стабильности внутренней структуры. И только в том случае, когда внешние воздействия оказываются сильнее внутренних взаимодействий, происходит разрушение системного образования. Таким образом, можно сделать вывод о том, что структура обеспечивает устойчивость системного объекта, взаимосвязь его с внешним миром. Тем не менее в любой системе в процессе ее функционирования происходят различные изменения, а, следовательно, структура должна рассматриваться одновременно как образование устойчивое и изменчивое.

Системный подход позволит более полно раскрыть сущность сетевых структур, ибо он ориентирован на изучение сложных, многоуровневых, постоянно развивающихся и формирующихся объектов, выявить взаимосвязи между элементами. Он является важным средством конкретизации факторов и детерминант их возникновения, способствует изучению механизмов их взаимодействия и функционирования.

Синергетика основана на идеях системности, целостности мира и научного знания о нем, нелинейности развития, единства и взаимосвязи хаоса и порядка, случайности и необходимости. В русле данной методологии развиваются и обобщаются те принципы, которые были разработаны в рамках системного подхода. Обладая большим исследовательским потенциалом при изучении процессов, происходящих в социальной реальности, синергетика ориентируется на диалог социально-гуманитарного и естественнонаучного знания.

Синергетическое видение реальности расширяет границы понимания социальной системы, которая в ее рамках рассматривается как часть развивающегося мира в единстве его микро- и макроуровней. Будучи постнеклассической и междисциплинарной, методология синергетического подхода отказывается от установок мето-

логического редукционизма. Она внутренне плюралистична, так как плюралистичен тот интегральный образ мира, который она описывает. Синергетическая парадигма, предложенная профессором Г. Хакеном в качестве метапарадигмы в отношении социальных систем, рассматривает процессы их возникновения и развития не только в историческом контексте, но также с точки зрения их самоорганизации [3, с. 16–34]. Синергетика изучает системы в процессе их развития, их переход от одного качественного состояния к другому. При этом переход может носить как характер упорядочивающего воздействия (систематизация, усложнение системы, приращение функций, движение от хаоса к порядку, от разнородности к упорядоченности и усложненности), так и обратный характер. Таким образом, для процесса функционирования системы присуща не только устойчивость и стабильность ее существования, но и некоторая степень изменчивости. Трансформация системы, ее переход в качественно иное состояние зависит от близости процесса ее функционирования к критическим точкам – так называемым точкам бифуркации. “При некотором значении A мы достигаем порога устойчивости термодинамической ветви. Обычно это критическое значение называется точкой бифуркации” [4, с. 147]. В подобной ситуации состояние системы становится весьма неустойчивым и подверженным даже самым незначительным воздействиям. В силу нелинейного характера развития открытых систем и роли случайности на определенных его этапах принципы детерминизма перестают действовать. Следовательно, если путь эволюции, который выберет система, зависит от случайных факторов, то ее поведение нельзя предсказать с достоверной определенностью. Любая система, развитие которой происходит нелинейно, неравновесно, необратимо, имеет несколько возможных аттракторов, потенциальных путей своего дальнейшего развития, опирающихся на реальный спектр конкретных существующих в системе структур, становящихся при определенных условиях центрами, заключающими в себе относительно устойчивое состояние. Наличие аттракторов предполагает многовариативность, альтернативность и необра-

тимостью эволюции системы. Неустойчивость может выступать условием стабильного и динамического развития, ибо системы, далекие от равновесия, способны спонтанно организовывать себя и развиваться.

Синергетика выявляет закономерности саморазвития систем различной природы, процессы возникновения и формирования новых систем. Она раскрывает универсальные механизмы их самоорганизации. Таким образом, объектом ее изучения становятся процессы самоструктурирования, саморегуляции сложных динамических систем. Данным системам присущи такие особенности организации, как самоподдерживаемость и самовосстанавливаемость, структуральность, эволюционность, полифункциональность элементов. Применение принципов синергетики приводит к расширению познавательных возможностей изучения механизмов взаимодействия сетевых структур, так как объектом исследования становятся процессы самоструктурирования, саморегуляции динамических систем, их возникновения, изменение и развитие.

Современная глобальная культура выстраивается на основании сетевых принципов. Для нее присущи нелинейность, ценностный и знаковый плюрализм, комбинация и артикуляция смыслов, их зависимость от аудитории, снижение значимости индивидуальности и увеличение значения принадлежности к социальной общности, утрата ценности личной жизни. Сетевая методология применяется для анализа взаимосвязей системных элементов в процессе социального взаимодействия. Ее существенной характеристикой является коммуникативный характер взаимодействия акторов. Сетевые структуры все чаще выступают в качестве объекта исследования. Сетевой подход опирается на комплекс различных социально-теоретических и прикладных разработок, изучающих сети и сетевые структуры, особенности их функционирования в социальной системе посредством широкого спектра аналитических средств.

В основании сетевого подхода находятся такие категории, как “система”, “структура”, “функция”, “элемент”, которые были разработаны и широко распространены в

рамках системного анализа. Таким образом, основание сетевой методологии было заложено представителями системного подхода, которые полагали, что “методология системного исследования предполагает решение двух взаимосвязанных задач: во-первых, изучение системных объектов как формы существования и движения реального мира, как проявление его упорядоченности; во-вторых, конструирование системы категорий, отражающей системные связи изучаемых объектов и делающей упорядоченным само познание” [5, с. 5]. Системный подход поспособствовал формированию сетевого анализа, задав ракурс рассмотрения связей и свойств сетевых элементов, форм их взаимодействия. Вектор исследования в сетевом подходе смещается с рассмотрения атрибутивных свойств элементов системы на исследование взаимосвязей и отношений между ними.

Канадский исследователь Б. Уэллман выявил следующие принципы сетевого анализа. Во-первых, исследование социальных отношений более значимо в сравнении с изучением личных качеств человека. Следовательно, социальная структура представляет собой не множество отдельных акторов, а совокупность отношений, сформированных между ними. Во-вторых, результатом наличных структурных взаимодействий является формирование норм. В-третьих, на основании взаимосвязей между элементами осуществляется прямой или опосредованный через других субъектов обмен ресурсами. В-четвертых, социальная реальность представляет собой не множество отдельных групп, а совокупность сетей. В-пятых, социальные процессы требуют разработки новой структурной методологии [6, с. 30–40].

Сеть представляет собой совокупность объектов или субъектов, обладающих определенными структурными особенностями, взаимодействующими на основании наличия между ними формальных или неформальных связей. Сеть базируется на переплетении и взаимозависимости элементов. Н.И. Бритвин полагает, что социальная сеть – это “социальная структура, состоящая из узлов / акторов (примерами узлов могут быть отдельные люди, группы людей

или сообщества), связанных между собой одним или несколькими способами (главным образом нецентрализованного типа) посредством социальных взаимоотношений” [7, с. 46]. Таким образом, для функционирования сетей присуще наличие узлов или звеньев, в качестве которых выступают объекты, субъекты или акторы, взаимодействующие между собой вследствие наличия между ними взаимосвязи, характеризующей специфику и принципы их существования.

Сетевая структура является многоуровневым образованием, основанным на поливариативном, многофункциональном, коммуникативном взаимодействии акторов. По мнению Р. Хаггинса, под сетевой структурой следует понимать “структуру, которая содержит две или более компании, которые преследуют общие цели или работают над решением общих проблем, взаимодействуя на протяжении длительного периода времени” [8, с. 112]. Мы рассматриваем сетевую структуру в качестве сложного многокомпонентного полифункционального образования, функционирующего на основании наличия взаимосвязи, взаимозависимости и кооперативного взаимодействия равнозначных акторов, содействующего решению общих задач.

Можно говорить о следующих отличительных особенностях сетевого подхода по сравнению с системным подходом. Во-первых, элементами структуры в системном подходе являются агенты, социальное значение и роль которых определяется по их функциональному положению. В сетях в качестве элемента выступает актор, который осуществляет определенную деятельность, что содействует выявлению его структурной позиции. Объектом исследования становится изучение социальных отношений, связей, узлов, в качестве которых могут выступать люди, группы, кластеры. Во-вторых, взаимодействие между элементами в сетевом подходе выстраивается по горизонтали, а не вертикали. Узловые лидеры могут меняться, выходить из состава сети, не модифицируя ее функционирование. Функции акторов являются недетерминированными, как при системном подходе, а находятся в прямой зависимости от специфики их деятельности. В-третьих, в рамках системного

подхода включенность элементов фиксируется посредством принятых в структуре стандартов и свидетельствует об их соответствии нормативным требованиям. Для сети присуща открытость, наличие постоянных изменений в составе сетевых акторов, возможность включения новых членов, релевантность и изменчивость ценностно-нормативных стандартов. Они продуцируются социальными акторами в процессе сетевого взаимодействия. В рамках системного подхода каждый структурный элемент выполняет определенные заданные ему функции, тогда как сетевой подход предполагает наличие у каждого актора присущей ему компетенции. В-четвертых, отличием сетевого подхода является детерминация взаимосвязей между элементами по отношению к их содержанию. В сети индивидуальные характеристики человека (такие, как возраст, пол, вероисповедание) имеют второстепенное значение по сравнению с социальными связями, структурирующими взаимоотношения между элементами. Значение социальных связей заключается не только в том, что они обеспечивают взаимосвязь между несколькими членами сети, но и в том, что посредством них реализуется возможность контактировать с другими ее участниками. В-пятых, отсутствие устойчивых сетевых границ, способность преодолевать пространственные, национальные, религиозные и иные барьеры содействует формированию универсальности сетевого подхода. Происходит изменение представлений о системе. Если в рамках системного подхода система рассматривалась как сложное и многоуровневое образование, имеющее пространственные границы, то для сети присуща открытость. В-шестых, при исследовании механизмов взаимодействия элементов системный подход акцентирует внимание на сами элементы, их структурную организацию, тогда как для сетевого большую значимость обретает именно характер их взаимоотношений. Результатом данного различия становится устранение иерархии, структурной соподчиненности элементов. Структурные уровни сети выстроены таким образом, что сетевые акторы являются заменяемыми. Незначительное

изменение структурных элементов позволяет сохранить целостность, направленность развития и функционирования сети, тогда как качественное нарушение сложившихся взаимосвязей приводит к ее существенной модификации. Ограниченность системной методологии проявляется в ее невозможности упразднить границы между структурными элементами и рассмотреть многомерность процессов, происходящих в мире.

Рассматривая специфику функционирования сети в фокусе синергетической методологии можно прийти к выводу о том, что основными качествами, характеризующими сетевое взаимодействие узлов, является конвергенция, синергия, контингентность, эмирджентность [9, с. 52–56]. Они воспроизводятся в процессе коммуникативных практик, результатом которых является самоорганизация сети. Сетевой подход функционирует на основании новых менеджерских связей, “которые способны работать в ситуации неопределенности, дезорганизации, хаоса, высокого риска. И, прежде всего, потому, что они способны говорить на одном и том же цифровом языке в любой точке мира с громадной скоростью и главное – в режиме диалога” [10, с. 504–505]. Кроме того, отсутствие иерархии, заключающееся в том, что даже централизованные сети вырабатывают универсальные для всех элементов социальные нормы, ценности и механизмы взаимодействия, при сохранении у акторов возможности покинуть данное образование в любой момент. Таким образом, синергетический подход предоставляет широкие возможности для изучения механизмов развития и существования сети, выявления альтернативных путей ее эволюции.

Таким образом, сетевой подход характеризуется следующими признаками. Во-первых, сущностной характеристикой сетевого общества становится формирование новой модели взаимозависимости акторов, в рамках которой преобладают горизонтальные связи и существует возможность непосредственного взаимодействия и деятельности множества субъектов. Сеть способствует установлению множества контактов, облегчающих поиск и возможность нахождения взаимосвязи с различными субъектами, базирующейся на наличии

у них знания некоторого кода, в котором проявляется специфика сети. Во-вторых, для социальной сети присущи следующие черты: взаимозаменяемость, взаимозависимость, нелинейность и полицентричность. В-третьих, человек взаимодействует со множеством сетевых структур как на уровне межличностных отношений, так и в рамках различных видов деятельности. Сети являются одним из источников получения дополнительной информации о процессах, значимых для его жизнедеятельности. Взаимодействующим элементам сетевых структур присуще наличие неустойчивых и постоянно изменяемых связей. Взаимосвязи между акторами, их сопряженность составляют основание для функционирования сети. В-четвертых, сетевые структуры можно рассматривать в качестве многоузловых образований, для которых присуще множество центров управления и координации действий, отсутствие жесткой иерархии вследствие многоначалия, наличие взаимопересекающихся интересов, содействующих формированию неформальных взаимоотношений. В-пятых, акторы рассматриваются как взаимозависимые элементы, взаимодействующие между собой на основании наличия общих материальных и нематериальных ресурсов, основным средством выявления, реализации и трансляции которых выступает информация.

Заключение

Исходя из сказанного можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в отношении исследования сетевых структур системный подход, синергетическая парадигма и сетевой подход имеют важное методологическое значение. Системный подход содействует всестороннему рассмотрению феномена “сетевые структуры”, выявлению механизмов и способов их взаимодействия, раскрытию их качественных и сущностных характеристик, поскольку он ориентирован на исследование сложных, многоуровневых, развивающихся объектов. Он рассматривает сетевые структурные элементы, исследует их взаимосвязь с другими элементами и раскрывает их значение для функционирования си-

стемы в целом.

Во-вторых, синергетический подход позволяет отнести сеть к разряду открытых саморазвивающихся сложных системных образований, представить сетевые структуры в качестве структурного элемента социальной системы. Такие свойства сетевых структур, как способность к самоорганизации и саморегулированию, неустойчивость, неравновесность свидетельствуют о необходимости их изучения посредством синергетики. В рамках данной методологии возможно исследование механизмов взаимодействия сетевых структур, неравновесный характер их функционирования, специфических особенностей их взаимосвязей со средой, возможностей формирования когерентного, согласованного взаимоотношения элементов.

В-третьих, сетевой подход охватывает все формы социального взаимодействия на микро- и макроуровне. Это универсальное направление в области исследования сетей, специфика которого заключается в том, что объектом исследования являются не индивиды или социальные группы, а связи между ними. Характер взаимоотношений и взаимосвязей определяет их качественные характеристики. Связи задают такие характеристики сети, как ее плотность или количество акторов, их однородность или однотипность, сила или степень близости, устойчивость и интенсивность контактов, транзитивность, уровень централизации или степень кластеризации элементов вокруг единого центра, замкнутость или открытость для включения новых акторов, эквивалентность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Беспалов, В. Е.** Введение в функционалистику / В. Е. Беспалов, Л. В. Сальников. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 145 с.
2. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / науч.-ред. совет: В. И. Степин [и др.] – М. : Наука, 2001. – Т. 3. – 2660 с.
3. **Хакен, Г.** Принципы работы головного мозга. Синергетический подход к активности мозга, поведению, когнитивной деятельности / Г. Хакен. – М. : PerSe, 2001. – 350 с.
4. **Пригожин, И.** Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 310 с.
5. **Каган, М. С.** Системный подход и гуманитарное знание / М. С. Каган. – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1991. – 384 с.
6. **Wellman, B.** Network Analysis : from Method and Metaphor to Theory and Substance / / B. Wellman. / Social Structures : a Network Approach / ed. by Wellman B., S.D. Berkowitz. N.Y. : Lang, 1988. – P. 19–61.
7. **Бритвин, Н. И.** Социальные сети как прообраз общественного устройства / Н. И. Бритвин // Власть. – 2008. – № 1. – С. 45–49.
8. **Haggins, R.** The Success and Failure of Policy-Implanted Iner Firm. Network Initiatives: Motivations, Processes and Structure / R. Haggins // Entrepreneurship & Regional Development. – 2000. – № 12. – P. 111–135.
9. **Аршинов, В. И.** Системы и сети в контексте парадигмы сложности / В. И. Аршинов, В. Г. Буданов // Вопросы философии. – 2017. – № 1. – С. 50–61.
10. **Кастельс, М.** Информационная эпоха : экономика, общество, культура / М. Кастельс. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

Поступила в редакцию 11.07.2019 г.

Контакты: ulia_bank@tut.by

(Баньковская Юлия Леонидовна)

Bankovskaya Y. METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF NETWORK STRUCTURES.

It is indicated that the methodology of the research of network structures requires an integrated approach which systematizes the achievements of different scientific directions. Their research should be carried out by means of systematic, synergetic and network approaches, because the network is a self-organized, unstable, randomly changing system. It is revealed that network structures are a multifunctional, universal phenomenon that transforms the sphere of human interaction.

Keywords: network structures, system approach, network approach, methodology, system, synergetic approach.

УДК 81.42:659

**ФЕЙК: АТРИБУТ РЕКЛАМНОГО
ДИСКУРСА ИЛИ СОВРЕМЕННЫЙ
МЕХАНИЗМ РЕКЛАМНОГО
КОММУНИКАТИВНО-
ИНФОРМАЦИОННОГО
ПРОСТРАНСТВА?¹**

Т. В. Солодовникова

кандидат филологических наук, доцент
Белорусский государственный
университет

Истина в том, что реклама нас не обманывает: она находится по ту сторону истинного и ложного, как мода находится по ту сторону безобразного и красивого, как современный предмет в своей функции знака находится по ту сторону полезного и бесполезного.

Ж. Бодрийар. Общество потребления

В статье предпринята попытка теоретического осмысления термина “фейк” в аспекте рекламного дискурса. Выдвигается идея о том, что рекламный дискурс – явление фейкового априори, поскольку существенные характеристики рекламного дискурса во многом коррелируют с функциональными особенностями фейков. Фейки описываются как одно из средств реализации дискурсивной стратегии, нацеленной на конструирование фиктивной реальности в тех или иных условиях. Функциональный потенциал фейков рассматривается на материале рекламных медиатекстов белорусского информационно-коммуникативного пространства.

Ключевые слова: фейк, дискурс-анализ, реклама, информационно-коммуникативное пространство, медиатекст, стратегия, манипулирование, мифологизация.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта БРФФИ № Г18МС-003 от 30 мая 2018 г. “Прагматические и структурно-семантические характеристики дискурса социальной, политической и коммерческой рекламы (на материале франко-, русско- и белорусскоязычных текстов)”

Введение

Современный мир активно вовлекается в полосу резких изменений. С одной стороны, это результат развития информационных технологий, которые становятся неотъемлемой частью большинства происходящих социальных процессов. С другой стороны, происходящая трансформация общества является следствием ускорения самих социальных процессов, которые, в свою очередь, и становятся источником изменений.

И если еще не так давно в обозримом прошлом термин “фейк” был скорее прерогативой сленговой терминологии участников различных сетевых сообществ, то сегодня явление “фейка” (“fake” – “поддельный, фальшивый, ложный, фиктивный, ненастоящий, подложный, притворный”) стало предметом медиакоммуникационных исследований и приобрело такие масштабы, что многие эксперты в условиях все более обостряющегося информационного противостояния начинают говорить о появлении в медиасфере явления “фейковой журналистики”. “Явление фейков в СМИ, – справедливо утверждает профессор С.Н. Ильченко, – характерная черта мировой журналистики, которая возникла в медиасфере исключительно тогда, когда вся система функционирования информации подверглась серьезнейшей технологической деформации, которая привела к серьезным социально-психологическим последствиям для аудитории” [1, с. 112].

Цель данной статьи, таким образом, – разобраться в онтологической сущности такого неоднозначного феномена, находящегося в последнее время на слуху как у специалистов самого различного профиля (среди которых политологи, социологи, маркетологи, журналисты, аналитики, рекламисты, лингвисты), так и у простых обывателей. Что же такое рекламный фейк: характерный признак современной рекламы, креативное решение, особая квазиреальная среда или же одна из форм девиации?

Основная часть

Наряду с современными российскими исследователями полагаем, что “современный рекламный дискурс – это инсти-

туциональный дискурс, ориентированный на продвижение товаров и услуг на рынке и в соответствии с этим в явной или неявной форме пропагандирующий ценности и установки общества потребления, а также определенный стиль жизни” [2]. Согласно Ж. Бодрийяру, это общество, в котором потребление стало главным содержанием общественной жизни, отодвинув на второй план накопление и производство. “У потребления нет пределов. Если бы оно было тем, чем его наивно считают, – поглощением-пожиранием благ, – то рано или поздно наступило бы пресыщение. <...> Потребление именно поэтому столь неистребимо, что это тотально идеалистическая практика, которая за известным порогом уже не имеет более ничего общего с удовлетворением потребностей или же с принципом реальности” [3, с. 112]. И в утверждении подобных моделей поведения рекламный дискурс сыграл далеко не последнюю роль. “Общество потребления – это также общество обучения потреблению, социальной дрессировки в потреблении, то есть новый и специфический способ социализации” [4, с. 8].

По справедливому замечанию Д.В. Драгунского, “цифровая революция сделала весьма проблематичным доказательство любого факта. Это связано как с особенностями цифрового монтажа, так и с практической необозримостью ресурсов. На каждый прюфлинк можно дать сто контр-прюфлинков, и так далее. Это открывает дотоле невиданные возможности как для злостных фальсификаций, так и для постмодернистских игр, причем разница между первым и вторым не всегда очевидна. И далее – поскольку не ясна разница между бескорыстной игрой и намеренной фальсификацией, то точно так же помаленьку стирается различие между фейком и фактом как таковыми” [5, с. 9].

Основной платформой для “фейковизации” О.С. Иссерс называет Интернет, а среди причин указывает на быструю скорость подачи контента [6, с. 118]. Никогда еще средства массовой информации не были настолько быстрыми, интерактивными и привлекательными: “Оперативность, отзывчивость и присутствие социального

взаимодействия через новые медийные каналы конституируют качественно и существенно иной опыт, чем это было возможно при помощи каналов СМИ” [7, р. 7].

В условиях общей дезориентации, “когда уже никто не знает, где искать правду” [8, с. 5], понятие истины было переосмыслено, но оно все еще присутствует “в себе, в личных переживаниях и чувствах, в субъективном суждении, в индивидуальной памяти” [9, р. 57]. Это значит, что вкусы и предпочтения пользователей в цифровой среде стали ключевой переменной в потреблении медиаконтента, потому что архитектура социальных платформ поддерживает избирательность в выборе и отслеживании информации.

В поисках истины Пьер Р. Бертон и Лейланд Ф. Питт [10, р. 1] приглашают нас в “постфактный мир – мир, в котором обоснованность чего-либо основана на том, как оно выглядит (правдоподобность), и мир – это то, чего вы хотите. А Тарлах МакКонагл, в свою очередь, отмечает, что такие понятия, как “поддельный, фейковый, ложный, обманный, мошеннический, нечестный, дутый, липовый” “стали эмоционально заряженными терминами, нацеленными на то, чтобы поставить под вопрос, вызвать пренебрежение или опровергнуть правдивость контента или его производителей” [11, р. 208].

“Стратегическое значение и хитроумие рекламы проявляются именно в следующем: она хочет дойти до каждого в его отношении к другим, в его стремлении к овеществленному социальному статусу. Реклама никогда не обращается к одинокому человеку, она рассматривает его в разнообразных отношениях, и даже тогда, когда она как будто касается его “глубинных” мотиваций, она всегда делает это зрелищно, то есть она всегда приглашает близких, группу, все иерархизированное общество в процесс восприятия и интерпретации, в начатый ею процесс производства желания” [4, с. 7]. Вероятно, по этой причине С. Бредшоу из проекта компьютерной пропаганды, выделяя базовые характеристики фейков, указывает на их конспирологический, *высокополяризованный контент, направленный на разделение людей* [12].

Бесспорно, что рекламный дискурс представляет собой специфический вид коммуникации, основной целью которой является воздействие на реципиента с определенной целью: побудить его к приобретению того или иного продукта (коммерческая реклама) или выбору того или иного типа поведения (социальная и политическая реклама). При этом отличительными чертами рекламного дискурса являются следующие: 1) наличие предметной доминанты – рекламируемого объекта или субъекта, который является внешним по отношению к адресату; 2) наличие функциональной доминанты в виде интенциональной коммуникативной установки, провоцирующей определенные действия; 3) осознанное использование определенных образов и приемов с целью реализации функциональной доминанты.

Для иллюстрации того, как фейк становится атрибутом современной рекламы, уместным представляется привести пример рекламной кампании ОАО «Аливария», продвигающей новую премиальную линейку пива Karol Jan. Ключевой фигурой данной рекламной кампании стал когда-то знаменитый, а затем позабытый широкой общественностью граф Кароль Ян Александрович Гуттен-Чапский, о личности которого именно сейчас стало очень удобно вспомнить. Будучи родовитым дворянином, крупным землевладельцем, удачливым предпринимателем и городским головой Минска с 1890 по 1901 год, он значительным образом преобразовал жизнь горожан, построив, среди прочего, городские бани, благотворительные столовые, училища, женскую гимназию, публичную библиотеку, городской театр (сегодня – театр им. Я. Купалы), электростанцию, а также провел первую телефонную станцию в 1890 г.

В рекламной компании образ графа Чапского, человека высокообразованного, начитанного, часто путешествующего, используется для создания и продвижения «элитарного» продукта – пива. При этом используется не только фото самого графа Чапского для дизайнера этикеток на бутылках, но и мифологизируются факты из его биографии, интригуя потенциального потребителя, имплицитно побуждая его к покупке.

Более того, рекламный ролик пива Karol Jan Hello Honey, равно как и оборотная сторона этикетки на бутылке, содержит очевидно сомнительную легенду, объясняющую происхождение названия представляемого продукта: проведя телефонную линию, граф Чапский впервые позвонил своей жене и сказал при этом: «Hello, Honey». Учитывая разносторонний характер личности графа, такая версия вызывает у потребителей явный скепсис [13].

Примечательно и то, что данная рекламная кампания полностью представлена на белорусском языке (и сама этикетка, и рекламный ролик, и билборды)².

Граф Кароль Чапский в 1894 г. действительно построил пивзавод «Богемия», однако два года спустя он продал его семейству Леккерт, т. е. непосредственно пивоварением граф Чапский не занимался.

Любопытные примеры фейковизации можно без труда найти, пристально изучив рекламные этикетки и на продуктах питания. Так, например, всем известно, что так называемые крабовые палочки изготавливают из искусственно обработанного рыбного белка или же, в лучшем случае, из мяса белой рыбы (во Франции, например, этот продукт носит название *surimi* – сурими), а купив банку с надписью «Икра», можно весьма удивиться, прочитав следующее: «имитированная пищевая рыбная продукция», где основной ингредиент в составе – «рыбный бульон», а не непосредственно икра [14]. Безалкогольное пиво может содержать от 0,02 до 1–1,5% этилового спирта и при этом называться безалкогольным. Немногие, однако, знают, что в состав куриного концентрата супа не входит курица, а только лишь 1% куриного жира, а обычный лимонад может и вовсе не содержать ни капли лимонного сока. Зачастую потребитель может ввести в заблуждение (в результате чего он приобретет тот или иной товар) даже само название продукта. Так, к примеру, название мороженого «Creissimo» ассоциируется с классическим мороженым из сливок и молочного жира, однако произ-

² Ввиду ограниченного объема публикации проблематика использования белорусского языка в рекламном дискурсе будет рассмотрена в отдельной статье.

водится оно из обезжиренного молока и растительного жира [15].

Еще один прием фейковизации в рекламном дискурсе связан с использованием национальных стереотипов брендинга и продвижения того или иного продукта. Так, например, многие макаронные изделия носят итальянские названия, а некоторые сыры позиционируются как французские, несмотря на то что не были произведены ни в Италии, ни во Франции. Шоколад “AlpenGold”, офисные товары “Erich Krause”, холодильники и стиральные машины “Kaiser”, обувь “Thomas Münz” являются продуктами российских компаний. Очевидно, что список подобных примеров можно расширять ежедневно.

Осмысление подобных процессов находим еще в “Мифологиях” Р. Барта, где мифологизация представляет собой двухуровневый семиотический процесс, когда знак первого уровня (слово, поступок, жест) отстраняется от контекста своего происхождения и начинает иллюстрировать другую идею. “Миф – это особый способ обращения со знаками, производство одномерного символического порядка, призванного не просто воспевать реальность, но и заставить поверить в ее “естественность”, как если она не являлась предметом предшествующей борьбы” [16]. В свою очередь, Г. Дебор и Р. Ванейгем писали о необходимости преодоления “общества спектакля” (ср. с “обществом потребления” Ж. Бодрийара. – *Т.С.*). Содержательно они близки идеям Р. Барта и Г. Маркузе.

Подобные размышления представляется необходимым дополнить мнением белорусского дискурсолога В.И. Ивченкова, полагающего, что “в современной медийной практике (а рекламный дискурс является одной из ее составляющих. – *Т.С.*) выстраиваются новые модели коммуникации, которые не вписываются в “поле действия” линейного (вербального, сегментного) текста и усложняются паравербальными, суперсегментными (креолизованными, семиотически обогащенными, поликодовыми) формами. Таким образом может создаваться иллюзия происходящего, развивается своего рода семиозис симулякров,

устанавливается симуляция действительности, расширяется объем информации, в которой мало смыслов” [17]. Ж. Бодрийар в этой связи указывал на “переход от знаков, которые скрывают нечто, к знакам, которые скрывают, что за ними нет ничего” [18, с. 15]. Американские же исследователи рекламы и маркетинга Д. Траут и Э. Райс, анализируя методы брендинга и продвижения товара, отмечали, что “основной принцип позиционирования состоит не в том, чтобы создавать нечто новое, а в манипулировании тем, что живет в умах потребителей, использовать уже имеющиеся связи” [19, с. 47].

О.С. Иссерс, анализируя явление фейков в современных дискурсивных практиках, и в частности в рекламном дискурсе, говорит о рефрейминге базовой ситуации, когда из сферы потребления она ассоциативно смещается в иные коммуникативные сферы – к межличностным отношениям, в сферу частной жизни, обыденных действий [6, с. 115]. Данный подход представляется нам некоторым методологическим упрощением, позволяющим, тем не менее, решить более частные задачи, входящие в проблемное поле исследования такого сложного конвергентного явления, как фейк. В частности, О.С. Иссерс, основываясь на представленном выше подходе, предлагает классификацию основных функций и приемов жанровых фейков в рекламном дискурсе, среди которых: блокирование неприятия рекламы, включение в контекст повседневных действий, трансляция позитивных смыслов, комплимент потребителю, эффект коммуникативной игры [6, с. 116]. Применительно к белорусской специфике представляется уместным в качестве иллюстрации привести пример рекламной компании Мегатоп, когда, как указывает О.С. Иссерс, происходит сдвиг ситуационной рамки в сферу межличностных отношений: ПАРА ЖИТЬ, ПАРА ДРУЖИТЬ, ПАРА НА РАБОТУ и т. д. [20]. Вместе с тем в таком контексте представляется невозможным осмыслить сам феномен фейковизации как разновидности мифа, искусно вписываемого в информационно-коммуникативное пространство потребителя.

Рассматривая явление фейка в пространстве рекламного дискурса, нельзя обойти стороной и еще одно направление, позволяющее несколько с другой стороны взглянуть на данный феномен. В данном случае речь идет о Фейкфестивале – это своего рода фестиваль рекламных фейков, созданный усилиями рекламистов различных сфер, главная цель которого стимулировать “чистое”, не сдерживаемое рамками творчество, а также дать возможность молодым креаторам показать свои работы будущим рекламодателям и клиентам [21]. Подобное мероприятие – Фейкфестиваль – проходит в России с 2011 г. и собирает вокруг себя все больше и больше участников, многие работы которых из фейков превращаются в реальные рекламные кампании [22]. О серьезности данного фестиваля свидетельствуют не только масштабы самого мероприятия, но и, прежде всего, состав жюри фестиваля, в котором собраны известные как зарубежные, так и российские эксперты в области коммуникационных стратегий, брендинга, дизайна, рекламы. В этой связи примечательно то, что под фейком здесь подразумеваются неприятые или незаказанные концепции рекламных роликов [21].

Заключение

Фейк в современном информационно-коммуникативном пространстве является одним из средств реализации дискурсивных стратегий, реализуемых в медиапространстве для достижения конкретной цели, известной адресанту, создающему медиатекст. Рекламный фейк, обладая своей спецификой, проявляющейся в различных подходах к его интерпретации, это медиатекст рекламного характера, содержание которого либо совсем не соответствует реальности, либо является своеобразной мозаикой из некоторых микрочастиц мира реальности и мифа. Рекламный дискурс, используя фейки, мифологизируя отдельные факты, создает для нас новую реальность, ту, которая нравится нам, ту, в которую мы хотим верить, ту, в которой мы хотим жить. “Всякое размышление о потребностях покоится на наивной антропологии: на естественной склонности к счастью. Счастье, вписанное огненными

буквами в рекламу Канарских островов или солей для ванн, – это абсолютная точка отсчета общества потребления; собственно, это эквивалент спасения” [4, с. 73].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Ильченко, С. Н.** Фейк в практике электронных СМИ: критерии достоверности [Электронный ресурс] / С. Н. Ильченко // Электронный научный журнал “МедиаСкоп”. – 2016. – Вып. 4. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2237>. – Дата доступа: 20.10.2017.
2. **Амири, Л. П.** Рекламный дискурс и рекламный текст / Л. П. Амири [и др.]. – М. : Флинта: Наука, 2011. – 294 с.
3. **Бодрийяр, Ж.** Система вещей / Ж. Бодрийяр ; перевод на русский язык и вступительная статья С. Н. Зенкина. – М., 1995. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3496>. – Дата доступа: 02.02.2019.
4. **Бодрийяр, Ж.** Общество потребления. – М. : Культурная Революция, Республика, 2006. – 272 с.
5. **Драгунский, Д. В.** Отнимать и подглядывать: [эссе] / Д. В. Драгунский. – М. : АСТ : редакция Елены Шубиной, 2014. – 378 с.
6. **Иссерс, О. С.** Медиафейки: между правдой и мистификацией / О. С. Иссерс // Коммуникативные исследования. – 2014. – № 2. – С. 112–123.
7. **Lievrouw, L. A.** The Handbook of New Media: : Social Shaping and Social Consequences of ICTs / L. A. Lievrouw, S. Livingstone. – London : Sage Publications; 2006. – 496 p.
8. **Келер, П.** Фейк: Забавнейшие фальсификации в искусстве, науке, литературе и истории / П. Келер ; пер. с нем. Т. А. Граблевской. – М. : Кучково поле, 2017. – 416 с.
9. **Zoonen, van L.** I-Pistemology: Changing Truth Claims in Popular and Political Culture / L. van Zoonen // European Journal of Communication 27(1). – 2012. – Pp. 56–67.
10. **Berthon, P. R.** Brands, Truthiness and Post-Fact Managing Brands in a Post-Rational World / P. R. Berthon, L. F. Pitt // Journal of Macromarketing. – 2018. – Pp. 1–10.

11. **McGonagle, T.** “Fake News”: False Fears or Real Concerns / Т. McGonagle // Netherlands Quarterly of Human Rights. – 2017. – Vol. 35 (4). – Pp. 203–209.
12. Oxford Study: Political Data Mining Companies are Manipulating Elections Around the World [Electronic resource]. – Mode of access: <https://therealnews.com/stories/oxford-study-political-data-mining-companies-are-manipulating-elections-around-the-world>. – Date of access: 04.11.2019.
13. Karol Jan Hello Honey – медовая новинка от Аливарии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://alex-leit.livejournal.com/1238874.html>. – Дата доступа: 04.11.2019.
14. Икра лососевая Стольная, 110 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://e-dostavka.by/search/?searchtext=%D0%B8%D0%BA%D1%80%D0%B0#/catalog/item_844424.html. – Дата доступа: 04.11.2019.
15. Германия: Unilever Deutschland GmbH: Langnese Cremissimo Schoko Moment [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://advis.ru/php/view_news.php?id=6BEAD235-DBC0-E04F-93D7-EC0AC808C763. – Дата доступа: 04.11.2019.
16. **Барт, Р.** Мифологии / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина / Р. Барт. – 3-е изд. – М. : Академический проспект, 2014. – 351 с.
17. **Ивченко, В. И.** Новые модели коммуникации и стилистические приоритеты современного медиадискурса / В. И. Ивченко // Медиалингвистика, 6 (1). – С. 135–144.
18. **Бодрийар, Ж.** Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийар ; [пер. с фр. А. Качалова]. – М. : ПОСТУМ, 2017. – 320 с.
19. **Траут, Д.** Позиционирование. Битва за умы / Д. Траут, Э. Райс. – СПб. : Питер, 2010. – 336 с.
20. МEGATOP обувь и аксессуары [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/user/TVMegator>. – Дата доступа: 04.11.2019.
21. Фейкстиваль – первый и единственный русскоязычный фестиваль креативных концепций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fakefestival.ru/about>. – Дата доступа: 04.11.2019.
22. Фейки сбываются [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://2018.fakefestival.ru/news/fejki_sbyvayutsya. – Дата доступа: 04.11.2019.

Поступила в редакцию 11.11.2019 г.

Контакты: +375 29 615 93 61

(Солодовникова Татьяна Владимировна)

Solodovnikova T. FAKE: ATTRIBUTE OF ADVERTISING DISCOURSE OR MODERN MECHANISM OF ADVERTISING INFORMATION SPACE?

The article attempts to theoretically interpret the term “fake” in the aspect of advertising discourse. The author puts forward the idea that advertising discourse is a fake phenomenon a priori, since the essential characteristics of advertising discourse are largely correlated with the functional features of fakes. Fakes are described as one of the means of implementing a discursive strategy aimed at constructing a fictitious reality in certain conditions. The functional potential of fakes is considered regarding the material of advertising media texts of the Belarusian information and communication space.

Keywords: fake, discourse analysis, advertising, information and communication space, media text, strategy, manipulation, mythologization.

УДК 821.111-32(73)

**ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ И
ПРИЕМЫ ИЗОБРАЖЕНИЯ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В США
В РОМАНЕ “АЛЫЙ ЗНАК
ДОБЛЕСТИ” И СБОРНИКЕ
РАССКАЗОВ “МАЛЕНЬКИЙ
ПОЛК” С. КРЕЙНА**

В. С. Кусковская

преподаватель кафедры мировой
литературы и иностранных языков
Полоцкий государственный
университет

В статье рассматривается военная проза США второй половины XIX ст. на примере творчества С. Крейна. Исследуется общность и взаимосвязь способов отображения трагических военных событий в романе “Алый знак доблести” и малой прозе автора на примере новеллистического цикла “Маленький полк”. Особое внимание уделяется авторскому, субъективному, оригинальному видению военных событий, способу его реализации и антивоенной тематике. Работы С. Крейна отражают ужасы войны, представляют собой предельно реалистичное, критическое и одновременно ироничное изображение человека на войне. Изучается специфический авторский взгляд на трагические военные события в США 1861–1865 гг. Военная новелла и роман писателя исследуют природу человеческого страха в экстремальной ситуации, передают опыт солдата, потрясенного братоубийственной войной, заостряя внимание на том, что война и смерть неразделимы.

Ключевые слова: гражданская война в США, американский короткий рассказ о войне, роман о войне, антивоенная литература.

Введение

Стивен Крейн (*Stephen Crane*, 1871–1900) – ярчайшая фигура американской литературы конца XIX века. Мгновенную славу писателю принес его антивоенный роман с ироничным названием “Алый знак доблести” (*The Red Badge of Courage: An Episode of the American Civil War*, 1895). Сам С. Крейн характеризовал его как слишком длинное произведение (*too long*), будучи

© Кусковская В. С., 2020

приверженцем краткой формы, сугубо национального жанра *short story* [1, p. 72–77]. После участия в боевых действиях греко-турецкой войны в качестве корреспондента писатель заявил, что с инстинктивно написанным им романом “все в порядке” [2, p. 36]. В дальнейшем же он отдавал предпочтение форме короткого рассказа и издавал их отдельными сборниками: “Маленький полк” (*The Little Regiment*, 1896), “Раны под дождем: военные истории” (*Wounds in the Rain: War Stories*, 1900). Они были не менее значимы, чем его роман, для американской литературы рубежа веков.

Произведения молодого журналиста С. Крейна о гражданской войне в Америке, созданные по специфическим авторским правилам, явились шокирующей, новой и достаточно дерзкой репрезентацией военных событий для своего времени. Пугающее и по-настоящему отрезвляющее, дегеронизованное и реалистичное видение войны стало неожиданным откровением американцев, начинающих забывать ее. Так, С. Крейна прежде всего интересует эмоционально-психологическое состояние героев в экстремальной ситуации. Традиционная трагическая, антивоенная окраска произведений о войне, усиление драматизма намеренной недосказанностью, ироничностью и глубокий психологизм являются характерными чертами работ писателя. Так, не будучи непосредственным участником военных действий 1861–1865 гг., С. Крейн сумел повлиять на становление американской военной прозы нового образца. Феномен военного романа С. Крейна, противоречивого и новаторского, изменившего социокультурный и литературный климат Америки, особенно интересен, по мнению А. Фааса, в свете существовавшего культа военного жизненного, личного опыта ветеранов 1890-х гг. [3, p. 318].

Несмотря на множество разнообразных подходов к интерпретации творчества С. Крейна, споров о художественном методе и стиле писателя, очевидна невозможность установки четких рамок и однозначных определений для военной прозы автора. Но существует возможность выявить характерные черты военной прозы С. Крейна с ее самобытной авторской манерой изображения военной катастрофы.

Основная часть

По мнению Э. Соломона, С. Крейн придал классическую форму американскому военному роману, который значительно отличается от предшествующей принятой стилизации любовной истории, как “сверкающие мечи” и “цветущая магнолия” у Джона И. Кука, и “более суровой, но подверженной некоторой наивной романтизации” военной прозы Д. Дефореста [4, р. 39]. Так, Э. Каплан считает, что С. Крейн намеренно отошел от традиционных канонов изображения художественного времени, например, исторического романа. Во время расцвета милитаризма он словно изъясил войну из исторического контекста, избегая “политических координат”, не только сказал о войне в целом, а пересмотрел подход к ней, предложил иную интерпретацию, трансформируя восприятие военных событий [5, р. 118]. Многие критики говорят об очевидном влиянии на творчество С. Крейна Э. Золя, Л. Толстого и А. Бирса наравне с реальными историями преподавателя истории, генерала военной академии Джона Баллока Ван Петтерна, элементы которых легли в основу романа “Алый знак доблести” [6, р. 21]. Кроме того, С. Крейн подробно изучал отчеты военных и послевоенных лет, включая четырехтомник “Битвы и командиры Гражданской войны” (*Battles and Leaders of The Civil War*, 1880) и книгу полковника Хинмана “Прапорщик Ши Клегг и его компания” (*Corporal Si Klegg and His Pard*, 1887), которые были важны для творчества писателя как часть исторической военной памяти [7, р. 74]. Способом отражения реалий военного времени, предметно-тематически, композиционно новеллы о войне С. Крейна схожи с военными повествованиями А. Бирса, в них действительно ощущается влияние воспоминаний ветеранов гражданской войны. Военная новеллистика обоих авторов характеризуется особой точностью использованной художественной детали, сгущенностью и сжатостью, интенсивностью и эффектностью повествования, мастерским использованием иронии и гротеска. Так, согласно Х. Блодгетту, художественный элемент театральности и гиперболизация, присущие историям А. Бирса, становятся

частью военной прозы С. Крейна [8, с. 166–167]. По мнению А. Солтысик-Моннэ, самым важным отличием в использовании готических элементов обоими авторами в военной прозе является то, что для А. Бирса это своего рода способ описать психологический эффект разрушительной силы войны, а для С. Крейна – это язык войны для выражения страха и жестокости. Готические образы и атмосфера страха позволяют отразить “что-то, что только начинали понимать”. Возможно, то, что война разрушает, уничтожает не только физически, но и психически [9, р. 177].

Согласно Э. Соломону, С. Крейн доработал в большой форме романа то, что А. Бирс достиг в форме короткого американского рассказа или американской новеллы, а именно единства атмосферы; где война – суть происходящего, но без указаний на причины или мотивы войны как исторического события [4, р. 41]. Р. Столлман считает, что большинство сравнений короткого военного рассказа С. Крейна с произведениями крупнейших писателей с мировыми именами – всего лишь параллелизм, а единственным исключением является А. Бирс. Так, С. Крейн становится продолжателем традиций единства формы, атмосферы, темы и предмета, иронического контрастирования, наличия центрального парадокса истории, убедительности визуализированной реальности, основанной на существовании случайного совпадения с эмоциональной напряженностью и ударением [7, р. 73]. Именно так и создается некая универсальность военной ситуации, типизация образа с возможностью проекции, с отрицанием военной героики, объединяя пародию, реалистичность, воображение, разрушая литературные военные клише второй половины XIX ст.

Р. Фаско проводит иную параллель между военными произведениями С. Крейна и А. Бирса, обнаруживая у них общие средства готической, романтической литературной манеры письма, характеризующая 1880–1890 гг. как эру неоготического повествования [10, р. XXXI]. Так, сверхъестественное и фантастическое А. Бирса приобретает форму столкновения сознания

с непонятным, неопределенным, неизвестным, пугающим у С. Крейна. По мнению Р. Фаско, роман “Алый знак доблести” несет в себе такой элемент готического, где чувство страха при осознании смертельной опасности, ужас от происходящего выводят на новый уровень самопознания. Блуждания Юноши (*The Youth*) по лесу выступают как отражение “хаоса реальности, в котором протагонист находится под наблюдением отстраненного автора, наедине с самим собой”, поглощенный мыслями и переживаниями, доведенный до безумия страхами [11, р. 199]. Элементы техники внутреннего монолога и потока сознания концентрируют читателя на внутреннем состоянии героя, переключаются с особым анимизмом романа, в котором присутствует в качестве незримого персонажа “природа-женщина”, испытывающая “глубокое отвращение к трагедии”. “Юноша чувствовал собственное торжество на фоне этой сцены. Это закон, – сказал он. Природа дала ему знак. Белка, как только распознала опасность, пустилась бежать не мешкая. Она не стояла невозмутимо в ожидании смерти, подставляя пушистое брюшко снаряду, со взглядом, устремленным к полным сочувствия небесам. Наоборот, она бежала так быстро, как только ноги могли унести ее; и она, обычная белка, тоже, несомненно, была философом собственной расы. Юноша продолжал свой путь, чувствуя, что природа была на его стороне”¹ [12, р. 79].

Повествование наполнено понятными образами-символами, такими как отвратительное болото, в котором вязнет Генри, или ужасный мертвец, чье появление усугубляет ситуацию, доводя ее до пределов рационального: “На него смотрел мертвый человек, который сидел спиной к дереву, подобному колонне. Труп был одет в униформу, которая когда-то была синей, но теперь

¹ The youth felt triumphant at this exhibition. There was the law, he said. Nature had given him a sign. The squirrel, immediately upon recognizing danger, had taken to his legs without ado. He did not stand stolidly baring his furry belly to the missile, and die with an upward glance at the sympathetic heavens. On the contrary, he had fled as fast as his legs could carry him; and he was but an ordinary squirrel, too doubtless no philosopher of his race. The youth wended, feeling that Nature was of his mind.

выцвела до тоскливого зеленоватого цвета. Глаза, смотрящие на Юношу, приняли тусклый оттенок, который можно увидеть у мертвой рыбы. Рот был открыт. Его некогда красный цвет превратился в ужасающий желтый. По серой коже лица бегали маленькие муравьи”² [13, р. 235].

По мнению Г. Блума, короткий роман-фантазия (*short war fantasy novel*) С. Крейна явился чудом уже иного толка. Он заполнил пустоту в американской литературе своей особой импрессионистской манерой письма, переходящей в галлюцинации экспрессионизма и фантазмагорию, предвосхитив прозу XX ст. [14, р. XI]. Через изоляцию Генри Флеминга в лесу обретает выражение теперь уже классическая тема одиночества человека на войне с превалирующими религиозными образами, анималистическими образами-символами, приемом фольклорного одушевления природы и мира вокруг, с особой синестезийностью, революционной и одновременно традиционной для автора цветовой и звуковой окраской, контрастно образу “монстра”, “дракона”, “кровяного Бога” войны. “Юноша вновь углубился в лес. Густая чаща леса шумела, заглушая звуки канонады. Он шел, переходя из небытия в еще большую неизвестность. Наконец он добрался до места, где высокие, выгнутые ветви образовали часовню. Он тихонько толкнул зеленые двери и вошел. Сосновые иголки лежали мягким коричневым ковром в церковном полусвете”³ [12, р. 79]. Так, религиозные отсылки создают особую атмосферу главы, обостряя противоречивость и противоестественность военного потрясения, раскрывая важное и значимое через кажущееся незначительным.

² He was being looked at by a dead man who was seated with his back against a column like tree. The corpse was dressed in a uniform that once had been blue, but was now faded to a melancholy shade green. The eyes staring at the youth had changed to the dull hue to be seen on the side of a dead fish. The mouth was open. Its red changed to an appalling yellow. Over the grey skin of the face ran little ants.

³ The youth went again into the deep thickets. The brushed branches made a noise that drowned the sounds of cannon. He walked on, going from obscurity into promises of a greater obscurity. At length he reached a place where the high, arching boughs made a chapel. He softly pushed the green doors aside and entered. Pine needles were a gentle brown carpet. There was a religious half light.

Согласно Г. Блуму, основным стилистическим приемом изображения военной действительности у С. Крейна становится принцип намеренного умолчания, упущения (*art of omission*), благодаря которому персонаж и читатель видят фрагменты образов и обрывки чувств, передаваемые через обрывки фраз, включая страхи, всевозможного рода алогизмы и искажения [15, р. 7]. Таким образом писатель достигает максимального усиления драматизма и углубления психологизма, исследуя границы человеческих возможностей, колебания и пределы сильнейших эмоций в критической ситуации на грани жизни и смерти, с особой фиксацией момента и его мимолетности. Молодой и неопытный солдат в “Алом знаке доблести” сражается с собственными страхами и трусостью на фоне бессвязного и беспорядочного военного действия. Так, конфликт внешний смещается во внутренний, боль тысяч людей концентрируется в драме индивидуальной, и наоборот: личная трагедия отражает страдания всего народа.

М. Гизмар называет технику С. Крейна фрагментарной и считает ее новаторским приемом изображения войны изнутри, с точки зрения обычного солдата, который не видит ни ее причин, ни четкого плана военных действий, не говоря уже о более глобальных, общенациональных вопросах. Они, по мнению исследователя, намеренно не отражаются в романе напрямую, в отличие от стандартных описаний военной героики, отваги и дисциплины [16, р. 82]. Такую манеру письма С. Крейна Р. Столлман называет точкообразной (*pointillism style of prose*, пуантилизм импрессионистской живописи, как работа не мазком, а точками), в которой происходит слияние контрастирующих, разрозненных и разнородных частей, как в импрессионистской живописи, в однородные сгустки, где цветопередача и светопередача создают иллюзию реальности при помощи зафиксированного взгляда наблюдателя [7, р. 75–76]. Зачастую таких наблюдателей-рассказчиков бывает несколько, что усложняет повествование несколькими параллельно идущими ракурсами, чередованием крупных и общих планов, создавая многоплановость и двусмысленность. Роман ус-

ложняется постоянной и резкой сменой настроений и состояний, что усиливает эффект неожиданного и сиюминутного события. “Деревья начали нежно петь гимн сумерек. Солнце опускалось до тех пор, пока лес не поглотили лучи бронзового света. Шум насекомых стих, будто они остановились в преклонении. Наступила тишина для вступающего хора деревьев. Затем, после этой тишины, внезапно раздался сокрушительный грохот звуков. Издалека раздался малиновый рев. Юноша остановился. Он замер, потрясенный этим звуком. Казалось, мир раскололся. Раздался раздирающий звук стрельбы и удар артиллерии. Его сознание разлетелось на куски”⁴ [12, р. 82].

Сдвиги восприятия, механизмы работы страха и его влияние на мироощущение ярче всего представлены в романе “Алый знак доблести” и рассказе “Тайна героизма” (*A Mystery of Heroism*) из сборника “Маленький полк”. Оба произведения включают в себя целый комплекс авторских идей и приемов.

Ч. Уолфорд утверждает, что С. Крейн в романе “Алый знак доблести” использует форму и механику греческого героического эпоса как прием иронического противопоставления богоподобия индивидуализма и эгоцентризма христианской концепции равенства и общности, что отчасти применимо и к новелле писателя [17, р. 106]. Генри Флеминг является противоположностью классического героя-стойка, индивидуальное мышление противопоставлено коллективному сознанию как чувство самосохранения и страх – единству и отваге военного братства. Такую же технику контрастирования через сознание личности и коллективное сознание, взаимодействие человека

⁴ The trees began softly to sing a hymn of twilight. The sun sank until slanted bronze rays struck the forest. There was a lull in the noises of insects as if they had bowed their beaks and were making a devotional pause. There was silence save for the chanted chorus of the trees. Then, upon this stillness, there suddenly broke a tremendous clangor of sounds. A crimson roar came from the distance. The youth stopped. He was transfixed by this terrific medley of all noises. It was as if worlds were being rended. There was the ripping sound of musketry and the breaking crash of the artillery. His mind flew in all directions.

и общества обнаруживает Д. Халибертон в рассказе “Тайна героизма”, определяя иронию в тексте как единственно возможный способ избежать сентиментальности и характеризуя Фреда Коллинза, потенциально трагикомичного персонажа, как заложника собственных действий, а Генри Флеминга, “маленького” человека, – как заложника наивных иллюзий и ожиданий [18, р. 57]. В. Паррингтон обозначает такую игру противоположностей у С. Крейна, как состояние “между двух огней”, борьбу с внешней силой военной машины, психологией толпы и внутренним механизмом инстинктов (страха, гордости, инстинкта самосохранения, страха перед самим страхом) “во власти слепого случая” [19, с. 401]. Принятие-отрицание реальности под воздействием страха, борьба противоположных эмоций, присущие Флемингу, изображены в перевернутой ситуации бывшего солдата Коллинза, теперь уже для передачи бессмысленного, глупого и условного героизма, показной отваги. Так же, как и в романе, С. Крейн начинает повествование с пейзажной детали, задавая определенный тон повествованию, в котором по обыкновению ключевая художественная деталь становится предвестником атмосферы всего произведения. В романе это утренний холод и туман, смена цветовой гаммы ночи, изменчивая река и грязная дорога. В “Тайне героизма” мы видим театральное представление с высоты холма как игру в войну, где лес играет роль занавеса, а войска напоминают зверей или огромных чудовищ. Кульминационным моментом на фоне прекрасного луга и “красной ненависти снарядов” становится смертельно опасное расположение “лицом к лицу со смертью” перед четырьмя сотнями глаз. Внутреннее смятение, безумство представлены через обрывистые мысли, ретроспективные детские ощущения, нелогичность действий, образ умирающего офицера, которые сопутствуют процессу зарождения и развития страха, переходящего в панический ужас: “Он слепо поддавался эмоциям и подверг себя опасности, направившись прямо к лицу смерти. Ему показалось сверхъестественно странным, что он позволил своему разуму направить

собственное тело к такому положению. Внезапно он был поражен ужасом, сердце будто сжали в мертвой хватке клешнями. Силы покинули его. На мгновение он почувствовал себя не более чем мертвецом”⁵ [20, р. 223–224]. Новелла не является исключением и традиционно несет в себе доминирующий образ-символ – пустое ведро, указание на бессмысленность и кошмар происходящего.

Согласно исследованию П. Ленца, С. Крейн создает военный классический миф по классическим правилам, в котором солдат страдает и превращается в мужчину, но сразу отрицает этот же миф, указывая на абсурдность, хаос войны и бессмысленность бытия. Война может быть не ключевым моментом военной прозы С. Крейна, более широким аспектом изображения становится место человека во вселенной [21, р. 220]. Таким образом, военная проза С. Крейна становится обобщением военной проблемы в глобальном масштабе, двигаясь от частного, личного военного опыта человека, проходя рамки национальной драмы, до отрицания любого вооруженного конфликта и насилия в целом. Примером такого раздвижения границ является переключка романа и военной новеллы “Ветеран” (*Veteran*, 1896). Открытость и противоречивость финала “Алого знака доблести” находит продолжение и завершение в рассказе о ветеране по имени Генри Флеминг, который гибнет в огне. Страшное очищение огнем, духовное перерождение как христианское искупление через страдание в новелле может быть рассмотрено параллельно со смертью Джима Коклина в романе как элемент библейской аллюзии (Jim Conklin – J.C. – Jesus Christ) [7, р. 17]. Таким образом, перед нами предстает трагическое противоречие: достижение истинного героизма возможно только через самопожертвование и собственную смерть, рождение солдата как орудия убийства нераздельно связано со смертью человека, духовной и физиче-

⁵ He had blindly been led by quaint emotions and laid himself under an obligation to walk squarely up to the face of death. It seemed to him supernaturally strange that he had allowed his mind to maneuver his body into such situation. He was suddenly smitten with terror. It came upon his heart like the grasp of claws. All the power faded from his muscles. For an instant he was no more than a dead man.

ской. Так, параллельно рассматривая юного и пожилого Генри Флеминга, Н. Дэльбанко говорит о неотъемлемом чувстве вины выжившего на войне (*the guilt of the survivor*) и типичном приеме С. Крейна делать героя свидетелем того действия, в которое ему предстоит войти. Таким образом, появляется право морального выбора, согласно которому избежать испытания – это болезненно, но не смертельно [22, р. 49–50]. Выживший ветеран Генри, который уже не боится говорить о собственных страхах и бегстве с поля боя, представлен в самом начале новеллы на фоне теплого солнечного света. Здесь подчеркнута прекрасный пейзаж, особая эстетическая составляющая военных работ С. Крейна, определяет противоестественность войны, контрастирует со зловещим образом военного солнца-печати или всего лишь блеклого луча надежды в романе: “В моем первом бою мне казалось, что небеса обрушились на меня. Я думал, что наступил конец света. Бесспорно, я был в ужасе, но был вынужден к этому привыкнуть”⁶ [20, р. 324–325]. Особая ирония финала романа, где Флеминг наивно полагает, что избавился от “красной тошноты и болезненности битвы”, бреда войны, переходит в ситуационную иронию новеллы, где смерть неожиданно настигает в мирное время, в попытке спасти жеребят: “Длинные языки пламени пели своим сумасшедшим басом, как хор барабанов. Ветер закручивал облака дыма перед лицами зрителей. Форма сарая чернела среди этих оранжевых масс. Когда крыша упала, огромная воронка дыма устремилась к небу, как будто могучий дух старика вышел из его тела. Дым стал розовым от пламени, и, возможно, даже темнота вселенной не сможет изменить цвет этой души”⁷ [20, р. 328].

⁶ In my first battle I thought the sky was falling down. I thought the world was coming to an end. You bet I was scared... Then I had to get used to.

⁷ The long flames sang their drumming chorus in voices of the haviest bass. The wind whirled clouds of smoke into the faces of the spectators. The form of barn was outlined in black amid these masses of orange-hued flames. When the roof fell in, a great funnel of smoke swarmed toward the sky, as if the old man's mighty spirit released from its body. The smoke was tinted rose-hue from the flames, and perhaps, the unutterable midnights of the universe will have no power to daunt the color of this soul.

Ж. Казмажу называет военные новеллы С. Крейна “спутниками” романа, где в обоих случаях превалируют религиозные, анималистические образы на фоне механистического образа современной войны. Смежная с романом новелла “Ветеран”, по мнению исследователя, подводит черту и становится стадией искупления и спасения, поскольку концовка психологического исследования в романе приводит к неоднозначному результату: полученный опыт не ведет к кардинальным и глубинным переменам [23, р. 102–103]. Перечеркивая все нечеловеческие испытания войны, С. Крейн замыкает роман такой же фигурой маленького человека, полного страхов и сомнений, иронией разрушая возможность оптимистичной концовки, исключая иллюзию конечного озарения и перерождения.

Об особенной мифологизации, стереотипности сюжета пишет Э. Соломон, который называет С. Крейна гениальным пародистом (*parodic strategy*) европейской литературной традиции, использующим иронию и мотив трансформации в движении от невинности к зрелому осознанию действительности с присущей ему значимостью зрительного восприятия, способностью видеть (*ability to see, vision*) [4]. М. Холтон называет работы С. Крейна драмой видения (*dramas of vision*), поскольку физическая возможность видеть имеет драматическую, метафорическую значимость, определяя работы писателя как *intensified dramatic impressionism*, прием оживления-усиления восприятия глазами героя произведения [24, р. 41–42].

В “Алом знаке доблести” читатель видит и воспринимает то, что видит и чувствует Генри. Так, смерть Христа-спасителя Конклина, увиденная глазами Флеминга, рельефно предстает перед читателем: “Высокий солдат повернулся и опасно подался вперед... В этих движениях обреченного солдата было что-то ритуальное. Сходство с поклонником безумной религии, кровососущей, мучительной, ломающей кости... Его худое тело распрямилось; его кровавые руки тихо опустились. Он ждал терпеливо чего-то неминуемого... Его била непре-

ривная дрожь... Он изумленно смотрел в космос”⁸ [12, p. 245].

В. Брукс утверждает, что С. Крейн исключительно последователен в стремлении передать то, что видит герой через “сосредоточенную энергию мазков, яркость цвета, стремительность манеры письма”, оставляя читателю право сделать собственные умозаключения [25, с. 54–56]. Функция цвета у С. Крейна несет серьезную художественную нагрузку, большую, чем описание в чистом виде окружающего мира, это цветовая окраска эмоций, чувств, переживаний и состояний. Аллитерация, в свою очередь, подчеркивает постоянное движение, включая движение эмоций, с такой же резкой сменой физиологических ощущений: “Все мышцы были разбиты, он обессилел. Он увидел, как пылающие крылья молнии вспыхнули перед его глазами. В его голове раздался оглушительный грохот грома, ноги, кажется, подкосились. Он опустился на землю... Он опустил руки и колени... Он сражался с собственным телом”⁹ [12, p. 258]. Такую же, как и состояние Генри Флеминга после удара, неожиданную смену ощущений представляет собой новелла “Случай на войне”, в которой из-за шальной пули раненый, шокированный, фрустрированный офицер, “беспомощная жертва ужасной болезни”, смотрит на окружающий мир другими глазами: “Это было на удивление похоже на историческую, картинную живопись. Батарея, как бурная и сияющая масса, закручивалась спиралью... Звук этого действия был военным хором, доходившим до самых глубин человеческой души”¹⁰ [20, p. 132].

⁸ The tall soldier turned and lurching dangerously went on... There was something rite like in these movements of the doomed soldier. And there was a resemblance in him to a devotee of a mad religion, blood-sucking, muscle-wrenching, bone-crushing... His spare figure was erect; his bloody hands were quietly at his side. He was waiting with patience for something that he had come to meet... Shaken by a prolonged ague... He stared into space.

⁹ The energy was smitten from his muscles. He saw the flaming wings of lightning flash before his vision. There was a deafening rumble of thunder within his head, legs seem to die. He sank writhing to the ground... Got upon his hands and knees, fought an intense battle with his body.

¹⁰ It was, for a wonder, precisely like a historical painting. A battery, a tumultuous and shining mass,

Ранение вызывает странные и неожиданные состояния – нервозность, растерянность, беспомощность, смятение протагониста, сочувствие однополчан. “Ранение придает чувство странного достоинства тому, кто его получает. Люди пугаются этого нового и ужасного величия. Как будто рука раненого приоткрывает занавес, открывая смысл всего существования – муравьев, могущества, войн, городов, солнечного света, снега, пера, выпавшего из птичьего крыла; и сила его проливает свет на кровавую форму и заставляет других людей понимать собственную ничтожность”¹¹ [26, p. 130–131].

Исследуя новеллы С. Крейна, Ф. Бергон говорит о писателе, который срывает маски с героев, используя сдвиг точки зрения через их собственные озарения, отнюдь человеческих характеров, чувств в отсутствие динамичности действия [27, p. 151]. Так, хаотичность чувств, смена-фиксация картинки, представленная цветовыми контрастами, смыслообразующими символами (зеленое лицо леса, меч, рана, лес, генерал на лошади), дополняется параллельно представленным хаосом военно-полевого госпиталя на фоне здания старой школы, где повсюду раненые и умирающие люди. Иронично звучат комментарии рассказчика о бесполезности меча перед злой случайностью. Характерный скачок времени сдвигает реальность, несколькими предложениями автор завершает текст, оставляя финал открытым, подчеркивая тем самым неразрешимость и бессмысленность военного конфликта, шок от переживания его необратимых последствий.

П.В. Балдицын подчеркивает, что жанровая установка многих прозаических вещей С. Крейна – это драматизированный очерк, документальный репортаж, в котором движение времени поступательно, традиционны ретроспекции, внутренние моно-

was swirling... The sound of it was a war chorus that reached into depths of man’s emotion

¹¹ A wound gives strange dignity to him who bears it. Well men shy from this new and terrible majesty. It is as if the wounded man’s hand is upon the curtain which hangs before the revelations of all existence – the meaning of ants, potentates, wars, cities, sunshine, snow, a feather dropped from a birds wing; and the power of it sheds radiance upon a bloody form and makes the other men understand sometimes that they are little.

логи представляют собой пересказ мыслей и чувств. Самого писателя интересует, прежде всего, работа нравственно-психологического механизма. “Алый знак доблести” является, по мнению исследователя, психологической повестью-притчей о преодолении страха, возмужании и самопознании [28, с. 645–647]. Отметим, что военная проза С. Крейна несет в себе более значимую и сложную как смысловую нагрузку, так и форму ее воплощения. За кажущейся простотой и понятностью скрывается отказ от примитивных, привычных оценочных суждений, открывается глубина социально-философской проблематики, отображается растерянность перед травмирующей военной реальностью и надрывность в изобличении уродливой и калечащей войны. Писатель действительно становится предвестником нового, многослойного мироощущения в военной литературе. Дж. Берриман называет С. Крейна предвестником американского военного романа XX ст. [29, р. 98].

Тесную связь интеллектуальных и неоднозначных работ С. Крейна с эстетикой импрессионизма отмечает Дж. Найджел, ссылаясь на журналистские воспоминания писателя об испано-американской войне, где автор использует прием экфрасиса, упоминая французских импрессионистов с их особой цветопередачей в описании алтаря и операционного стола [30, р. 113–114]. Согласно Дж. Найджелу, С. Крейн изображает нестабильность, изменчивость мира в процессе восприятия, и поэтому проза автора должна быть интерпретирована как импрессионистская [31, р. 70–71].

В произведениях С. Крейна существует противостояние реальности как таковой, зачастую абсолютно нелепой, и ее отличного восприятия человеком, что в любом случае приводит – пусть через множество состояний (отрицание, неприятие, смирение), – но к неразрешимому конфликту. Как правило, индикатором столкновения иллюзии и реальности становится авторская ирония, которая, согласно М. Ла Франсу, является ключом к разгадке, показывая разницу между тем, какова вещь на самом деле, и тем, как она выглядит в человеческом восприятии, что влечет за собой смену обще-

го, панорамного взгляда до суженной точки зрения [32, р. 70–71]. Такого рода “кинематографическое движение” из внешнего во внутренний план и обратно обуславливает общее движение романа, которое, так или иначе, дегероизирует войну. Для М. Ла Франса такого рода безысходность лежит в основе структуры самого произведения, где четыре параллельных эпизода (труп в лесу, смерть Джима, встреча с солдатом, ранение) одинаково начинаются с недоразумения-случайности и ведут к тупиковой ситуации.

В исследовании С. Мизрачи “Алый знак доблести” рассматривается в связи с историей США второй половины XIX в. и научно-техническими достижениями этого времени. Так, исследовательница проводит параллель между работой фотоаппарата и фиксированием картинки в романе. С. Мизрачи утверждает, что сознание главного героя С. Крена работает порой как камера, поочередно удаляясь и приближаясь, концентрируясь на объекте. Форма художественного отражения и описания С. Крейна показывает, что художественное произведение и искусство фотографии являются конкурирующими эстетическими формами для репрезентации войны: внимание, уделяемое фокусу, стремление захватить текстуру и поверхность, все детали войны существуют ради ретроспективного созерцания. Единственное, в чем фотография уступает литературе, – невозможность дать ответ на вопрос “почему?”. С. Мизрачи сравнивает роман С. Крейна с агрессивными фотоотчетами известного фотографа-провокатора гражданской войны Брэйди, рассматривая творчество обоих мастеров как взаимодополняющий диалог, в который писатель привносит уже морально-этическую составляющую [32, р. 446]. Крупные планы горькой и правдивой военной прозы, сфокусированные на отдельно взятом, зачастую изолированном или одиоком в своем страдании человеке С. Крейна, действительно напоминают попытку остановить и увековечить момент впечатления от происходящего. Р. Столлман называет роман “Алый знак доблести” фотокопией реальности (*photographic copy of real life*) и считает, что герой С. Крейна – это исклю-

чительный характер и любой человек одновременно. Через частное, сугубо индивидуальное и интимное переживание писатель изображает общее, характерное, типичное для человеческой природы. Исследователь подчеркивает, что, в отличие от романа о гражданской войне Д. Дефореста, произведение С. Крейна не является образцом реалистического письма, в нем реалистичность и символизм художественной детали работают исключительно для изображения военных событий.

Разбивка на планы, параллельные и одновременно контрастные столкновения, смена ракурса как сдвиг точки зрения – способы создания, монтирования усложненного художественного мира военного произведения С. Крейна. По определению В. Хализева, монтаж в литературе – это способ построения художественного произведения, при котором преобладает дискретность изображения, его разбитость на фрагменты, функция которого заключается в констатации случайных связей между фактами, обыгрывании диссонансов, интеллектуализации произведения [34, с. 110]. Так, характерными для С. Крейна становятся авторские отступления, хронологические перестановки и временные смещения, а прием монтажа в тексте приводит, согласно И. Мартяновой, к динамической ситуации наблюдения [35].

Примером разработки любовной тематики у С. Крейна становится новелла “Три чудесных солдата” (*Three Miraculous Soldiers*). Как и любое произведение писателя, она полна цветовых и звуковых художественных деталей для точной передачи не только пейзажных образов, но и параллельно идущих эмоций. Здесь и “желтая, теплая дорога”, и “неописуемо голубое небо”, “нежность ветра”, звуки насекомых, темно-зеленые ветви сосен служат плавным переходом к “горящему лицу девушки” [20, р. 29]. Театральной называет рассказчик сцену внезапного появления всадников, которая меняет темп повествования и задает резкий сдвиг ракурса от одной фигуры к нескольким.

По Ю. Тынянову, скачкообразно чередующиеся “кадры”, отстающие друг от

друга по времени и в пространстве, вносят каждый свое напряжение, свой эмоциональный климат, свой образ действительности. Сплавляясь в единую повествовательную реальность, эти ситуации-фрагменты дают новый образ действительности [36, с. 336]. Ж. Делёз, говоря о художнике-мыслителе, предлагает понятия “образ-движение”, “образ-переживание”. Монтаж, согласно исследователю, – операция, которая применяется к образам-в-движении для того, чтобы извлечь из них целое, идею. Образ-движение понимается здесь как единство физической реальности во вне и образа как психической реальности внутри, в сознании. Для кинематографа это замедленная и ускоренная съемка, наложение кадров, фрагментация, микросъемка, крупный план – все то, что служит отображению изменчивости и взаимодействия [37, с. 56, 70]. По утверждению В. Иванова, прием монтажа, зародившись в кинематографе, охватывает практически все области культуры, естественным образом включая литературу, поскольку всюду, где речь идет о принципиальной дискретности частей внутри целого, возникает категория монтажности [38].

В.С. Библер, в свою очередь, утверждает, что особенность монтажа в том, что он одновременно сгущает и разряжает. Между двумя монтажными фразами оказывается гигантская пропасть, заполненная напряженной художественной творческой работой зрителя и слушателя. Монтаж одновременно несет пульсацию разряжения-сгущения. Он выступает как синтаксическое сгущение и семантическое разряжение. Исследователь включает в определение монтажа повтор, потому что монтаж обязательно подчеркивает, что два монтируемых плана возвращают к одному и тому же и оказываются соположением абсолютных противоположностей [39]. Картина повествования и одновременно познания в движении возникает в новелле “Маленький Полк”, типичной для американской гражданской войны истории двух братьев. Писатель не отступает от собственных традиционных образов, вводит читателя в военную атмосферу при помощи пейзажной зарисовки, идущей параллельно с изображением

состояния солдат, клянущих дождь, холод, туман и грязь. Так, смонтированная параллельность и частота повторений определенных образов вызывает ряд необходимых ассоциаций и ощущений: “Казалось, туман придавал одежде людей в колонне на дороге свечение. Тяжелые пехотные шинели обрели новый, синеватый, цвет, настолько бледный, что полк, возможно, был просто длинной низкой тенью в тумане. Бормотание, ворчание, шутки повисли в воздухе над плотными рядами и смешались в низкий шум, который и был голосом колонны”¹². Звуковая окраска новеллы становится художественным обрамлением волнительных событий, как и ключевые слова вступления, задающие тон истории. Такую художественную реальность Дж. Найджел называет “чувственной”, где окрашенные цветом и звуком образы формируют ощущения как основной узел повествования [30, р. 125]. Картина войны словно оживает благодаря кинематографической технике повествования: “Воздух вокруг вибрировал от шумов, производимых скрытыми от глаз колоссальными предметами. Топот пехоты, тяжелый грохот артиллерии заставляли землю говорить о гигантской подготовке. Пушки на далеких высотах время от времени издавали внезапный, нервный рев, словно были неспособны сносить молча скопление вражеских войск и появление других пушек на позиции. Эти звуки, близкие и отдаленные, заполняли огромное поле битвы, описывали огромную ширину сцены предполагаемой драмы. Голоса пушек, слегка случайные, невозмутимые в задачах и предупреждениях, не могли разрушить неизгладимое красноречие слова в воздухе, смысл предстоящей борьбы, которая заставила дыхание замереть на губах”¹³. Размолвка братьев, ретро-

спективные образы их взаимоотношений изображены одновременно с движением войска и глобальными размышлениями о жизни, представляя переход от мысли к мысли, объединяя обрывистые образы в общую картину. Эпизодическая структура, единство противоположных сцен, смена перспективы видения, временные сдвиги, нарушение хронологии, принцип организации согласно психологическому времени являются, по мнению Дж. Найджела, характерными приемами импрессионистской манеры письма С. Крейна [30, р. 126], так же как и приемами художественного монтажа в новелле.

Сильная ассоциативностью образов С. Крейна позволяет увидеть безумный ход военных действий, который принесет горы трупов и раненых: “Бесконечный треск выстрелов вырос в раскаты огня. Снаряды издавали звериный рык в домах. Исход был театральным, маленькая деревня напоминала покров, скрывающий короля драмы, который спал, и армия, стальная в голубом, выступила в солнечном свете”¹⁴ [20, р. 30–31].

Разбивка повествования на планы, параллельные контрастные столкновения, смена ракурса являются характерными приемами военной новеллы С. Крейна. Точка зрения рассказчика скользит от одного персонажа к другому, самому читателю дается возможность смонтировать эти отдельные описания в общую картину. Движение точки зрения рассказчика работает аналогично движению объектива камеры – со сменой общего и крупного планов, с необходимой фиксацией, видением ситуации со всех сторон, транслируя военную атмосферу с from time to time with sudden, nervous roar, as if unable to endure in silence a knowledge of hostile troops massing, other guns going to position. These sounds, near and remote, denoted an immense battleground, described the tremendous width of the stage of the prospective drama. The voices of the guns, slightly casual, unexcited in their challenges and warnings, could not destroy the unutterable eloquence of the word in the air, a meaning of impending struggle which made the breath halt at the lips.

¹⁴ The endless cracking of the skirmishers swelled to rolling crashes of musketry. Shells screamed with panther-like noises at the houses. This exodus was theatrical. The little sober-hued village had been like the cloak which disguises the king of drama. It was now put aside, and an army, splendid thing of steel and blue, stood forth in the sunlight.

¹² The fog made the clothes of the men of the column in the roadway seem of a luminous quality. It imparted to the heavy infantry overcoats a new colour, a kind of blue which was so pale that a regiment might have been merely a long, low shadow in the mist. However, a muttering, one part grumble, three parts joke, hovered in the air above the thick ranks, and blended in an under toned roar, which was the voice of the column.

¹³ The enclosed air vibrated with noises made by hidden colossal things. The infantry trappings, the heavy rumbling of the artillery, made the earth speak of gigantic preparation. Guns on distant heights thundered

полнотой звуковой, цветовой и световой окраски. Так, С. Крейн создает реальность, объемность, движение художественного мира военного произведения.

Тревожность, с особым кинематографическим приемом саспенса, замедление художественного времени новеллы через ретардационные описания и ретроспекцию перерастает в стремительную и сложную картину описания боевых действий, сгущенную, сбивчивую череду хаотических фрагментов, которые мастерски стыкуются в единое целое и в итоге обрываются, неожиданно приводят к смещению временного плана повествования. Так, внезапное спокойствие военного лагеря, будничность обстановки вне сражения будто стирают предшествующий ужас битвы. Художественные детали, предметы, словно случайно попадающие в кадр, движутся параллельно неясности настроения, психологического состояния одного из братьев, вокруг его неподвижной, будто замершей фигуры. Дэн, который застрелил человека и ничего не знает о судьбе брата, становится центром повествования в собственной задумчивости и молчании, представленный глазами и репликами сослуживцев.

Смещение в пространственном отношении происходит в момент метафорического воскрешения пропавшего брата. Здесь пейзажные художественные детали по обыкновению становятся сигнализирующими, усиливающими элементами надвигающегося события и ощущений от него. Неясность ситуации, “зловещая таинственность” и “тяжелая темнота” ночи рассеиваются от “долгого и пристального взгляда красного солнца” как странного проявления “мрачного милосердия”. Таким образом, в тексте выражена тонкая грань между живым и мертвым не только в физическом плане, но и в плане духовном – через изощренное чередование образов жизни и смерти, транслирующих ощущение неустойчивости, непредсказуемости, абсурдности бытия.

Заключение

Таким образом, роман С. Крейна “Алый знак доблести” и военные новеллы из сборника “Маленький полк” объеди-

нены общими принципами дегероизации, деэстетизации войны, схожими приемами отображения военной действительности, поэтичностью и одновременно реалистичностью техники письма, богатой символикой и разнообразием метафоры, характерной звуковой окраской и образами, представленными цветом, особым драматизмом повествования. Так, простой человек, как объект наблюдения, изображен в необычной, пограничной ситуации стресса с предельным усложнением интроспективного исследования внутреннего мира в момент нечеловеческого испытания. Автор представляет не жизнеподобную описательность в чистом виде, а переживания и впечатления, контрастные или циклично повторяющиеся на фоне расплывчатого, условного хронотопа войны. Особая глубина авторской идеи реализуется через мощные, часто амбивалентные образы-символы с выраженным акцентом на единственном и ключевом. Работам С. Крейна присущи точность и оригинальность художественной детали, использование приема противопоставления и обобщения, монтажа, иронии, которая неизменно создает двойственность восприятия, исключает однозначность трактовки. Наличие гротеска как намеренного преувеличения подчеркивает жестокость, абсурдность войны. В лишенном героической окраски романе “Алый знак доблести”, так же как и в большинстве антивоенных новелл, С. Крейн представляет бездушный механизм войны, в котором отдельно взятый человек подвержен духовно-нравственной деградации и не может играть никакой существенно значимой роли, где происходящее абсолютно стихийно, бессознательно, случайно.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Scofield, M.* The Cambridge Introduction to the American Short Story / M. Scofield. – New York : Cambridge University Press, 2006. – 291 p.
2. *Kazin, A.* Crane’s Writing is Disappointing / A. Kazin // Readings on Stephen Crane / ed. Bonnie Szumski. – San Diego, CA : Greenheaven Press, 1998. – P. 34–38.

3. **Fahs, A.** The Imagined Civil War. Popular Literature of the North and South, 1861–1865 / A. Fahs. – Chapel Hill and London : The University of North Carolina Press, 2001. – 393 p.
4. **Solomon, E.** Crane is a Parodist / E. Solomon // Readings on Stephen Crane / ed. and introd. B. Szumski. – Greenhaven Press Literary Companion to American Authors. San Diego (CA) : Greenhaven, 1998. – P. 39–43.
5. **Kaplan, A.** The Red Badge of Courage Redefined the War Novel / A. Kaplan // Readings on Stephen Crane / ed. and introd. B. Szumski. – Greenhaven Press Literary Companion to American Authors. San Diego (CA) : Greenhaven, 1998. – P. 117–126.
6. **Lutz, N. J.** Biography of Stephen Crane / N. J. Lutz // Bloom's BioCritiques. Stephen Crane / ed. Harold Bloom. – Philadelphia : Chelsea House Publishers, 2002. – 149 p.
7. **Stallman, R. W.** Stephen Crane: A Revaluation / R. W. Stallman // Bloom's BioCritiques. Stephen Crane / ed. Harold Bloom. – Philadelphia : Chelsea House Publishers, 2002. – P. 67–95.
8. **Блодгетт, Х.** Вести из нового света / Х. Блодгетт // Литературная история Соединенных Штатов Америки / под ред. Р. Спиллера, У. Торпа, Т.Н. Джонсона, Г.С. Кэнби. – М. : Прогресс, 1978. – Т. II. – С. 150–173.
9. **Soltysik Monnet, A.** Transnational War Gothic from the Civil War to World War I / A. Soltysik Monnet // Transnational Gothic: Literary and Social Exchanges in the Long Nineteenth Century / eds. Bridget Marshall & Monika Elbert. – : Ashgate, 2013. – P. 173–88.
10. **Fusco, R.** The Red Badge of Courage and Selected Short Fiction. Introduction / R. Fusco. – New York : Barnes and Noble Classics, 2003. – P. XIII–1.
11. **Cane, W. E.** Sensations of style: The Literary Realism of Crane / W. E. Cane // A Companion to American Fiction 1865–1914 / ed. Robert Paul Lamb, G.R. Thompson // Twentieth Century Literary Criticism. – Farmington Hills : Gale Publishing, 2009. – Vol. 216. – P. 197–206.
12. **Crane, S.** The Red Badge of Courage. An Episode of the American Civil War / S. Crane. – New York : Appleton and Company, 1898. – 250 p.
13. **Crane, S.** The Portable Stephen Crane. The Red Badge of Courage. Ed. J. Katz / S. Crane. – New York : The Viking Press, 1969. – 354 p.
14. **Bloom, H.** Joyce Caldwell Smith. Stephen Crane / H. Bloom. – New York : Infobase Publishing, 2009. – 206 p.
15. **Bloom, H.** Bloom's Guides. Stephen Crane's The Red Badge of Courage. Comprehensive Research and Study Guides / H. Bloom. – New York : Infobase Publishing, 2009. – 119 p.
16. **Geismar, M.** Rebels and Ancestors. The American Novel. 1890–1915 / M. Geismar. – Cambridge : The Riverside Press, 1953. – 460 p.
17. **Wolford, Ch. L.** The red Badge of Courage Mocks the Greek Epic / Ch. L. Wolford // Readings on Stephen Crane / ed. and introd. B. Szumski. – Greenhaven Press Literary Companion to American Authors. San Diego (CA) : Greenhaven, 1998. – P. 104–116.
18. **Halliburton, D.** The Mysteries of Heroism and the Aesthetics of War: Army Tales and Other War Writings / D. Halliburton // The Color of the Sky: A study of Stephen Crane // Twentieth Century Literary Criticism. – Farmington Hills : Gale Publishing, 2009. – Vol. 216. – P. 54–66.
19. **Паррингтон, В. Л.** Основные течения американской мысли / В.Л. Паррингтон // Возникновение критического реализма в Америке (1860–1920) : пер. с англ. В. Воронина, В. Тархова ; под ред. В. Маликова. – М. : Издательство иностранной литературы, 1963. – Т. III. – 603 с.
20. **Crane, S.** The Complete Short Stories and Sketches of Stephen Crane / S. Crane. – New York : Doubleday and Company Inc., Garden City, 1963. – 790 p.
21. **Lentz, P.** The Red Badge of Courage and War. Private Fleming at Chancellorsville. The Red Badge of Courage and The Civil War / P. Lentz // Twentieth Century Literary Criticism. – Farmington Hills : Gale Publishing, 2006. – Vol. 216. – P. 219–233.

22. *Delbanko, N.* Group portrait. J. Conrad, S. Crane, F. M. Ford, H. James, H. G. Wells / N. Delbanko. – New York : William Morrow and Company, 1982. – 224 p.
23. *Cazemajou, J.* Stephen Crane / J. Cazemajou // Seven American Stylists: From Poe to Mailer / ed. G.T. Wright. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1973. – P. 90–124.
24. *Holton, M.* Cylinder of Vision. The Fiction and Journalistic Writing of Stephen Crane / M. Holton. – Baton Rouge : Louisiana State University Press, 1972. – 353 p.
25. *Брукс, В. В.* Писатель и американская жизнь. Избранные статьи : пер. М. Мендельсона / В. В. Брукс. – М. : Прогресс, 1971. – Т. II. – 253 с.
26. *Crane, S.* The Work of Stephen Crane / S. Crane / ed. Wilson Follet. – Wounds in the Rain and Other Impressions of War. – New York : Russel and Russel, 1963. – Vol. IX. – 218 p.
27. *Bergon, F.* The Open Boat is a Story of Revelation / F. Bergon // Readings on Stephen Crane / ed. and introd. B. Szumski. – Greenhaven Press Literary Companion to American Authors. San Diego (CA) : Greenhaven, 1998. – P. 150–159.
28. *Балдицын, П. В.* Стивен Крейн / П. В. Балдицын // История литературы США. Литература последней трети XIX в. 1865–1900 (становление реализма) / кол. авторов ; ред. кол. П. В. Балдицын, М. М. Коренева. – М. : ИМЛИ РАН, 2003. – Т. IV. – С. 623–669.
29. *Berryman, J.* The Red Badge of Courage is America's First Modern Novel / J. Berryman // Readings on Stephen Crane / ed. and introd. B. Szumski. – Greenhaven Press Literary Companion to American Authors. San Diego (CA) : Greenhaven, 1998. – P. 93–98.
30. *Nagel, J.* Backgrounds and Definitions: Conrad's Complete Impressionist / J. Nagel // Bloom's BioCritiques. Stephen Crane / ed. Harold Bloom. – Philadelphia : Chelsea House Publishers, 2002. – P. 97–132.
31. *Nagel, J.* Crane is a Literary Impressionist / J. Nagel // Readings on Stephen Crane / ed. and introd. B. Szumski. – Greenhaven Press Literary Companion to American Authors. San Diego (CA) : Greenhaven, 1998. – P. 65–73
32. *La France, M.* Cranes Red Badge of Courage / M. La France // Cliffs Notes / ed. G. Carey. – Lincoln, Nebraska : Cliffs notes, 1996. – 92 p.
33. *Mizruchi, S. L.* Remembering Civil War / S. L. Mizruchi // The Cambridge History of American Literature / ed. S. Bercovitch. – Cambridge, New York : Cambridge University Press, 2005. – P. 421–454.
34. *Хализев, В. Е.* Теория литературы / В. Е. Хализев. – М. : Академия, 2009. – 432 с.
35. *Мартьянова, И. А.* Киновек русского текста. Парадокс литературной кинематографичности / И. А. Мартьянова. – СПб. : САГА, 2002. – 240 с.
36. *Тынянов, Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – М. : Наука, 1977. – 470 с.
37. *Deleuze, G.* Cinéma 1. L'image-mouvement [Text] / G. Deleuze // Кино : пер. с фр. Б. Скуратов. – М. : Ад Маргинем, 2004. – 624 с.
38. *Иванов, Вяч. Вс.* Монтаж как принцип построения в культуре первой половины XX в. / Вяч. Вс. Иванов // Монтаж: Литература. Театр. Искусство. Кино. – М., 1988. – 137 с.
39. *Библер, В. С.* Выступление на конференции “Проблемы монтажа” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bibler.ru> – Дата доступа: 16.11.2018 .

Поступила в редакцию 05.08.2019 г.
 Контакты: vitakuskovskaya@yandex.by
 (Кусковская Виолетта Станиславовна)

Kuskovskaya V.S. COMMON METHODS AND WAYS OF THE DEPICTION OF THE CIVIL WAR IN THE USA IN THE WORKS “THE RED BADGE OF COURAGE” AND “THE LITTLE REGIMENT” BY S. CRANE.

The article deals with the military prose of the second half of the XIX century. The article highlights the main characteristic features and antimilitary tendencies in the portrayal of the American Civil War events in American literature of the second half of the XIX century. Special attention is paid to the author's subjective, original vision of the military events and anti-war theme

of works. The works by S. Crane draw attention to the horrors of war; presenting a realistic, original, critical, ironic vision and depiction of a man at war. The specific author's view on the tragic military events in the USA of 1861–1865 is studied. The military short story and the novel of the writer investigate the nature of human fear; the experience of the soldier shaken by fratricidal

war, focusing attention on the fact that war and death are inseparable.

Keywords: the Civil War in the USA, American short story, American novel, new artistic vision and ways of its expression, anti-war literature.

УДК 821.111 (73).09“19”

**СПЕЦИФИКА ИЗОБРАЖЕНИЯ
УХОДА И БЕГСТВА
В БЕЛОРУССКОЙ
И АМЕРИКАНСКОЙ ПРОЗЕ
XX ВЕКА**

Д. А. Лабовкин

преподаватель

Полоцкий государственный
университет

В статье сопоставляются типы ухода и бегства героев белорусской прозы и их аналоги в американской прозе XX в. Выявляется общее и индивидуальное в изображении ухода и бегства в обеих литературах. Присутствие данных литературного процесса обусловлено конкретными политическими и культурными преобразованиями, а также в частных случаях оригинальностью художественного замысла отдельно взятого автора. В прозе США без труда можно обнаружить типы ухода и бегства, аналогичные тем, что встречаются в белорусской прозе XX в., однако изображение этих явлений традиционно для американской литературы в целом. Также ввиду различий в общественно-политическом устройстве и господствующем на протяжении большей части XX в. литературном направлении очевидными являются концептуальные различия в изображении ухода и бегства в отечественной и американской прозе. Схожесть в изображении данных явлений в белорусской и американской прозе носит исключительно локальный характер.

Ключевые слова: бегущий, уходящий, мотив, государство, общество, семья.

Введение

В американской прозе мотивы ухода и бегства являются одними из основополагающих, что, по словам Л. Фидлера [1, р. 26] и А.М. Зверева [2, с. 21], обусловлено в первую очередь архетипом “бегущего героя”, который сложился и закрепился в сознании американцев сотни лет назад и восходит к их роли европейских отщепенцев и открывателей новой “райской земли”. Изображение ухода и бегства в белорусской прозе не

изучалось литературоведами, однако очевидным представляется тот факт, что и в белорусской, и в американской прозе XX в. изображаются явления, которые соответствуют определениям “ухода” и “бегства”.

В толковом словаре русского языка словарная статья, посвященная существительному “уход”, перенаправляет нас к глаголу “уйти” [3, с. 1242], который имеет следующие толкования: “1. Идя, удалиться, покинуть какое-н. место. <...> 2. В сочетании с существительными употр. в знач. перестать что-н. делать или заниматься чем-н., перестать быть кем-н. или каким-н. (в соответствии со значением существительного)” [3, с. 1218]. Существительное “бегство” определяется как “тайный, самовольный уход откуда-н.”, а также как “беспорядочное отступление” [3, с. 69]. Так, определяя понятия “уход” и “бегство”, мы принимаем во внимание толкования обоих слов, а также специфику нашего исследования. В данном исследовании под понятием “уход” подразумевается сознательное создание героем ситуации, способствующей его удалению (или отрешению) от раздражающего фактора и обладающей потенциалом для реализации его жизненного идеала. Под понятием “бегство” подразумевается осознанное или несознательное удаление (или отрешение) героя от обстоятельств, причиняющих ему духовный либо физический дискомфорт.

В данной работе выделяются такие виды ухода (бегства), как внутренний(-ее) уход (бегство) и внешний(-ее) уход (бегство). Такое разделение на виды основано на различии в характере проявления ухода или бегства. Внутренний(-ее) уход (бегство) свойственен(-нно) тем героям, которые отрешаются от раздражающих факторов посредством мечтаний, ухода в себя, наркотических видений, для них убежищем служит их собственный внутренний мир. Внешний(-ее) уход (бегство) характерен (-но) для героев, которые удаляются от раздражающих факторов посредством физического перемещения, проявлений плотской любви, агрессии, уход или бегство проявляется в поведении таких героев за счет их активного взаимодействия с окружающей средой.

Типы ухода (бегства) выделяются на основании того, что является источником, отправной точкой ухода или бегства героя, как то: уход (бегство) от общества, семьи, общественно-политического строя, цивилизации и т. д. Под понятием “форма ухода (бегства)” подразумеваются действие либо совокупность действий героя, направленных на его удаление от раздражающего фактора (физическое перемещение, классовая борьба, фантазии, пьянство и т. д.).

Основная часть

В белорусской литературе наибольшей популярностью изображение ухода доминировало в 1920–1930-е гг., что в высокой степени явилось следствием социально-политических преобразований в стране, ставших результатом Октябрьской революции 1917 г., гражданской войны и коллективизации. В контексте главенствующего в художественной литературе в данный период соцреалистического направления наиболее распространено было изображение ухода героев от старого строя в новую революционную действительность.

О желании молодых людей уйти от старого уклада жизни и построить новое будущее посредством принятия революционных идей также пишет в ряде рассказов П. Головач. Одним из них является произведение “Дасужая” (1927), где автор изображает девушку Надежду, которой вера в коммунистические идеалы помогает исполнить мечту – уехать в город, поступить в институт и в целом идти по жизни с оптимизмом и уверенностью в будущем. В.Ю. Боровка пишет: “Надзея – тыповы прыклад станоўчай герані ў літаратуры таго перыяду. Яе жыццё асветлена высокай мэтай, грамадскае яна ставіць вышэй за асабістае” [4, с. 584].

В повести П. Головача “Спалох на загонах” (1930) автор изображает коллективизатора Панаса, формой ухода которого становится классовая борьба. Герой уверен в необходимости коллективизации, которая видится ему правильным шагом на пути к новому коммунистическому будущему. Панас ни на секунду не сомневается в своих взглядах, презирает приспособленцев, верит, что “шлях да шчасця цесна звязаны з жорсткай класавай барацьбой” [4, с. 591].

Я. Колас в повести “Адшчапенец” изображает крестьянина, который уходит из дома, чтобы своими глазами увидеть, что такое коллективная собственность, а затем возвращается в родную деревню и агитирует односельчан последовать его примеру и податься в колхоз. То есть в повести Я. Коласа изображается уход от дореволюционного устройства сельского хозяйства и устаревшего крестьянского индивидуалистического образа мысли, что отмечается М.А. Тычиной [5, с. 230].

Классовая борьба и новый образ мышления также оказываются формами ухода от собственных чувств, переживаний для героя романа М. Зарецкого “Вязьмо” (1932). В одном из эпизодов произведения Сымон Каризна едва сдерживает слезы, слушая, как крестьянин прощается с любимым конем, который отныне принадлежит государству. Однако Каризна убеждает себя в том, что такая сентиментальность есть проявление слабости характера, от которой нужно избавиться как можно скорее, чтобы подобные проявления кулацкого мировоззрения не становились на пути к светлому коммунистическому будущему: “Гэта – рабства. Гэта пракляты ідыятызм патрыярхальнае вёскі. Трэба знішчыць гэта, трэба смяцца з гэтага... Трэба быць жорсткім” [6, с. 73]”. Такого же мнения насчет присутствия в романе М. Зарецкого мотива ухода придерживается исследователь Т.М. Дасаева [7, с. 48].

Революционное мышление также явилось формой ухода от старого порядка и образа мысли для другого героя романа “Вязьмо” Зеленюка. Не являясь, в отличие от Каризны, выходцем из деревни, он и вовсе считает крестьян низшим слоем общества. Такие взгляды движут героем, заставляя неуклонно следовать коммунистическому курсу, с симпатией относиться к проявлению силы в деле коллективизатора. М.И. Мушинский пишет: “Зеленюку недаступная логіка паводзін працоўнага чалавека. Ён увогуле не схільны знаходзіць станоўчыя пачаткі ў сялянскім жыцці. Створаны ўладаю міф пра духоўнае ўбоства і палітычную адсталасць вяскоўца служыць Зеленюку псіхалагічнай асновай для абгрунтавання сілавых дзеянняў у працэсе калектывізацыі” [8, с. 539].

Очевидно, что во времена столь радикальных политических и социальных преобразований в литературе появились герои, уходящие или бегущие от революции и ее последствий, либо герои, избегающие того, чтобы быть участниками этих перемен. В романе М. Зарецкого “Вязьмо” таким героем стал Галилей, который бежит от ограниченного мышления, насаждаемого агитационными речами коллективизаторов. В одном из эпизодов герой сбегает во время беседы с Зеленоком, разочаровавшись в агитаторе как в человеке широкого кругозора. М.И. Мушинский отмечает: “І гэтыя ўцёкі [курсив наш. – Д.Л.] паказальныя: Галілей спадзяваўся пачуць ад субяседніка слова агульнае і глыбокае, адзінае ў сваёй першаістотнай глыбіні, слова, якое б раскрыла існасць жыцця, схаваны сэнс падзей, што адбываліся ў краіне, а самаўпэўны Зелянюк абмежаваўся тлумачэннямі побытавага ўзроўню, зацяганымі прапагандысцкімі штампамамі” [8, с. 542].

Отшельничество, огражденность от остального мира как форма ухода от коллективизации присуща главному герою повести К. Чёрного “Лявон Бушмар” (1929). Главный герой пытается отгородиться от наступления нового времени, всеми силами пытается не попасть под его мощные волны, ведя жизнь отшельника на своем хуторе. М.А. Тычина пишет: “Імкненне адгарадзіцца ад усяго свету, засланіцца на хутары лесам і адлегласцю, інстынктыўнае, прадыктаванае пачуццём слабасці. Магутная постаць Лявона Бушмара, што ўнушае ўсяму наваколлю страх і вымушаную павагу, адзінока ўзвышаецца, быццам апошні рэлікт мінулае эпохі” [9, с. 18]. В вопросе присутствия мотива ухода от нового строя в романе К. Чёрного “Лявон Бушмар” мы солидарны с мнением Т.М. Дасаевой [7, с. 134–135].

Героя, уходящего от революции, читатель встречает также в повести Б. Микулича “Ускраина” (1932). Таким героем здесь является творческий человек, архитектор Крейслер, который сначала пробует приспособиться к новому порядку, но затем понимает, что сделать это он сможет, лишь отказавшись от своего “я”, перестав быть настоящим художником. По этой причине

Крейслер уезжает в Германию, однако вскоре становится там безработным и пытается покончить с собой. Таким образом, формы бегства Крейслера становятся эмиграция и попытка самоубийства, о чем пишет Т.К. Громадченко [10, с. 607]. Исследователь также отмечает, что на образах писателя Парамонта Синичкина и актрисы Гронской повести “Ускраина” Б. Микулич показывает, что для представителей старой интеллигенции есть и другой путь – отказ от былых представлений и содействие переменам нового времени [10, с. 607].

В 1920–1930-е гг. изображение ухода или бегства от политического режима или общественного строя не было характерно для литературы США. Данный тип бегства (или ухода) стал более популярен в американской прозе во второй половине XX в. В эпоху маккартизма антиправительственные настроения среди населения США усилились, что отразилось и в литературе. Прежде всего, стоит упомянуть творчество писателей-битников (Дж. Керуака, У. Берроуза) и Дж.Д. Сэлинджера. Герои Дж. Керуака в романе “В дороге” (*On the Road*, 1957) не приемлют американское “общество потребления”, навязываемые государством ценности и оттого предпочитают существовать в собственном мире, мире бесконечной дороги. Я. Могутин пишет: “Символично название романа Керуака – “В дороге”. Дорога (вспоминаются фильмы Вендерса и Антониони) – это бесконечный и бессмысленный побег от благополучия буржуазного быта, от пуританства и ханжества “общественной морали”, от традиций цивилизации потребительства, побег куда угодно, в никуда...” [11, с. 15].

У. Берроуз в романе “Толый завтрак” (*Naked Lunch*, 1959) изображает город под названием Аннексия, из которого главный герой бежит в город Свободию. Исследователь творчества Берроуза О. Харрис пишет, что город Аннексия является отсылкой к некоторым американским штатам, где установилась жесткая система полицейского контроля, следствием чего явилось угнетение прав человека [12, pp. 235, 252].

В повести Дж.Д. Сэлинджера “Над пропастью во ржи” (*The Catcher in the Rye*,

1951) главный герой, который бежит от бездуховности общества, также употребляет антимилитаристские высказывания, выражая свою ненависть к окружающим его реалиям. С. Финкелстайн пишет: “Он [Холден Колфилд] не трус, но говорит, что не выдержал, если бы ему пришлось идти на войну. Армия – “липа”. Ее антифашистские лозунги в прошедшей войне тоже были “липовыми”. Он рад, говорит он, что изобрели атомную бомбу. Если когда-нибудь начнется война, он вызовется сесть прямо на эту бомбу” [13, с. 240].

Тем не менее, для героев битников и Сэлинджера главным образом свойственно бегство от ложных ценностей, навязываемых обществом, но не непосредственно от государственного устройства или политических преобразований. Говоря о последнем типе бегства, стоит отметить творчество Н. Мейлера. В романе “Олений парк” (*The Deer Park*, 1955) писатель изображает кинорежиссера Эйтеля, для которого социализм является средством противостояния маккартизму. Однако в эпоху “охоты на ведьм” герой быстро отказывается от выражения радикальных убеждений и становится еще одним винтиком американской политической машины. Образы коммунистов или социалистов, предавших свои убеждения под давлением общественного осуждения и гнета со стороны государства, нередко встречаются в прозе США 1950–1970-х гг. Стоит упомянуть бывшего осведомителя американского подполья Маклеода, героя более раннего романа Мейлера “Берег варваров” (*Barbary Shore*, 1951), а также экс-коммуниста Старбэка, героя романа К. Воннегута “Рецидивист” (*Jailbird*, 1979). Здесь можно провести параллели с героями повести Б. Микучича “Украина” писарем Синичкиным и актрисой Гронской, которые отказались от антиреволюционных убеждений и приняли социалистический строй. Однако изображение ухода от политических убеждений в произведении Микучича обусловлено необходимостью автора подать читателю положительный пример, пропагандирующий “правильное” революционное мировоззрение. Изображение отречения от политических взглядов героев романов

Мейлера и Воннегута также обусловлено идеологическими целями американских авторов, однако их творчество нельзя отнести к ангажированной литературе. А.С. Мулярчик заметил, что именно американские писатели воплотили в образах своих героев «верно угаданный и своевременно взятый из действительности тип “раскаявшегося бунтаря”» [14, с. 107].

Возвращаясь к роману Мейлера “Олений парк”, стоит отметить образ бывшего военного летчика О’Шонесси. Не приемля политику правительства США, герой не становится ярким коммунистом, но, в отличие от Эйтеля, отвергает выгодное предложение стать лицом государственной пропаганды и уходит из политической игры, погружаясь в самосовершенствование и интеллектуальный поиск. В одной из первых рецензий на роман Мейлера “Американская мечта” (*An American Dream*, 1965) главный герой Стивен Роджек сравнивается с героем романа “Олений парк” Сержиусом О’Шонесси. Автор отмечает, что Роджек также мог пожизненно стать лицом американской пропаганды как герой войны, которого постоянно показывают по телевизору и приглашают на встречи высокие чины. Однако, в отличие от О’Шонесси, Роджек понял, что из “тюрмы” пропаганды он может освободиться лишь став жестоким убийцей, так как именно убийство позволяет ему ощущать себя живым и становится формой бегства героя от гнета политического и социального устройства [15].

Отметим, что в романе Дж. Апдайка “Кролик вернулся” (*Rabbit Redux*, 1971) мотив бегства от государства как института и навязываемых им ценностей также является важным элементом поэтики произведения, что подтверждается такими исследователями, как, А. Мазурек [16, р. 146], Дж. Шифф [17, р. 42], М. Босуел [18, pp. 88–90]. Однако это бегство остается спонтанным и неосознанным главным героем. Будучи в депрессии после расставания с женой, Кролик Энгстром запирается от мира и, сам того не желая, организует коммуну, в которую, помимо него, входят его сын-подросток и еще несколько маргиналов. Отгородившись от общества, герои живут по канонам дви-

жения хиппи: предаются свободной любви, употребляют наркотики и ведут бесконечные философские разговоры. Изображение несознательно бегущего от государства героя является сатирой на американское общество. Более того, такой герой имеет реальный прототип в лице Чарльза Мэйсона, хиппи, организовавшего секту, состоявшую из отшельников, совершивших серию жестоких убийств в 1960-х гг. в США.

Среди более поздних произведений американской прозы второй половины XX в., в которых присутствует данный тип мотива бегства, стоит выделить роман Ч. Паланика “Бойцовский клуб” (*Fight Club*, 1996). Бегство рассказчика обусловлено его подсознательным желанием освободиться от оков современной цивилизации. Однако сам он оказывается неспособным на это, вследствие чего у рассказчика развивается раздвоение личности: появляется альтер-эго, которое и становится каналом несознательного бегства рассказчика в другой мир, где нет никаких границ, а сам он является всемогущим. Так, альтер-эго рассказчика организует тайное сообщество, целью которого является уничтожение государства, в котором созданы все условия для угнетения низших классов власть имущими. Отметим мнение Р. Шухардта, который пишет о том, что роман “Бойцовский клуб” – это история “побега от тоталитарного капитализма” [19, р. 3]. Примечательны также слова К. Стерлинг, которая говорит о том, что Тайлер – это попытка “бегства рассказчика из ловушки общества потребления” [20, р. 128].

В эпоху развития промышленности значительной популярностью в белорусской литературе пользовался мотив ухода выходца из деревни в город. Наличие данного типа ухода в рассказах В. Ковалева “Сяльчане” (1926), “У грамадскім грукаце” (1926), “Крыніца” (1928), “Сіняя восень” (1929) обусловлено тем, что все они рассказывают о герое, который любит деревню, однако хочет знать, на что похожа жизнь за ее пределами, там, где советская власть возводит фабрики, заводы, отстраивает города. Желание видеть, как преобразается страна во время индустриализации, найти для себя лучшей доли в городе заставляет героев покинуть

деревню. Т.К. Громадченко также пишет, что в произведениях В. Ковалева перед читателем предстает “сын деревни”, любящий свою родину, но одолеваемый “стремлением к новой, более содержательной и духовно наполненной жизни” [21, с. 650].

Данный тип ухода также оставался популярным в белорусской прозе 1960–1970-х гг. Однако авторов данного периода интересует не стремление героев открыть новые горизонты и устроить свою жизнь среди чудес индустриализации, но, прежде всего, психология человека, который имеет деревенское происхождение, но пытается приспособиться к жизни в городе. Так, в рассказе “Сена на асфальце” (1963) М. Стрельцов изображает героя, которого из деревни в город приводит желание познать себя, узнать, как он, деревенский парень, будет ощущать себя в другом мире. В конце концов, герой приходит к тому, что примиряет город и деревню в своей душе. Об уходе героя рассказа “Сена на асфальце” из деревни в город как о результате духовных поисков молодого человека пишет Н.В. Кузьмич [22, с. 177].

В повести А. Мосаренко “Сонца майго дня” (1976) также речь идет о герое, уходящем из деревни в город в поисках лучшей жизни. В данном произведении внимание автора сосредоточено на лучших чертах белоруса, которые обусловлены именно его деревенским происхождением, что также отмечается Т.И. Шамякиной [23, с. 524]. Главный герой проявляет такие черты, как совесть, открытость, трудолюбие, целомудрие, скромность, готовность устоять перед пагубными искушениями городской жизни.

Американские прозаики также изображали героя, уходящего из провинции в город, однако в данном случае уход героев обусловлен неприятием провинциальной жизни, стремлением вырваться из ее оков. По мнению И. Нортон, стремительная, мечтательная и во многом сумасбродная натура главной героини новеллы Т. Капоте “Завтрак у Тиффани” (*Breakfast at Tiffany's*, 1958) делает провинциалку беспомощной перед желанием убежать из “пустого и пасмурного места”¹ [24, с. 191] в мир роскошных нарядов и дорогих украшений [25].

¹ Пер. с англ. В.П. Гольшева.

В романе Р. Йейтса “Дорога перемен” (*Revolutionary Road*, 1961) герои – амбициозные, интеллигентные супруги Фрэнк и Эйприл Уилер, уставшие от провинциальной, скучной жизни в пригороде Нью-Йорка, решают вовсе покинуть страну и начать новую жизнь в Париже. Фрэнк, ненавидит свою работу, а Эйприл в попытке найти себе какое-нибудь занятие с треском проваливается, пробуя себя в качестве актрисы малых театров. Более того, у Уилеров проблемы с алкоголем, они скучают в компании своих соседей и боятся превратиться в тривиальных обывателей, будущее кажется им смутным и бесперспективным. Как следствие, Эйприл и предлагает довольно романтическое решение их проблемы: они должны продать свой дом и переехать в Париж. О присутствии в романе Р. Йейтса мотива ухода от угнетающего провинциального существования также пишет Р. Форд [26].

В 1940–1990-х гг. типы и формы ухода, изображенные в произведениях белорусских писателей, представлены гораздо большим разнообразием. Это связано с тем, что потребность в прославлении революции в литературе отходит на второй план по причине окончательной победы и укрепления советской власти и разгрома контрреволюционных сил во время гражданской войны. Белорусская литература данного периода не утратила своей ангажированности, однако внимание авторов стало в большей степени концентрироваться на внутренних, духовных причинах ухода и бегства героев.

Великая отечественная война также наложила свой отпечаток на изображение ухода в белорусской военной прозе. В качестве примера можно привести роман А. Кулаковского “Расстаемся ненадоўга” (1952–1954), где изображаются директора школ Жарский и Черчес, которые уклоняются от службы в армии и стремятся выгодно устроиться во времена военного лихолетья. Присутствие мотива уклонения от военной службы в произведении “Расстаемся ненадоўга” также отмечается А.С. Яскевичем [27, с. 67]. Отметим, что в повести В. Быкова “Сотников” (1970) один из главных героев Рыбак совершает экзистенциальный уход: попав в плен, перед лицом смерти он совершает

предательство и соглашается сотрудничать с врагами. В данном произведении автор изучает именно внутренние причины предательства, кроющиеся глубоко в человеческой душе. В. Оскоцкий отмечает, что к предательству явному ведет цепь тайных предательств, которые Рыбак совершает накануне [28, с. 8]. В. Быков предвещает дезертирство Рыбака, изображая то, как тот возвращается к раненому на поле боя товарищу не из чувства взаимовыручки, а из желания прикрыть себя перед партизанами, как надеется на то, что Сотников погибнет в полицейских застенках, как изворачивается на допросах, делая все, чтобы сохранить свою жизнь.

В американской прозе XX в. изображение дезертирства встречается в романах Э. Хемингуэя “Прощай, оружие!” (*A Farewell to Arms*, 1929) и Дж. Хеллера “Уловка-22” (*Catch-22*, 1961). В романе Хемингуэя главный герой совершает бегство, так как все его существо протестует против войны. Изображение такого героя обусловлено мнением самого автора, который в предисловии к роману определял войну как “наглое, смертоубийственное, грязное преступление”² [29, с. 7].

В романе Дж. Хеллера “Уловка-22” главный герой, летчик, пытается держаться подальше от боевых действий, уклоняется от боевых вылетов, ссылаясь на плохое самочувствие, однако совершить уход у главного героя не получается по бюрократическим и моральным причинам, нагромождение которых превращается в абсурдистский фарс. А.С. Мулярчик пишет: “Сатира Хеллера в “Уловке-22” резка, нелепая и широкоохватна. Она поражает любые мишени, не ссылаясь ни с должностями, ни с количеством звездочек на погонах; ее жертвами становятся вся американская иерархия от капрала до генерала, не говоря уже о контрразведке и медицинской службе” [14, с. 134]. Однако, говоря о разных подходах к изображению дезертирства в белорусской и американской литературах, стоит отметить тот факт, что эти различия обусловлены разным восприятием Второй мировой войны советским и американским

² Пер. с англ. Е.Д. Калашниковой.

народами. Для советского человека Великая Отечественная война – это, прежде всего, война освободительная, поэтому представляется естественным, что в белорусской литературе дезертир традиционно является отрицательным персонажем. В глазах многих американцев Вторая мировая война – это решение чужих проблем своими средствами, поэтому уклонист или дезертир, изображенный в прозе США с большей вероятностью может вызвать симпатию или сочувствие читателя.

Изображение ухода (или бегства) от семьи также становится довольно распространенным явлением в белорусской прозе данного периода. Так, главными героями романов А. Савицкого “Жанчына” (1962) и Г. Долидовича “Юля” (1971) являются женщины, которые уходят от мужей по причине не прекращающихся семейных раздоров, однако через время находят в себе силы вернуться и начать работу над ошибками, строить свое счастье с любимым человеком заново. Т.И. Шамякина и А.В. Рагуля пишут, что героинь обоих произведений объединяет то, что они не ищут другого счастья, продолжая любить бывших супругов, и находят в себе силы пересмотреть, в первую очередь, свои взгляды на жизнь ради счастья с любимым человеком [30, с. 295; 31, с. 749].

Такой тип ухода, в данном случае – бегство, встречается в романах Дж. Апдайка о Кролике Энгстроме, мужчине, который неоднократно уходит из семьи в поисках чего-то лучшего, а затем возвращается к жене и детям. Однако характерная черта героя Апдайка в том, что, возвратившись, он снова и снова обращается в бегство, причины которого зачастую он сам себе не может объяснить. То есть поведение Кролика бесцельно, иррационально. Более того, герой романов Апдайка постоянно ищет убежище в сексуальных утехах с другими женщинами. Д. Грейнер пишет о том, что для апдайковского героя секс, главным образом, является формой “бегства от смерти” [32, р. 114], так как, предаваясь плотским утехам, он чувствует себя живым. Для Кролика Энгстрома жизнь в браке с нелюбимой женой означает увядание, движение к смерти, что обуславливает постоянную открытость героя к адюльтеру.

Отметим мнение Д.В. Таболкина, который пишет о том, что секс и супружеская измена становятся “единственным средством свободного волеизъявления” [33, с. 8] для героев таких романов Апдайка, как “Супружеские пары” (*Couples*, 1968) и “Давай поженимся” (*Marry Me*, 1977). В этих романах изображены богатые жители пригородов, для которых не существует духовных идеалов, а брак и семья являются для них в первую очередь необходимостью, показателем их состоятельности, который определен нормами американского общества. Не случайно эпиграфом к роману “Супружеские пары” Апдайк выбрал следующие слова Пауля Тиллиха из книги “Будущее религий”: “Средний гражданин, даже добившийся высокого положения в своей профессии, склонен считать решения, относящиеся к жизни общества, к которому он принадлежит, делом рока, над которым он не властен, подобно подданным Рима по всему миру в эпоху Римской Империи. Такое настроение способствует возрождению религии, но не сохранению настоящей демократии” [34, с. 5]. Именно брак является для героев тем “решением, относящимся к жизни общества”, “делом рока”. Поскольку религиозное чувство чуждо героям, единственным способом вырваться из-под гнета социальных условностей, определивших несчастье героев в семейной жизни, является супружеская измена, которая, главным образом, проявляется на плотском уровне.

Героиня рассказа Н. Гигевича “Райка” (1978) также прибегает к такой форме бегства от рутины семейных отношений и жизни в целом, как случайная сексуальная близость. С.А. Андреюк пишет, что поведение главной героини произведения объясняется ее стремлением романтизировать жизнь, поэтизировать отношения с мужчинами, постоянно переживать высокие чувства [35, с. 811]. Подобные наивность и максимализм, которые становятся подоплекой бегства, также свойственны герою повести Дж.Д. Сэлинджера “Над пропастью во ржи” Холдену Колфилду, который ищет искренность и неподдельность в окружающих людях и сбегает от всех, кто, по его мнению, этими качествами не обладает.

Примечательно, что типы и формы ухода и бегства, изображенные некоторыми белорусскими прозаиками последней четверти XX ст., характеризуются концептуальной схожестью со своими аналогами в американской прозе XX в.

Можно привести в пример роман А. Мосаренко “Баргузінскае лета” (1982). Героиня произведения Дуня отправляется в тайгу с целью познать трудности настоящей жизни и уйти от однообразности городского быта. Т.И. Шамякина также подчеркивает главенствующую роль мотива ухода от рутинного существования в романе “Баргузінскае лета” [23, с. 528]. Легко провести параллели между Дуней и героями “северных рассказов” Дж. Лондона, которые, не преуспев в погоне за “американской мечтой”, уходили добывать золото на север, несмотря на все связанные с этим трудности и опасности. В.М. Быков пишет: “Писатель [Дж. Лондон] показывал, как вытесненный из цивилизованного мира человек пытался добыть свое счастье и как жестко расплачивался за эту дерзость” [36, с. 39]. В.Н. Богословский также отмечает, что “не за золотом, за настоящей жизнью” [37, с. 355] отправляются на Аляску герои Дж. Лондона.

В рассказе А. Наварича “Гепардава лета” (1988), главный герой которого сбегает от меркантильности окружающих его людей и жизненных неурядиц в мир фантазий, которые навешают его во время чтения книг и становятся для парня другой, более красочной и захватывающей реальностью. Наличие мотива ухода от общества в воображаемую реальность в рассказе А. Наварича “Гепардава лета” отмечает также З.В. Дроздова [38, с. 182].

Грезы являются убежищем и для героя повести Дж.Д. Сэлинджера “Над пропастью во ржи” Холдена Колфилда. В моменты сильнейшего душевного кризиса подросток отрешается от происходящего вокруг, погружаясь в фантазии, героями которых являются любимые люди, утки на пруду в Центральном парке или сам Холден в роли благородного мстителя из остросюжетного фильма или лежащего на тротуаре самоубийцы. Д. Джонес и Д. Брыфонски пишут о том, что именно наличие психологической

травмы и глубокая депрессия заставляет Холдена постоянно сбегать в мир собственных грез [39, р. 106; 40, р. 77, 99].

Стоит также упомянуть пронизанный мотивами ухода роман “І той дзень надышоў” (1987) писателя-эмигранта М. Седнева. Главный герой романа писатель Микола Масеевич не соглашается с политикой коммунистов в вопросе об идеологической роли литературы и сам отказывается становиться винтиком системы. Герой постоянно думает о том, что нужно бежать от тех изменений, которые происходят в стране, однако, надеясь на лучшее, не решается покинуть родную деревню. Как пишет Л.С. Савик, “ему [герою] было предписано исчезнуть, быть “отрезанным” от родного окружения и Родины” [41, с. 408]. В итоге герой попадает в Гулаг. Практически сразу после освобождения Микола начинается Великая Отечественная война, и герой снова оказывается между двух огней: с одной стороны ненавистная коммунистическая власть, с другой – немецкие оккупанты. Герой всеми силами уклоняется от принятия какой-либо стороны, занимает нейтральную позицию, что также становится для него формой вынужденного ухода от политической жизни и, что важнее, от родного окружения. Роман заканчивается тем, что герой вынужден покинуть отечество и уехать на чужбину. Таким образом, в романе Седнева изображается экзистенциальный уход: находясь между двух огней, герой вынужден расстаться с родиной. А. Бахаревиц так объясняет судьбу героя Седнева: “Ад такіх [коммунистов, оккупантов] трэба ўцякаць. Хоць у Нямеччыну, хоць у Амэрыку. Іначай усё жыццё будзеш разважаць над філязофскім пытаньнем: “Чаму не хапае адвагі і волі сябе задушыць у абшары лясным?” [42, с. 291]. Отметим, что среди рассматриваемых в статье писателей М. Седнев, вероятно, испытывает наибольшее влияние американской литературной традиции, так как долгое время жил в эмиграции в США, где и написал роман “І той дзень надышоў”.

Экзистенциальное бегство также совершает героиня русскоязычного романа белорусского автора Е. Поповой “Пузырек воздуха в кипящем котле” (2007). Желание

отгородится от несчастливого прошлого, забыть о том, что было, также приводит главную героиню к расставанию с родиной: Л.В. Олейник пишет: “Очень утонченно, художественно достоверно отразила Е. Попова эмоциональное состояние героини в момент отъезда за пределы родины. Фактически – это *бегство* [курсив наш. – Д.Л.]. <...> Этот эпизод демонстрирует сумятицу чувств Комяковой, состояние страха и загнивания, острейшего кризиса, граничащего с агонией. Казалось бы, отъезд – это спасение...” [43, с. 20].

В американской литературе существует традиция изображения ухода или бегства героя из родных мест. Чаще всего герой американской прозы покидает родину по причине утраты чувства привязанности к ней, приобретения ощущения неприкаянности, что также может иметь разную подоплеку. Так, уезжает в Париж “мыслящий себя заложником индустриальной цивилизации” [44, с. 45] герой романа Г. Миллера “Тропик Рака” (*Tropic of Cancer*, 1934); избавиться от изнуряющего однообразия рутинной жизни водителя автобуса с помощью бегства в Мексику пытается герой романа Дж. Стейнбека “Заблудившийся автобус” (*The Wayward Bus*, 1947); ощущая себя лишним во взрослом мире, мечтает о хижине вдалеке от города герой повести Дж.Д. Сэлинджера “Над пропастью во ржи”; от затягивающего всё сильнее и сильнее болота семейной жизни и кризиса среднего возраста бежит без оглядки к Мексиканскому заливу герой романов Дж. Апдайка о Кролике; метается по свету в несознательной погоне за счастьем герой романа У. Грума “Форрест Гамп” (*Forrest Gump*, 1986). Всех этих героев объединяет чувство отчужденности от родных мест и своего окружения, что и является импульсом к началу их ухода или бегства.

Заключение

Таким образом, в белорусской прозе 1920–1930-х гг., ввиду высокой степени ангажированности литературы, изображение ухода или бегства в большинстве случаев служит идеологическим целям. Нельзя сказать того же о тех произведениях писателей США XX в., в которых встречаются анало-

гичные типы данных мотивов. Присутствие уходящего или бегущего героя в американских прозаических произведениях обусловлено спецификой литературных традиций, а также неангажированностью творчества многих американских писателей. На данном этапе в белорусской прозе наиболее распространен мотив ухода от общественно-политического строя царской России (М. Зарецкий, П. Головач, Я. Колас). В прозе США данный тип мотивов ухода и бегства также занимает большую нишу, однако встречается в основном в произведениях писателей нонконформистов 1950–1960-х гг. (Н. Мейлер, Дж. Керуак, Дж.Д. Сэлинджер), несогласных с политикой государства, проводимой во времена сенатора Маккарти.

В 1940–1990-х гг. в белорусской прозе мотивы ухода и бегства представлены гораздо большим разнообразием типов и форм. Более того, предметом интереса писателей чаще становятся внутренние причины ухода и бегства героев.

В произведениях некоторых авторов присутствует такой тип ухода, как дезертирство. В американской прозе XX в. также встречается данный тип ухода, однако концепция его изображения в литературе США иная. В белорусской прозе дезертир – это, прежде всего, предатель, отрицательный персонаж, встречающийся на страницах произведений о Великой Отечественной войне (А. Кулаковский, В. Быков). В американской прозе дезертирство – это презрение героем войны как таковой, его неспособность примириться с участием в тотальном уничтожении и разрушении, развязанном властями (Э. Хемингуэй, Дж. Хеллер).

Белорусские писатели данного периода также изображают уход героя от семьи (А. Савицкий, Н. Гигевич), уход от бытового однообразия (А. Мосаренко), уход от общества (А. Наварич), экзистенциальный уход (М. Седнев). Стоит отметить, что концепция ухода, изображаемого белорусскими прозаиками в данный период, во многих случаях может характеризоваться схожестью со своими аналогами, встречающимися в произведениях писателей США (Дж. Лондон, Дж. Стейнбек, Дж.Д. Сэлинджер, У. Грум). Безусловно, эта схожесть обусловлена, пре-

жде всего, более высокой степенью оригинальности творческого замысла авторов, а не влиянием идей отдельно взятых американских писателей. Также стоит отметить, что для белорусской прозы мотив ухода более актуален, нежели мотив бегства, так как ее герой более рационален, его уход подчиняется логике и имеет задуманную героем конечную точку. В американской прозе, особенно во второй половине XX в., чаще встречается мотив бегства. Для героев произведений Дж. Керуака, У. Берроуза, Дж.Д. Сэлинджера, Дж. Апдайка, Ч. Паланика бегство становится образом жизни, оно никогда не прекращается и изначально не имеет конечного пункта. Более того, их поведение часто приобретает стихийный характер и не подчиняется здравому смыслу.

Отметим также, что уход и бегство, изображенные в белорусской прозе, часто обуславливаются любовью героев к Родине, желанием ее процветания (“Вязьмо” М. Зарэцкі, рассказы в Ковалю) и/или стремлением сохранить в себе врожденную духовность, жить по унаследованному, складывавшемуся веками укладу жизни (“Лявон Бушмар” К. Черного, “Сонца майго дня” А. Мосаренко, “Сена на асфальце” М. Стрельцова, “І той дзень надышоў” М. Седнева).

Присутствие мотивов ухода и бегства в американской прозе часто основано на отторжении героями американского духа в себе и окружающих и/или неприятия собственного происхождения, отречения от корней (“Дорога перемен” Р. Йейтса, “Завтрак у Тиффани” Т. Капоте, “Олений парк” Н. Мейлера, “Тропик Рака” Е. Миллера, “Над пропастью во ржи” Дж.Д. Сэлинджера, “Бойцовский клуб” Ч. Паланика).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Fiedler, L.* Love and Death in the American Novel / L. Fiedler. – New York : Anchor Books, 1992. – 519 p.
2. *Зверев, А. М.* Американский роман 20–30-х годов / А. М. Зверев. – М. : Художественная литература, 1982. – 257 с.
3. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов и выражений. – 27-е изд., испр. / С. И. Ожегов ; под ред. проф. Скворцова. – Москва : АСТ: Мир и Образование, 2014. – 1360 с.
4. *Бароўка, В. Ю.* Платон Галавач / В. Ю. Бароўка // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. – Мінск : Беларуская навука, 2002. – Т. 2. – С. 576–599.
5. *Тычына, М. А.* Якуб Колас / М. А. Тычына // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. – Мінск : Беларуская навука, 1999. – Т. 1. – С. 176–236.
6. *Зарэцкі, М.* 36. тв. : у 4 т. / М. Зарэцкі. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1990. – Т. 2.
7. *Дасаева, Т. М.* Беларуская літаратура XX – пачатак XXI стагоддзя / Т. М. Дасаева. – Мінск : Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы, 2016. – 263 с.
8. *Мушынскі, М. І.* Міхась Зарэцкі / М. І. Мушынскі // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. – Мінск : Беларуская навука, 2002. – Т. 2. – С. 304–349.
9. *Тычына, М. А.* Цана прароцтваў / М. А. Тычына // Чорны, К. Выбраныя творы / К. Чорны. – Мінск : Беллітфонд, 2000. – С. 5–26.
10. *Грамадчанка, Т. К.* Барыс Мікуліч / Т. К. Грамадчанка // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. – Мінск : Беларуская навука, 2002. – Т. 2. – С. 600–614.
11. *Могутин, Я. Ю.* Битники: история болезни / Я. Ю. Могутин, А. Н. Шаталов // Берроуз, У. С. Гольый завтрак / У. Берроуз. – Москва : Глагол, 1993. – С. 7–24.
12. *Harris, O.* William Burroughs and the Secret of Fascination / O. Harris. – Carbondale and Edwardsville : SIU Press, 2006. – 287 p.
13. *Финкелстайн, С.* Экзистенциализм и проблема отчуждения в американской литературе / С. Финкелстайн. – Москва : Прогресс, 1967. – 323 с.
14. *Мулярчик, А. С.* США – век двадцатый: грани литературного процесса / А. С. Мулярчик. – Барановичи : Барановичская укрупненная тип., 1994. – 341 с.
15. *Knickerbocker, C.* A Man Desperate for a New Life / C. Knickerbocker. – The

- New York Times [Electronic resource]. – 1965. – Mode of access: <http://www.nytimes.com/packages/html/books/mailler-american-dream.pdf>. – Date of access: 18.03.2018.
16. **Mazurek, A.** Ideology and Representation in Updike's Rabbit Trilogy / A. Mazurek // Politics and the Muse: Studies in the Politics of Recent American Literature / A. J. Sorkin. – Bowling Green: Bowling Green State University Popular Press, 1989. – P. 142–161.
 17. **Schiff, J. A.** John Updike Revisited / J. A. Schiff. – Boston : Twayne, 1998. – 228 p.
 18. **Boswell, M.** John Updike's Rabbit Tetralogy: Mastered Irony in Motion / M. Boswell. – Missouri : University of Missouri Press, 2001. – 253 p.
 19. **Schuchardt, R. M.** Chuck Palahniuk, Existential Paramedic / R. M. Schuchardt // You Do Not Talk About Fight Club: I Am Jack's Completely Unauthorized Essay Collection / R. M. Schuchardt. – Dallas : Benbella Books, 2015. – P. 1–7.
 20. **Sterling, K.** Dr. Jekyll and Mr. Jackass / K. Stirling // You Do Not Talk About Fight Club: I Am Jack's Completely Unauthorized Essay Collection / R. M. Schuchardt. – Dallas : Benbella Books, 2015. – P. 119–133.
 21. **Грамадчанка, Т. К.** Васіль Каваль / Т. К. Грамадчанка // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. – Мінск : Беларуская навука, 2002. – Т. 2. – С. 646–656.
 22. **Кузьмич, Н. В.** Горад і вёска ў апавяданнях Міхася Стральцова / Н. В. Кузьмич // Актуальные проблемы славянської філології. Выпуск XXIII. Часть 1 / Бердянск : Бердянский гос. пед. ун-т, 2010. – С. 171–179.
 23. **Шамякіна, Т. І.** Алесь Масарэнка / Т. І. Шамякіна // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. – Мінск : Беларуская навука, 2015. – Т. 4. – С. 515–543.
 24. **Капоте, Т.** Голоса травы. Завтрак у Тиффани / Т. Капоте. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 224 с.
 25. **Norton, I.** Year with Short Novels: Breakfast at Sally Bowles' / I. Norton. – Open Letters Monthly: an Arts and Literature Review [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access: <https://www.openlettersmonthly.com/short-novels-breakfast-at-sally-bowles/>. – Date of access: 18.03.2018.
 26. **Ford, R.** American Beauty / R. Ford. – The New York Times [Electronic resource]. – 2000. – Mode of access: <http://www.nytimes.com/2000/04/09/books/essay-american-beauty-circa-1955.html>. – Date of access: 18.03.2018.
 27. **Яскевіч, А. С.** Проза / А. С. Яскевіч // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. – Мінск : Беларуская навука, 2001. – Т. 3. – С. 55–80.
 28. **Оскоцкий, В. Д.** Предисловие / В. Д. Оскоцкий // Быков, В. Сотников / В. Быков. – Москва : Детская литература, 1982. – С. 7–10.
 29. **Хемингуэй, Э.** Прощай, оружие! Рассказы / Э. Хемингуэй. – Москва : Художественная литература, 1977. – 385 с.
 30. **Шамякіна, Т. І.** Алесь Савіцкі / Т. І. Шамякіна // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. – Мінск : Беларуская навука, 2015. – Т. 4. – С. 287–321.
 31. **Рагуля, А. У.** Генрых Далідовіч / А. У. Рагуля // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. – Мінск : Беларуская навука, 2015. – Т. 4. – С. 737–776.
 32. **Greiner, D. J.** Adultery in the American novel: Updike, James, and Hawthorne / D. J. Greiner. – Columbia : University of South Carolina, 1985. – 136 p.
 33. **Таболкин, Д. В.** 100 знаменитых американцев / Д. В. Таболкин. – Харьков : Фолио, 2004. – 512 с.
 34. **Апдайк, Дж.** Супружеские пары / Дж. Апдайк. – Москва : Махаон, 2002. – 480 с.
 35. **Андраюк, С. А.** Васіль Гігевіч / С. А. Андраюк // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. – Мінск : Беларуская навука, 2015. – Т. 4. – С. 806–835.
 36. **Быков, В. М.** Джек Лондон / В. М. Быков. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 1968. – 284 с.
 37. **Богословский, В. Н.** Ранний американский романтизм / В. Н. Богословский, В. Г. Прозоров // История зарубежной литературы XIX века. – Москва : Высшая школа, 1991. – С. 335–355.

38. *Драздова, З. У.* Праблема чалавечага характару ў эксперыментальна-пошукавых формах сучаснай французскай і беларускай прозы / З. У. Драздова // Беларуская літаратурная класіка і сучаснасць: праблемы характаралогіі. – Мінск : Беларуская навука, 2013. – С. 232–307.
39. *Jonnes, D.* Trauma, Mourning and Self-(re)fashioning in The Catcher in the Rye: Reinventing Youth in Cold War America / D. Jonnes // J. D. Salinger's The Catcher in the Rye / S. Graham. – London, New York : Routledge, 2007. – P. 99–108.
40. *Bryfonski, D.* Depression in J.D. Salinger's The Catcher in the Rye / D. Bryfonski. – Farmington Hills : Greenhaven Press, 2009. – 218 p.
41. *Савік, Л. С.* Пакліканья: Літ. бел. замежжа / Л. С. Савік. – Мінск : Тэхналогія, 2001. – 479 с.
42. *Бахарэвіч, А.* Гамбурскі рахунак Бахарэвіча / А. Бахарэвіч. – Радыё Свабодная Эўропа, Радыё Свабода, 2012. – 428 с.
43. *Олейник, Л. В.* Метафорический мир романа Е. Поповой “Пузырек воздуха в кипящем котле” / Л. В. Олейник // Русскоязычная литература Беларуси. – Минск : БГУ, 2010. – С. 11–24.
44. *Аствацатуров, А. А.* Генри Миллер и его “парижская трилогия” / А. А. Аствацатуров. – Москва : Новое литературное обозрение, 2010. – 344 с.

Поступила в редакцию 11.09.2019 г.
 Контакты: +375(29) 776 86 85
 (Лабовкин Дмитрий Андреевич)

Labovkin D.A. SPECIFIC FEATURES OF THE DEPICTION OF LEAVING AND RUNNING AWAY IN THE BELARUSIAN AND AMERICAN PROSE OF THE XX CENTURY

In the article the types of the Belarusian prose characters' leaving and running away are compared to their analogues in the American prose of the XX century. Common and distinctive features of leaving and running away depicted in the prose of each nation are defined in the paper. The presence of these motifs in the Belarusian prose is determined by certain political and cultural transformations and by uniqueness of certain authors' ideas in some cases. In the XX-century US prose the analogues of the Belarusian types of leaving and running away are easily found. However, the depiction of these phenomena is traditional for the American literature in general. Moreover, for the reason of the XX century social, political and cultural differences between the two nations being observed, conceptual distinctive features in the depiction of leaving and running away in the Belarusian and American prose prove to be obvious. Common features in the depiction of these phenomena in the Belarusian and American prose are characterized as accidental and local.

Keywords: running man, leaving, motif, state, society, family.

УДК 070.481:354.81(476)(091)“1920/1980”

**РАЗВИТИЕ ПРЕССЫ ОРГАНОВ
УПРАВЛЕНИЯ НАРОДНЫМ
ХОЗЯЙСТВОМ БССР
(1920–1980-е гг.)**

Р. В. Дерюжин

аспирант

Белорусский государственный
университет

В статье рассматривается возникновение и развитие прессы органов управления народным хозяйством БССР. Выявляются особенности структуры и содержания изданий Экономического совещания, Государственной плановой комиссии (комитета), Народного комиссариата земледелия, Министерства сельского хозяйства, Совета народного хозяйства. Подчеркивается, что на содержание и функционирование печати органов управления экономикой значительное влияние оказывали политические и экономические процессы, протекавшие в БССР на протяжении 1920–1980-х гг.

Ключевые слова: журнал, бюллетень, министерство, экономическое развитие, планирование, сельское хозяйство, промышленность.

Введение

На протяжении 1920–1980-х гг., в условиях становления и функционирования социалистической экономики, особое значение приобретали планово-экономические органы, деятельность которых являлась определяющей для экономического развития БССР. Ведущая роль в управлении народным хозяйством республики на протяжении 1920–1980-х гг. принадлежала Экономическому совещанию, Государственной плановой комиссии (с 1965 г. – комитету) – Госплану, Народному комиссариату земледелия (с 1946 г. – Министерству сельского хозяйства), на рубеже 1950–1960-х гг. – Совету народного хозяйства. Деятельность органов управления экономикой БССР неоднократно становилась объектом исследования [1; 2], однако периодическая печать данных государственных органов не является изученной.

Основная часть

Начальным этапом формирования местных планово-экономических органов стало образование экономических совещаний (ЭКОСО), решение о создании которых было принято декабре 1920 г. [3, с. 210].

В апреле 1921 г. начало функционировать ЭКОСО при СНК БССР, в задачи которого входило общее руководство деятельностью хозяйства республики [4, с. 11]. В январе 1922 г. вышел первый номер журнала ЭКОСО “Народное хозяйство Белоруссии”. В передовой статье были определены задачи издания: “Выявить лицо этой [народнохозяйственной. – Р.Д.] жизни, осветить стороны народной экономики, белорусского сельского хозяйства, согласовать деятельность всех хозяйственных органов ССРБ...” [5, с. 1]. Журнал, издававшийся до июля 1924 г., затрагивал вопросы сельского хозяйства, промышленности, торговли и финансов, кооперации.

В июле 1921 г. начала свою деятельность Плановая комиссия, выполнявшая при ЭКОСО БССР консультативные функции [2, с. 32], реорганизованная в апреле 1923 г. в Государственную плановую комиссию при ЭКОСО (Госплан) [1, с. 28].

В октябре 1924 г. вышел первый номер журнала “Советское строительство” (“Савецкае будаўніцтва”) – органа ЦИК, а с 1925 г. – органа ЦИК и СНК БССР. Редакция подчеркивала, что издание ставило своей основной целью “...анализ экономических явлений, как базис, на котором строятся все выводы и направление политики во всех областях хозяйства и управления” [6, с. 3]. Указывалось, что материалы журнала будут содействовать обмену опытом и информацией в сфере плановой и учетной работы. С № 1 за 1926 г. журнал перешел в ведение Госплана БССР, став его печатным органом. К данному времени относится появление в издании постоянных отделов: “Экономические вопросы”, “Советское строительство”, “Конъюнктура и обзоры”, “Хроника и заметки”, “По округам”. В 1930-е гг. появились рубрики, посвященные районному планированию и учету. С № 1 за 1930 г. журнал стал называться “Сацыялістычнае будаўніцтва”, с № 1 за 1934 г. журнал яв-

лялся также органом Управления народно-хозяйственного учета, созданного в 1932 г. при Госплане БССР.

На протяжении 1930-х гг. деятельность “Сацыялістычнага будаўніцтва” неоднократно подвергалась критике со стороны руководства Госплана БССР и высших органов республиканской власти.

В 1931 и 1934 г. журнал был критически оценен партийной организацией Госплана БССР за материалы узкотехнического характера, слабую связь с читателями и нерегулярный выход, недостаточную политическую заостренность публикаций и недостаточное освещение деятельности Госплана. Отмечалось, что журнал не сигнализировал о недостатках в работе различных отраслей народного хозяйства [7; 8].

Бюро ЦК КП(б)Б отреагировало на данное выступление, отметив своевременность и правильность критики “Сацыялістычнага будаўніцтва”, и приняло постановление об органе Госплана, в котором отмечалась необходимость изменения состава редколлегии журнала, совершенствования мероприятий по работе с читателями, более полного освещения вопросов регионального развития. Указывалось, что журнал должен выходить ежемесячно, однако уменьшенным объемом [9].

Издание “Сацыялістычнага будаўніцтва” было прекращено на № 1 за 1937 г. Данное обстоятельство следует считать следствием уже во многом сформировавшейся экономической системы как БССР, так и СССР, углубления политической и экономической централизации государства.

Руководство сельским хозяйством БССР осуществлял Народный комиссариат земледелия (Наркомзем), созданный в декабре 1920 г. Анализ особенностей содержания и деятельности печатных органов Наркомзема БССР невозможен без рассмотрения процессов, оказывавших непосредственное влияние на формирование политики в области сельского хозяйства. В 1920-е гг. в БССР особенности аграрной политики во многом были обусловлены взглядами народного комиссара земледелия (1924–1929 гг.) Д.Ф. Прищепова, считавшего оптимальными для БССР формами землеупорядочивания хутора, отрубы, а также

поселки. Одной из составляющих сельскохозяйственной политики Наркомзема БССР в 1920-е гг. являлось стимулирование частной инициативы крестьянина.

Реализация рассмотренной аграрной политики не могла обойтись без организации просвещения белорусского крестьянства в области ведения собственного хозяйства. Роль проводника сельскохозяйственных знаний Д.Ф. Прищепов отводил создававшемуся изданию Наркомзема. Предполагалось, что функционирование сельскохозяйственного журнала позволит повысить агрокультурный уровень населения белорусской деревни, следовательно, приведет к увеличению доходности личных хозяйств.

В январе 1925 г. вышел первый номер ежемесячного научно-популярного сельскохозяйственного журнала “Плуг”. Его содержание полностью соответствовало рассмотренному направлению развития сельского хозяйства. “Плуг” имел ярко выраженную практическую направленность: значительную часть материалов журнала составляли практические советы, что отразилось в названиях рубрик: “Полевое хозяйство”, “Садоводство”, “Животноводство”, “Ветеринария”.

Выход первого специализированного сельскохозяйственного издания, ориентированного на широкий круг читателей, вызвал отклик в республиканской прессе. В марте 1925 г. газета “Савецкая Беларусь” отмечала, что значительное количество материалов “Плуга” носило случайный характер, многие из них оказывались перегруженными теоретическими рассуждениями. Указывалось, что публикации должны иметь сезонный характер, материалы теоретического характера предлагалось заменить практико-ориентированными. Была отмечена необходимость активизации работы с аудиторией [10].

Постепенно журнал исправлял отмеченные недостатки. Были созданы постоянные рубрики: “Аградапамога вёсцы”, “Пытанні і адказы па зямельных справах”.

Дальнейшее реформирование сельского хозяйства республики осуществлялось посредством активизации создания колхозов и совхозов. Изменение аграрной политики привело к невозможности продолжения издания “Плуга” с содержанием, ориентиро-

ванным на развитие личных хозяйств, и его издание было прекращено в июне 1929 г. Однако уже в июле 1929 г. Наркомзем БССР совместно с Белколхозцентром и Белсельсоюзом возобновил издание собственного печатного органа – ежемесячного журнала “Шляхі калектывізацыі”. Заместитель народного комиссара земледелия БССР К.Н. Мясюков отмечал значительную роль прежнего журнала Наркомзема в деле развития сельского хозяйства, однако подчеркивал, что проводившаяся в период 1920-х гг. аграрная политика должна быть изменена в сторону активизации мероприятий по коллективизации сельского хозяйства [11, с. 2].

Рубрики журнала соответствовали направлению его деятельности: “Калгаснае будаўніцтва”, “Шырэй фронт калектывізацыі”, “Недахопы ў калгасным будаўніцтве”, “Па акругах і раёнах”. Завершение сплошной коллективизации в БССР привело к снижению актуальности обсуждения вопросов реформирования сельского хозяйства, и издание журнала “Шляхі калектывізацыі” было прекращено на № 7 за 1933 г.

Длительное время органы управления хозяйством республики не имели собственных периодических изданий, однако деятельность Госплана и Минсельхоза не могла обойтись без комплексного информационного сопровождения.

В январе 1953 г. вышел первый номер ежемесячного научно-производственного журнала “Колхозник Белоруссии” – органа Минсельхоза БССР, с 1957 г. издававшегося под названием “Сельская гаспадарка Беларусі”, в 1963–1990 гг. выходившего под названием “Сельское хозяйство Белоруссии”. С января 1957 г. по январь 1986 г. в его выпуске, наряду с Минсельхозом БССР, принимал участие ряд министерств, связанных с сельским хозяйством, республиканское объединение “Белсельхозтехника”, Государственный комитет БССР по производственно-техническому обеспечению сельского хозяйства, а также Белкоопсоюз. С февраля 1986 по декабрь 1990 г. журнал являлся органом Госагропрома БССР – преемника республиканского Минсельхоза.

В 1991 г. деятельность журнала подверглась трансформациям. Помимо назва-

ния, которое было изменено на “Хозяин”, изменилось содержание журнала – вместо разработки вопросов развития агропромышленного комплекса Республики Беларусь в журнале публикуются практические советы по ведению приусадебного хозяйства.

На протяжении 1957–1965 гг. в СССР осуществлялась реформа управления народным хозяйством: отраслевая система управления заменялась на территориальную – в БССР был создан республиканский Совет народного хозяйства [12, с. 27].

В январе 1958 г. вышел первый номер ежемесячного “Бюллетеня технико-экономической информации”, в 1958–1960 гг. – печатного органа Института научно-технической информации и пропаганды (ИНТИИП) Совнархоза БССР, с № 1 за 1961 г. – Совнархоза БССР и ИНТИИП Государственного научно-технического комитета (ГНТК) Совета Министров БССР, с № 12 за 1961 г. – Совнархоза БССР и ИНТИИП Государственного комитета Совета Министров БССР по координации научно-исследовательских работ, при этом с № 3 за 1961 г. название бюллетеня было изменено на “Промышленность Белоруссии”. С № 9 за 1964 г. бюллетень также являлся органом Белорусского республиканского Совета научно-технических обществ (БРС НТО). С № 1 за 1966 г., после того как в ноябре 1965 г. ИНТИИП Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ был передан в ведение республиканского Госплана, бюллетень стал печатным органом Госплана БССР и БРС НТО. С № 10 за 1968 г. бюллетень был преобразован в ежемесячный научно-производственный журнал Госплана БССР, с № 9 за 1969 г. журнал являлся органом Госплана БССР и БРС НТО, с № 1 за 1978 г. – органом Госплана БССР, БРС НТО, а также Белорусского республиканского совета профсоюзов. С № 7 за 1984 г. издание было преобразовано в массовый производственно-экономический журнал “Народное хозяйство Белоруссии”, который до 1989 г. являлся органом Госплана и Белорусского республиканского совета профсоюзов. В 1991–1997 гг. журнал издавался под названием “Человек и экономика”.

В изданиях Минсельхоза, Совнархоза и Госплана освещались вопросы сельскохозяй-

ственного и промышленного развития БССР, организации производства и труда, освоения новой техники, развития науки и внедрения ее достижений в сельскохозяйственное и промышленное производство. Эффективное функционирование прессы являлось важным фактором экономического развития республики.

Заключение

На протяжении 1920–1980-х гг. в республике функционировали государственные органы, деятельность которых определяла направления экономического развития БССР. Неотъемлемой составляющей деятельности республиканских органов управления экономикой – ЭКОСО, Госплана, Наркомзема, Минсельхоза, Совнархоза – являлся выпуск периодических изданий, отражавших особенности развития сельского хозяйства и промышленности республики. Среди задач, которые решались посредством прессы, следует выделить: отражение особенностей экономического развития БССР, ознакомление специалистов с деятельностью республиканских органов управления экономикой, информационная поддержка государственной экономической политики, получение информации с мест. На функционирование государственных органов, а также содержательные и структурные компоненты их периодических изданий определяющее влияние оказывала политико-экономическая ситуация, складывавшаяся в БССР.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Органы государственного управления Белорусской ССР (1919–1967 гг.) / АН БССР. Ин-т философии и права; редкол.: Г. Ф. Басов [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1968. – 328 с.
2. **Черныш, Л. П.** Становление планирования народного хозяйства Белорусской ССР / Л. П. Черныш. – Минск : Изд-во БГУ, 1982 – 208 с.
3. Декреты Советской власти. Т. XVI. Июнь 1921 г. / Ин-т рос. истории Рос. Академии наук, Рос. гос. архив соц.-полит. истории. – М. : РОССПЭН, 2004. – 592 с.
4. Развитие экономики Белоруссии в 1921–1927 гг. / Акад. наук БССР, Ин-т экономики ; редкол.: Ф. С. Мартинкевич [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1973. – 332 с.
5. От редакции // Народное хозяйство Белоруссии. – 1922. – № 1. – С. 1–2.
6. От редакции // Советское строительство. – 1924. – № 1. – С. 3–5.
7. От редакции // Сацыялістычнае будаўніцтва. – 1931. – № 10–12. – С. 3–5.
8. От редакции // Сацыялістычнае будаўніцтва. – 1934. – № 1. – С. 3–6.
9. Пастанова бюро ЦК КП(б)Б аб часопісу “Сацыялістычнае будаўніцтва” – орган Дзяржплана і УНГУ Беларусі // Сацыялістычнае будаўніцтва. – 1935. – № 1–2. – С. 4.
10. Часопіс “Плуг” № 2. Недалікі і парады на будучыню // Савецкая Беларусь. – 1925. – 25 сак. – С. 4.
11. **Масюкоў, К.** Задачы, якія стаяць перад часопісам “Шляхі калектывізацыі” / К. Масюкоў // Шляхі калектывізацыі. – 1929. – № 1. – С. 1–2.
12. **Сасім, А. М.** Промышленность Беларуси в условиях реформирования и стагнации (1953–1985 гг.) / А. М. Сасім. – Минск : Экоперспектива, 2009. – 243 с.

Поступила в редакцию 11.09.2019 г.
Контакты: romanderr@mail.ru
(Дерюжин Роман Викторович)

Deryuzhin R.V. THE DEVELOPMENT OF THE PRINT MEDIA OF THE BSSR NATIONAL ECONOMY ADMINISTRATIVE BODIES (1920–1980s).

The article considers the emergence and development of the print media of the administration authorities of the national economy of the BSSR. The features of the structure and content of the publications of the Economic Meeting, the State Planning Commission (Committee), the People's Commissariat for Agriculture, the Ministry of Agriculture, the Board of the National Economy are identified. It is emphasized that the content and functioning of the print media of the administration authorities of the national economy were significantly influenced by the political and economic processes that took place in the BSSR during the 1920–1980s.

Keywords: journal, newsletter, ministry, economic development, planning, agriculture, industry.

УДК 82.09

**ТЭМА ВАЕННАГА ПАЛОНУ Ў
АПОВЕСЦЯХ К. ВАРАБ'ЁВА
“ГЭТА МЫ, ГОСПАДЗІ!” (1943, 1986)
І М. АЎРАМЧЫКА “ПАЛОН”(1991)**

Т. Р. Багарадава

старшы выкладчык

Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт

У артыкуле выяўляецца эвалюцыя мастацкага раскрыцця тэмы палону ў расійскай і беларускай прозе перыяду 1980–1990-х гг., прысвечанай падзеям Вялікай Айчыннай вайны. Аналізуюцца творчыя пазіцыі абраных для разгляду аўтараў (К. Вараб'ёва і М. Аўрамчыка), вызначаецца эвалюцыя іх падыходаў да асэнсавання перажытага – з улікам змен гісторыка-культурнага кантэксту і рэалій канца ХХ ст. Тэма Вялікай Айчыннай вайны знайшла максімальна праўдзівую інтэрпрэтацыю ў творчасці адзначаных пісьменнікаў, якія прымалі ў ваенных дзеяннях непасрэдны ўдзел і на ўласным вопыце адчулі іх наступствы.

Ключавыя словы: ваенная аповесць, “лейтэнанцкая проза”, “перабудова”, партрэтная характарыстыка, градацыя, быццё, натуралізм, гуманізм.

Уводзіны

У перыяд 1980–1990-х гг. тэма Вялікай Айчыннай вайны працягвала актыўна разглядацца ў творчасці рускіх і беларускіх аўтараў. Пісьменнік-ветэран В. Быкаў наступным чынам вызначыў знітаванасць уласнага жыцця з ваенным кантэкстам: *Кожны год дзе-небудзь на свеце ішла вайна, дзяржавы, што не ваявалі, з усяе сілы рыхтаваліся да таго, і гады нашай сталасці былі кароценькімі перапынкамі паміж дзвюма войнамі, у якіх кавалася зброя, фарміравалася ўсялюдная злосць, рыхтавалася навуковае абгрунтаванне будучай бойні і раслі салдаты будучых рот, батальёнаў, палкоў <...>. Яна была прываблівай нам, гэтая вайна, і вабіла нас да таго часу, пакуль была выдумкай, а не рэальнасцю [1, с. 8].*

Кажучы пра ход ваенных дзеянняў і характар Другой сусветнай (Вялікай Айчыннай) вайны, Л. Плоткін адзначаў, што яна “<...> была вайной асаблівай, незвычайнай у самой сваёй плыні, у самім яе ходзе. Яна была поўная <...> кантрастаў” [2, с. 11]. У савецкім літаратуразнаўстве склаліся пэўныя традыцыі для ўспрымання і ацэнкі твораў пра вайну. А. Гарбачоў наступным чынам сказаў пра ідэалагічны ракурс існавання такіх твораў: “<...> Да сямідзясятых гадоў ХХ ст. у савецкім літаратуразнаўстве тэрмін “ваенная проза” ўсталяўся ў якасці сіноніма “ідэалагічна прымальных” літаратурных твораў пра Вялікую Айчынную вайну” [тут і далей пераклад наш. – Т.Б.] [3]. Час “перабудовы” і галаснасці даў магчымасць інтэрпрэтацыі раней забароненых у літаратуры тэм, што мелі дачыненне да ваеннага кантэксту (такіх, як калабарацыянiзм, жыццё на акупіраваных тэрыторыях, знаходжанне ў канцэнтрацыйных лагерах для ваеннапалонных і цывільных). Апошняя тэма для рускай і беларускай літаратуры не новая. У айчыннай мастацкай спадчыне яна распачата творчасцю Ф. Аляхновіча, Я. Бяганскай, Л. Геніюш, С. Грахоўскага, Б. Сачанкі. У рускай літаратуры гэтую тэму найбольш востра і рэзанансна ўзняў у сваёй творчасці А. Салжаніцын.

Асноўная частка

Асабісты лёс Канстанціна Вараб'ёва (1919–1975, лейтэнант, ваяваў пад Масквой, Клінам, у 1943–1944 гг. камандаваў партызанскай групай пад Шаўляем) і факт знаходжання з 1941 па 1943 г. у лагерах для ваеннапалонных Кліна, Ржэва, Смаленска, Каўнаса, Саласпілса, Шаўляя знайшлі адлюстраванне ў недапісанай аўтабіяграфічнай аповесці “Гэта мы, госпадзі!” (1943, 1986). Аўтар доўга шукаў назву для твора, які павінен быў стаць працягам аповесці “Крык” (1962). Асабліваць стылістыкі К. Вараб'ёва адзначаў В. Астаф'еў: “Канстанцін Вараб'ёў моцны тым, дзе ён піша, дакладней, апісвае свабодна, даючы сабе і свайму ўяўленню поўную прастору <...>” [4, с. 89].

Аповесць “Гэта мы, госпадзі!” стваралася ў літоўскім антыфашысцкім падполлі

цягам месяца. У аўтарскіх архівах захаваліся толькі рэшткі твора. Аповесць адлюстравала неадзначныя эпизоды перыяду Вялікай Айчыннай вайны, звязаныя з утрыманнем савецкіх людзей у фашысцкіх лагерах, таму яе першая частка пасля знаходжання ў архівах пабачыла свет амаль праз саракагадовы тэрмін. У снежні 1941 г. пад Клінам К. Вараб'ёў быў кантужаны і трапіў у палон, адкуль два разы няўдала збягаў. М. Чабатаеў пісаў: “Скончылася вайна, але вярнуцца на Радзіму пісьменнік не змог: былога вязня нямецкіх канцлагаў чакаў страшны лёс – кляймо здрадніка і ўжо савецкі канцлагер” [5, с. 282]. У аповесці ў сямнаццаці главах разнапланавая разглядаецца факт знаходжання ў няволі лейтэнанта Сяргея Кастрова – аднаго з мільёнаў ваеннапалонных. Рукапіс абрываецца на апісанні падзей вясны 1943 г. і марах палоннага – лейтэнанта Кастрова – пра ўцёкі на волю: “*Бегчы, бегчы, бегчы!*” – амаль надакучліва, у такт крокам, чаканілася ў розуме слова [6]. Сінтаксіс твора багаты на шматкроп'е, якім і заканчваецца апошні ўцалелы пісьменніцкі запіс.

У перыяд 1980–1990 гг. ваенная аповесць Міколы Аўрамчыка (1920–2017, ваяваў на Паўночна-Заходнім і Волхаўскім франтах; у 1942 г. трапіў у палон, з якога вызвалены англічанамі ў 1945 г.) адлюстравала разнапланавыя эпизоды: шматаспектнае ўзнаўленне франтавога кантэксту, у тым ліку праз погляд з варажого боку, трагізм крызіснай сітуацыі, тупік нямецкага палону. У мастацкім свеце аўтара спалучыліся трагічныя і станоўчыя моманты з ваеннага мінулага, а таксама асабіста перажытага. Паводле Л. Гарэлік, “*боль перажытага ваеннага ліхалецця пастаянна прысутнічае ў творах пісьменніка “падтэкстава”*. Праз усё жыццё не знікла асцярожнасць і насцярожанасць у падыходах да выявы шматлікіх грамадскіх стасункаў” [7, с. 188].

К. Вараб'ёў належаў да пісьменнікаў-франтавікоў, прадстаўнікоў “лейтэнанцкай прозы”, якія максімальна праўдзіва адлюстравалі натуралізм, характэрны для ваеннай рэчаіснасці, выпадкі неапраўданых баявых страт, антымаральных паводзін камандзіраў. У перыяд 1980–1990-х гг. мова твораў былых франтавікоў стала жорсткай, у

ёй пачала адкрыта ўжывацца прастамоўная лексіка, вульгарызмы, лаянкавыя словы. Гэта звязана з імкненнем да натуральнага адлюстравання ваеннага кантэксту, паказу напалу сітуацыі і новымі магчымасцямі для разняволеных выказванняў. Па словах А. Данільчык, “*розныя па жанру і стылю, творы на ваенную тэму надаюць увагу праблеме чалавека і спрабуюць вырашыць яе з філасофскіх <...> і псіха-біяфізічных пазіцый <...>*” [8, с. 3]. Натуралізм ваеннай рэчаіснасці і паказ чалавека ў ёй у творчасці К. Вараб'ёва праявіўся праз адлюстраванне лагернага быту: *На трынаццатыя суткі наўмыснага мора голадам людзей немцы загналі ў лагер параненага каня. І кінуўся велізарны натоўп палонных да няшчаснай жывёлы, на хаду адкрываючы нажы, брытвы, таропка мацаючы ў кішэнях хаця б нешта вострае, здольнае рэзаць ці ірваць мяса, якое рухаецца. Па ўтворанай гіганцкай кучы людзей дзве вышкі адкрылі кулямётны агонь* [6]. У творы апісаны сцэны забойстваў ваеннапалонных, жудасныя падрабязнасці фізічнага стану знявечаных холадам і голадам людзей, неаднаразова акцэнтаецца ўвага на адсутнасці належнага харчавання. Аўтар пераканаўча адлюстраванне ўцёкі з лагера лейтэнанта Кастрова і яго “папелніка па няшчасці” Ванюшкі праз плынь свядомасці героя, яго трызненні і бессвядомы стан, і такім чынам падкрэсліваецца напал абставін, памежнасць сітуацыі: *Расцілаецца перад вачыма Сяргея зялёны абрус дзесьці даўно бачанага лугу. <...> Аскепкам разбітага люстэрка мільгае перапалоханая думка, прымушае ўздрыгнуць аціхлае цела: “У багнеты! Не адпачывай... Гэта смерць”. <...> “Смерць? Жы-ыць хачу-у... жы-ы-ыць... <...> Горш за смерць нічога не будзе!... [6].* Такая ж безвыходнасць у адчуваннях персанажа назіраецца падчас яго знаходжання ў камеры смяротнікаў Панявежскага астрага.

Былы франтавік В. Быкаў як прадстаўнік “лейтэнанцкай прозы” таксама заглябляўся ў псіхалогію: як індывідуальную, так і сацыяльную. Ён адзначаў уплыў фактараў страху і безвыходнасці на чалавека: *<...> І жыцця шмат каму было не шкада, такое яно*

стала нясцёрпнае. У той сітуацыі і палягае псіхалагічная крыніца шмат якіх учынкаў, у тым ліку і тых, якія цяпер называюць подзвігамі<...>. Што робіць сабака ці воўк, калі яго прышчэмяць у загарадзі? Кідаецца на людзей. Беларусы кінуліся на немцаў. З адчаю [9, с. 421–422]. Большасць пісьменнікаў-франтавікоў выдзяляла ў апісанні стану салдата на вайне фактар страху. У сваіх адносінах з Богам чалавек цалкам адзінока. Тэорыю поўнай чалавечай адзіночкі С. К’еркегор звязваў з тэорыяй страху, сцвярджаючы трагічнасць чалавечага лёсу [10]. Нягледзячы на знаходжанне ў лагеры сярод людзей, лейтэнант Сяргей Кастроў з твора К. Вараб’ёва “Гэта мы, Госпадзі!”, застаючыся сам-насам са сваімі праблемамі, спачатку адчувае страх за ўласнае жыццё: <...> Сяргей, які бравіраваў на фронце сваёй спакойнасцю пад мінамі немцаў, ніколі не думаў пра магчымасць смерці, сёння раптам так востра спалохаўся за сваё жыццё? Ды яшчэ ў такім стане! Палонны... калі жаданым зыходам усяго, здавлася б, павінна з’явіцца смерць [6]. Страх хутка змяняецца абьякавасцю перад фатальнасцю лёсу, што робіць магчымасць правядзення паралеляў паміж аповесцю К. Вараб’ёва і айчыннымі запіскамі М. Гарэцкага “На імперыялістычнай вайне”: Ён думаў пра смерць і тады ж зразумеў, што, на сутнасці, не баіцца яе, толькі... толькі намерці хацелася прыгожа! [6].

Аповесць “Палон” (1991) М. Аўрамчыка стала вызначальнай у яго творчай спадчыне, спалучыла драматызм пісьменніцкага бачання ваеннага кантэксту і знаходжання ў фашысцкай няволі. Наватарскім у творы з’явіўся праўдзівы паказ М. Аўрамчыкам непрадуманасці той ваеннай аперацыі, якая адабрала ў салдат свабоду: Няўжо наш імклівы парыву захлынуўся ў крыві, сустрэты кулямётнымі чэргамі і шквалам мінных выбухаў? [11]. Мастацкая дэталі стала элементам стварэння кантэксту і адлюстравала адсутнасць у савецкім войску належнай зброі, баявой тэхнікі: Спачатку мы перагналі са скарасным бамбардзіроўшчыкам і супакоіліся, задаволеныя поспехам. А тым часам яны за якія-небудзь тры гады здолелі абхітрыць нас са

знішчальнікам [11]. Акрамя агульнага ваеннага плану пісьменнік дэталізаваў эпизоды расстрэлу палонных салдат за тое, што яны выйшлі з шарэнгі папіць вады, а таксама дэталіна ўзнавіў злачынствы, звязаныя са спаленымі зажыва людзьмі.

Аповесць К. Вараб’ёва “Гэта мы, госпадзі!” у лепшых традыцыях “лейтэнанцкай прозы” ўзнавіла вобраз салдата, які, нягледзячы на хвілінную душэўную слабасць, цягам усяго знаходжання ў варожым палоне не скараецца абставінам, а ўпарта імкнецца застацца жывым і баяздольным: Ну-с, таварыш Кастроў, давайце прызвычайвацца да новага жыцця! – з сумнай іроніяй падумаў ён, глыбока зацягваючыся даўкім дымам [6]. Пра барацьбу з абставінамі і фатальнасцю таксама сведчыць сімвалічны эпіграф са “Слова пра паход Ігаравы”. Пісьменнік стварыў пераканаўчы малюнак нямецкага наступлення ў 1941 г. падчас марознай і снежнай зімы, адносна фашыстаў да ваеннапалонных: А злосьць вымяшчалася на галодных, хворых, спакутаваных людзях... У гэтыя дні немцы не білі палонных. Толькі забівалі! [6]. К. Вараб’ёў у творы ўдала спалучыў апісанні і псіхалагічнага партрэта персанажа, і яго знешніх характарыстык. Пераканаўчы аўтабіяграфічны герой, намаляваны ў рэалістычна пададзеных абставінах, – вось што спрыяла стварэнню цэласнага малюнка эпохі. Тут фактаграфічнасць і дэталізацыя пацвярджаюць чытачу праўдзівасць усяго зместу аповесці: Гэтыя два гітлераўцы былі добра адкормленыя. Высока стаялі фуражкі, робячы іх падобнымі да балотных кнігавак, уразаліся аकोлышы ў паголеныя патыліцы. Вялізныя чорныя кабуры маўзераў боўталіся ў іх на левых сцёгнах, у руках палалі нікелем новенькія кайданкі [6].

Іншы ракурс у асвятленні “лагернай” тэмы знаходзім у аповесці М. Аўрамчыка “Палон”. У параўнанні з творам К. Вараб’ёва беларускі аўтар большую ўвагу надаў вобразам катаў, іх характарам. Важным элементам апісання нямецкіх паслугачоў таксама стала ўжытая пісьменнікам партрэтная характарыстыка: Паколькі выгляд Штунца цалкам адпавядаў арыўскаму, дык, можа, таму ён і паспеў вышэй падняцца на служ-

бовай лесвіцы; праўда, прырода не надзяліла Брэса вонкавымі нардычнымі рысамі. Мусіць, таму ён і заседзеўся ў звычайных наглядчыках, хаця нораў меў круты і рашучы [11]. Самыя розныя рысы назіраюцца таксама ў створаных М. Аўрамчыкам вобразах перакладчыка Ванькі, наглядчыкаў Паўла і Задзіры. Эпізод катавання аднаго са здраднікаў мае рысы жорсткага натуралізму.

Пры адлюстраванні варажэга боку ў творы М. Аўрамчыка “Палон” вобраз немца Карла Кольба з’явіўся якасна новым для савецкай ваеннай аповесці. Т. Грамадчанка адзначала, што ў творы існуе “вобраз “міласэрнага немца” <...>” [12, с. 45]. Немец верыць у Бога, з перыяду Першай сусветнай вайны захоўвае крыж. Фактычна М. Аўрамчык пайшоў насуперак традыцыйнаму ў літаратуры сацыялістычнага рэалізму адлюстраванню абсалютнай антыгуманнасці немцаў. М. Аўрамчык падкрэсліў ролю кожнай канкрэтнай асобы ў гісторыі, у тым ліку – у ваеннай. Письменнік па-наватарску паказаў адмоўныя адносіны немца да фашысцкай філасофіі і Гітлера: *У ягоных вачах яго радзіма стала ўвасабленнем вялікай турмы народаў, у якой беззаконна караюць нявінных і ахоўваюць непаслухмяных. Цяпер немцы уяўляліся яму карнікамі і вартавымі, якім зрабілі і яго самога* [11].

У творы К. Вараб’ёва “Гэта мы, госпадзі!” прысутнічае традыцыйны матыў дарогі, які трансфармуецца ад канкрэтнага суправаджэння ваеннапалонных канваірамі ў лагер да абстрактна-сімвалічнага шляху ў неведомасць: *Пастаўленыя на пяць, ціха пасунуліся па Валакаламскім тракце, акружаныя моцным канвоём. <...> Колкі, пранізлівы вецер дуў у твар, прымушаў у камяк сціскацца ссохлае цела* [6]. Дарога, якая вядзе ўцекачоў з лагера, мае зусім іншуюсэнсавую танальнасць – яна прасякнута светлым адчуваннем Радзімы: *... Ішлі вось ужо некалькі гадзін. <...> Ужо набліжалася ноч да досвітку, калі Сяргей і Ванюшка ўвайшлі ў стромкі хваёвы бор і бярозавы гай. <...> Дзесьці за сотні вёрст, адгароджаная кручамі хваю і шырокімі тванямі непраходных прыбалтыйскіх багнаў, раскінулася іх вялікая Радзіма...* [6].

Эпізоды апісання прыродных з’яў, звязаныя з лагерным асяроддзем, зніжана афарбаваныя, што стварае эфект адчужанасці чалавека. Градацыя характарызуе эмацыянальную атмасферу месца і часу: *Нізка пльвуць над Ржэвам снежныя хмары-вырадкі. Ачмурэла пляцца ў неба трубы спаленых дамоў. Вецер выводзіць у гэтыя трубы песню смерці. <...> Чорныя зграі атлусцелага варання са свістам у крылах і злавесным карканнем плаваюць над лагерам. <...> Ціха. Цёмна. Жудасна* [6]. Гукавая палітра таксама спрыяе адлюстраванню атмасферы часу, трагічнасці сітуацыі, кантрасту ваеннага і мірнага побыту, допытаў Сяргея Кастрова ў астрозе, яго знаходжання ў камеры смяротнікаў: *І, гайдаючыся, зноў адчуў вострымі краямі лапатак жорсткую шурпатую сцяну. – Тах-тах! – ... скажайт! – Тах-тах! Потым грукнулі нябачныя Сяргеем дзверы, і пакой напоўнілі холад і цішыня...* [6].

Як адзначалася, для айчыннага мастацтва слова раскрыццё тэмы палону ў творы праз прапанаваны кантэкст стала новым. Сюжэтныя лініі твора М. Аўрамчыка “Палон” чаргуюцца і, дзякуючы падзеям і фактам, перадаюцца з мастацка-дакументальнай дакладнасцю. Ракурс аповесці паказаў пазбаўленых волі людзей і разуменне імі ўласнага становішча ў перспектыве няпэўнага далейшага існавання. Жыццё палонных у нямецкім лагеры з’явілася спляценнем зменлівых хаатычных адрэзкаў быцця. Філасофскія катэгорыі “жыццё” і “смерць” знайшлі ў творы самае непасрэднае выяўленне: *Мабыць, той, хто пабываў у няволі, узбуджана ўспрымае сваё вызваленне і абвострана прыкмячае прыгажосць навакольнага свету* [11]. Падаўленне чалавека як асобы, нават страціў імаідэнтывіфікацыі спадарожнічалі лагернаму быту. Небяспечнае і памежнае існаванне ва ўмовах нямецкага палону перапынялася толькі выбарам асобы. Калабарацыянізм і абсалютнае здрадніцтва сталі нярэдкай з’явай ва ўмовах асуджанасці на смерць. Л. Гарэлік зазначае: “<...> Вачам вязняў адкрываецца сапраўднае пекла А. Дантэ, усе кругі якога ахвяры павінны прайсці” [7, с. 200].

Аповесць М. Аўрамчыка “Палон” аўтабіяграфічная і мае шэраг персанажаў-прадзвіжнікаў. Прозвішчы некаторых з іх аўтар нават не змяняў (напрыклад, былых беларускіх студэнтаў Янкі Лагуна і Міхася Сіліча). Варта адзначыць, што ў мастацкім увасабленні персанажаў у цэлым не хапае псіхалагічнай дакладнасці, але пачуццё ўзаемавыручкі і глыбіня перажыванняў перададзены дэталёва: *Расчулены новым знаёмствам, Леанід не ўстрымаўся і расічодрыўся, сьпнуўшы з кішэні спачатку ў землякова дзюралевае вядзерца, а потым у Міхасёву бляшанку па дзве жмені нейкай светла-карычневай прыправы* [11]. Нягледзячы на драматызм узноўленых падзей, твор адрозніваецца лёгкай стылістыкай, якая кантрастуе з сюжэтам і дасягаецца найперш лірычнымі адступленнямі, напрыклад, апісанні прыроды, краявідаў Полаччыны: *На лузе перад поймаю Палаты таксама рос дзьмухавец, з кветак якога дзяўчаты плялі вянкi, са смолак і з кашкі збіралі чырвонабелыя букеты. А слёзкі ў іхняй мясцовасці чамусьці празвалі боскімі слёзкамі* [11].

Заклучэнне

Аповесці К. Вараб’ёва “Гэта мы, госпадзі!” і М. Аўрамчыка “Палон” яднае праўдзівая рэканструкцыя тых падзей Вялікай Айчыннай вайны, што падлягалі жорсткай цензуры ў савецкі час. Тэма знаходжання ў нямецкіх лагерах глыбока раскрыта ў названых творах, паколькі галоўны герой у абедзвюх аповесцях аўтабіяграфічны. Творы рускага і беларускага пісьменнікаў-ветэранаў дэталізавана адлюстроўваюць атмасферу і трагедыю палону для савецкага салдата ў 1940-я гг., маральны стан асобы ў памежных абставінах перад пагрозай смерці, вобразы і псіхалогію ворага-фашыста, а таксама здрадніка. Аповесці К. Вараб’ёва і М. Аўрамчыка па тэматыцы, вострыя калізій, напале гуманістычнага пафасу з’яўляюцца прынцыповым дасягненнем познасавецкай прозы.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Быкаў, В.** На крыжах: Выступленні, артыкулы, інтэрв’ю / В. Быкаў. – Мінск : Беларусь, 1992. – 271 с.

2. **Плоткин, Л.** Литература и война: Великая Отечественная война в русской советской литературе / Л. Плоткин. – М.-Л. : Советский писатель, 1967. – 357 с.
3. **Горбачев, А.Ю.** Военная тема в прозе 1940–1990-х годов / А. Ю. Горбачев // Инфоградия [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <https://www.bsu.by/Cache/pdf/219533.pdf>. – Дата доступа: 20.10.2019.
4. **Астафьев, В.** Зрячий посох: книга прозы / В. Астафьев. – М. : Современник, 1988. – 303 с.
5. **Чеботаяев, М.** Страдая за людей: Штрихи к портрету писателя / М. Чеботаяев // Сибирские огни. – 1991. – № 7. – С. 280–297.
6. **Воробьев, К.** Это мы, Господи! / К. Воробьев // Электронная библиотека Libking.ru [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <https://libking.ru/books/prose-/prose-classic/197560-konstantin-vorobev-eto-my-gospodi.html>. – Дата доступа: 30.10.2019.
7. Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: у 4 т. / рэдкал.: У. В. Гніламедаў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 2004. – Т. 4. Кн. 1: 1966–1985 / У. В. Гніламедаў [і інш.]. – 2004. – 927 с.
8. **Данільчык, А. А.** Канцэпцыя чалавекі ў беларускай і італьянскай ваеннай прозе : дыс. ... канд. філал. навук : 10.01.01, 10.01.03 / А. А. Данільчык. – Мінск, 2002. – 109 с.
9. **Быкаў, В.** Доўгая дарога дадому / В. Быкаў. – Мінск : ГАБТ Кніга, 2003. – 539 с.
10. **Кьеркегор, С.** Страх и трепет / С. Кьеркегор. – М. : Республика, 1993. – 383 с.
11. **Аўрамчык, М.** Палон / М. Аўрамчык // Электронная бібліятэка LibCat.ru [Электронны рэсурс]. – 2017. – Рэжым доступа: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/83864-m-kola-aramchuk-palon.html>. – Дата доступа: 10.10.2019.
12. **Грамадчанка, Т.** Перад праўдай высокай і вечнай: беларуская проза сёння / Т. Грамадчанка. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1991. – 144 с.

Паступіў у рэдакцыю 18.11.2019 г.
Кантакты: bogoradova1974@yandex.ru
(Багарадава Таццяна Робертаўна)

Bagaradava T.R. THE THEME OF CAPTIVITY IN THE SHORT NOVELS “HERE WE ARE, MY LORD!” (1943, 1986) BY K. VOROBYEV AND “POWS” (1991) BY M. AVRAMCHIK.

The article reveals the evolution of the artistic disclosure of the topic of captivity in Russian and Belarusian prose of the 1980–1990s dedicated to the events of the Great Patriotic War. The artistic views of the authors selected for consideration (K. Vorobyev and M. Avramchik) are analyzed, the evolution of their approaches to

life experience is determined with regard to the changes in the historical and cultural context and the realities of the late XX century. The theme of the Great Patriotic War found the most truthful interpretation in the works of the noted writers who were directly involved in the hostilities and experienced the war effects themselves.

Keywords: military story, “lieutenant prose”, “perestroika”, portrait description, graduation, existence, naturalism, humanism.

ДЛЯ ЗАЎВАГ

Пераклад тэкстаў рэфератаў артыкулаў
на англійскую мову
Я.В. Рубанав

Тэхнічны рэдактар *А.Л. Пазнякоў*
Камп'ютарны набор і вёрстка *А.Л. Пазнякоў*
Карэктар *Г.В. Карпянкова*

Падпісана да друку 10.03.2020 г.
Фармат 70x108^{1/16}. Папера афсетная. Гарнітура TimesNewRoman.
Ум.-друк. арк. 11,9. Ул.-выд. арк. 12,8. Тыраж 100 экз. Заказ 1612.
Установа адукацыі "Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А.А. Куляшова", 212022, Магілёў, Касманаўтаў, 1.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/131 ад 03.01.2014 г.
Унітарнае паліграфічнае камунальнае прадпрыемства
"Магілёўская абласная ўзбуйненая друкарня імя С. Собаля"
ЛП № 02330/23 ад 30.12.2013 г.
вул. Першамайская, 70, 212030, г. Магілёў